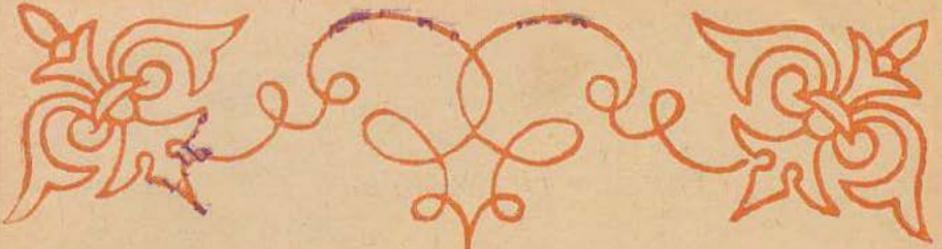

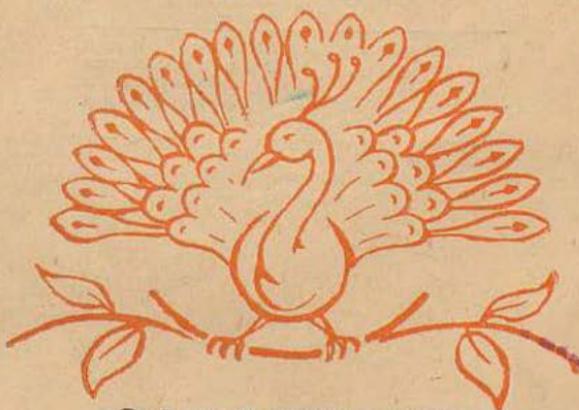

От края и до края

ОТ КРАДЯ И ДО КРАДЯ

СКАЗКИ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Редактор-составитель — Н. Н. Арбеневъ.

Художники: Е. В. Камшилова и
В. А. Старицын.

Тех. редактор — Е. Г. Жечин

Корект. ра: В. Д. Шумкова и
Б. М. Семченко.

Подписано к печати 28 декабря 1950 г.
Формат 60×92^{1/4}. Объем 20 паг. листов.
Авт. 12,6 л. Уч.-изд. 14,4 л.
ЛБ23660. Зак. 782. Тираж 25 000 экз.
Цена 8 руб. 20 коп.

8-я типография Роспотребнадзора при Совете
Министров РСФСР
Гор. Молотов, ул. Коммунистическая, 57.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

(*Русская сказка*)

В некотором царстве, в давние времена жили-были на опушке леса в маленькой избушке дед да баба, да дочка Василисушка. Жили они хорошо, светло, да и на них горе пришло. Заболела матушка родимая, чует — смерть идёт. Позвала она Василисушку и дала ей маленькую куколку.

— Слушай, — говорит, — доченька, береги эту куколку и никому не показывай. Если случится с тобой беда, дай ей покушать и спроси у неё совета. Поест куколка и поможет твоему горю, доченька.

Поцеловала мать Василисушку и умерла.

Потужил старик, потужил, да и женился на другой. Думал дать Василисе матушку, а дал ей злую мачеху.

Были у мачехи две дочери: злые, дурные, привередливые. Мачеха их любила, ласкала, а Василису поедом ела. Плохо стало жить Василисушке. Мачеха и сёстры всё злятся, бранятся, работой девицу изводят, чтобы она от работы похудела, от ветра и солнца почернела.

Только целый день и слышно: — Василиса, Васка, Василиска! Обед свари, избу убери, принеси дров, подой коров, да работай живей, да гляди веселей.

А Василиса всё делает, всем угощает, всю работу справляется. И с каждым днём Василиса хорошеет. Красавица! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Это всё куколка Василисе помогает.

Утром раненько надоит Василиса молока, запрётся в чуланчике, потчует куколку молоком да приговаривает: — Ну-ка, куколка, покушай, моего горя послушай.

Куколка покушает и утешит Василису, и всю работу за неё сделает. Сидит девушка в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и грядки выполоты, и вода наношена, и печь истоплена, и капуста полита. Куколка ей еще травку от загара укажет. Станет Василиса краше прежнего.

Вот раз уехал отец надолго из дома. Сидит мачеха с дочками в избе, за окном темень, дождь, ветер воет, осень поздняя. Кругом избы лес дремучий, а в лесу баба-яга живёт, людей, как цыплят, жрёт.

Вот мачеха раздала девицам работу: одной кружева плести, другой чулки вязать, а Василисе — прядь. Во всём доме огонь погасила, одну лучинку оставила, где девушки работали, и спать легла.

Трещала, трещала луна берёзовая, да и загасла.

— Что тут делать? — говорят мачехины дочки. — Огня во всем доме нет, а работать надо. Придётся за огнём к бабе-яге ити.

— Я не пойду, — говорит старшая, — я кружева вяжу, мне от крючка светло.

— И я не пойду, — говорит средняя, — я чулок вяжу, мне от спиц светло.

Да как закричат обе: — Василисе! Василисе за огнём ити! Ступай к бабе-яге.

И вытолкали Василису из избы. Кругом ночь чёрная, лес густой, ветер злой.

Заплакала Василиса, вынула из кармана куколку.

— Куколка моя милая, посылают меня к бабе-яге за огнём, а баба-яга людей ест-жуёт, только косточки покрустывают.

— Ничего, — говорит куколка, — не бойся, пока я с тобой — беды не будет.

— Спасибо на добром слове, — сказала Василиса и в путь отправилась.

Вокруг лес стеною стоит, на небе звезды не блестят, светлый месяц не выходит. Идёт девушка, дрожит, куколку к себе прижимает. Вдруг скакет мимо неё всадник, сам белый, на коне белом, сбруя на коне ясная. Стало рассветать.

Идёт девушка дальше, спотыкается, о пни-колоды ушибается. Рюса косу покрыла, руки заледенила.

Вдруг скакет другой всадник, сам красный, на коне красном, сбруя на коне красная.

Взошло солнце. Приласкало Василису, обогрело девушку и росу на косе высушило.

Целый день шла Василисушка. К вечеру вышла на полянку. Смотрит — изба стоит. Забор вокруг избы из людских костей. На заборе черепа человеческие, вместо ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — острые зубы.

Обомлела девушка, стала как вкопанная. Вдруг скакет всадник, сам чёрный, на коне чёрном, сбруя на коне чёрная. Доскакал до ворот и пропал, как сквозь землю провалился.

Ночь наступила.

Тут у всех черепов на заборе глаза загорелись, стало на поляне светло, как днем.

Задрожала Василиса от страха. Ноги не идут, от страшного места не несут.

Вдруг слышит Василиса — земля дрожит, ходуном ходит. Это баба-яга в ступе летит, пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам, да как закричит:

— Фу, фу, фу, русским духом пахнет! Кто здесь есть?

Подошла Василиса к бабе-яге, поклонилась ей нижёнько, говорит ей скромнёхонько:

— Это я, бабушка, меня мачехины дочки за огнём прислали.

— Так, — говорит баба-яга, — твоя мачеха мне родня. Ну что ж! Поживи у меня, поработай, а там видно будет.

А потом как крикнет громким голосом:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь!

Отворились ворота, баба-яга въехала. Василиса вслед вошла. У ворот растёт берёзка, хочет девушку исхлестать.

— Не хлещи, берёзка, девушку! Это я её привела, — говорит баба-яга.

У дверей лежит собака, хочет девушку искусить.

— Не тронь её, это я её привела, — говорит баба-яга.

В сенях кот-воркот, хочет девушку исцарапать.

— Не тронь её, кот-воркот, это я её привела, — говорит баба-яга. — Видишь, Василиса, от меня не легко выбраться. Кот исцарапает, собака искусает, берёза глаза выбьёт, ворота не откроются.

Зашла баба-яга в избу, на лавке растянулась.

— Эй, девка-чернавка, подавай еду!

Выскочила девка-чернавка, стала бабу-ягу кормить: котёл борща, да ведро молока, да двадцать цыплят, да сорок утят, да полбыка, да два пирога, да квасу, мёду, браги без счёту. Всё съела баба-яга, Василисе только краюшку хлеба дала.

— Ну, — говорит, — возьми вон мешок пшена, да по зёрнышку перебери, да всю чернушку выбери, а не сделаешь — я тебя съем.

Тут баба-яга и захрапела.

Взяла Василиса хлеба краюшку, положила перед куколкой да и говорит:

— Куколка, голубушка! Помоги, спаси, пожалей меня, сиротинушку.

А куколка ей в ответ:

— Ты не плачь, не тужи, лучше спать ложись, утро вечера мудренее.

Только Василиса заснула, куколка и закричала:

— Птицы-синицы, воробы и голуби, сюда прилетайте, от беды Василису выручайте!

Слетелось тут птиц видимо-невидимо. Стали пшено перебирать, стали громко ворковать, зёрнышки — в мешок, чернушки — в зобок. Да всё пшено по зёрнышку перебрали, от чернушки очистили.

Только дело сделали, проскакал мимо ворот белый всадник на белом коне. Рассвело.

Тут проснулась баба-яга, Василису спрашивает:

— Что, работу сделала?

— Готово, бабушка.

Рассердилась баба-яга — говорить-то нечего.

— Ну, — ворчит, — я сейчас на добычу полечу, а ты возьми вон мешок, там горох с маком смешанный, всё по зёрнышку перебери, на две кучи разложи. А не сделаешь — я тебя съем.

Проскакал красный всадник. Солнце взошло.

Вышла баба-яга на двор, свистнула, подкатила к ней ступа с пестом.

Села баба-яга в ступу, выехала со двора, пестом погоняет, помелом след заметает.

А Василиса хлебца корочку перед куколкой положила.

— Помоги, куколка-голубушка!

Крикнула куколка звонким голосом:

— Прибегайте, мыши полевые, домовые, амбарные!

Набежало мышей видимо-невидимо. В час мыши всю работу сделали.

К вечеру собрала девка-чернавка на стол, стала бабу-ягу ждать.

Проскакал за воротами чёрный всадник. Ночь пала.
У черепов глаза загорелись, затрещали деревья, зашумели листья, — едет баба-яга, костяная нога.

— Ну, что, Василиса! Работа сделана?

— Всё готово, бабушка.

Рассердилась баба-яга, а сказать-то нечего.

— Ну коли так, иди спать, и я сейчас лягу.

Пошла Василиса за печку и слышит — баба-яга говорит:

— Ты, девка-чернавка, пе́чь разожги, огонь размечи, я проснусь — Василису зажарю.

Легла баба-яга на лавку, захрапела на весь лес.

Заплакала Василиса, вынула куколку, накормила её клебцем.

— Куколка-голубушка, покушай, моего горя послушай. Хочет меня баба-яга изжарить да съесть.

Ну, куколка её всему научила. Как делать, как быть, как беду избыть.

Бросилась Василиса к девушке-чернавушке, в ноги поклонилась:

— Девушка-чернавушка, возьми мой шёлковый плащечек, помоги мне. Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай.

Отвечает ей девушка-чернавушка:

— Ладно, милая, я тебе помогу. Буду долго пе́чь то-пить, буду бабе-яге пятки чесать, чтобы ей крепче спать. А ты убегай, Василисушка!

— А меня всадники не поймают? Назад не воротят?

— Нет, — говорит девка-чернавка, — всадники бабе-яге не слуги: белый всадник — это день ясный, красный всадник — солнце золотое, чёрный — ночь тёмная. Они тебя не тронут.

Выбежала Василиса в сени. Бросился к ней кот-воркот, ладит её исцарапать. Кинула ему Василиса пирожок. Он её не тронул.

Побежала Василисушка с крыльца. Выскочила собака,

ладит её искусать. Девушка ей хлебца бросила. Собака её не тронула.

Побежала Василисушка прочь со двора. Хотела ей берёзка глаза выстегать. Она её ленточкой с косы своей перевязала, и берёзка девушку пропустила.

Хотели ворота захлопнуться. Василиса им петельки салом смазала, они перед ней и растворились. Выбежала девица в лес.

А тут и чёрный всадник проскакал. Стало в лесу темным-темно. Как без огня домой дойти? Как без огня в избу войти? Мачеха со свету сживёт. И тут куколка Василису научила. Сняла Василиса череп с забора, на палку надела. Бежит девушка через тёмный лес, а у черепа глаза светятся — тёмной ночью, как днём, светло.

А баба-яга проснулась, потянулась, Василисы хватилась, бросилась в сени.

— Кот-воркот, девка мимо бежала, ты её исцарапал?

А кот-воркот ей в ответ:

— Я тебе, баба-яга, десять лет служу, ты мне корочки не дала, а она мне пирога бросила, вот я её и пропустил.

Бросилась баба-яга во двор.

— Пёс мой верный, искал ли ты девку непослушную?

А пёс ей в ответ:

— Я тебе столько лет служил, ты мне косточки не бросила, а она мне хлебца дала, я её и пропустил.

Закричала яга зычным голосом:

— Берёза моя, берёза, ты ей глаза выстегала?

А берёза ей в ответ:

— Я у тебя десять лет расту, ты мои веточки не подвязала, а она меня ленточкой обвила. Я её и пропустила.

Подбежала баба-яга к воротам.

— Ворота мои крепкие, вы закрылись, задержали девку непослушную?

А ворота ей в ответ:

— Мы тебе столько лет служили, ты нам в петельки воды не подлила, а она нас сальцем смазала. Мы её и пропустили.

Рассердилась тут баба-яга. Стала собаку бить, кота трепать, ворота ломать, берёзу рубить. Уходилась, упиралась, умаялась. Не стала Василису догонять.

А Василисушка домой прибежала. Видит — в доме темным-темно, ни в одном окне огонька нет. Выбежали мачехины дочки, забрались, заругались.

— Что долго ходила, огня не несла? У нас никак огонь в доме не держится. Уж мы высекали, высекали, да не высекли, а который от соседей приносили, тотчас в избе гас. Авось твой огонь будет держаться.

Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так иглядят на мачеху и её дочерей, так их огнём и жгут. Те было прятаться, да куда ни бросятся, глаза всюду за ними так и следят, так и жгут.

К утру совсем сожгло их в уголь, а Василису не тронуло.

Зарыла Василиса череп в землю, вырос на этом месте алый розовый куст.

Не захотела Василиса в этом доме оставаться, пошла в город и стала жить у одной старушки. Вот как-то и говорит она старушке:

— Скучно мне, бабушка, без дела сидеть. Купи-ка мне самого лучшего льна.

Купила ей бабушка льну, села Василиса прядь. Работа у неё так и горит, веретёшко так и жужжит, нитка тянется ровная, тонкая, как золотой волосок. Стала Василиса полотно ткать, выткала такое полотно, что в игольное ушко вдеть можно. Выбелила Василиса полотно белее снега.

— Вот, бабушка, — говорит Василиса, — продай это полотно, а деньги себе возьми.

Взглянула бабушка на полотно и ахнула.

— Нет, дитятко, такое полотно, кроме царевича, и носить некому. Понесу-ко я его во дворец.

Увидал царевич полотно, вздивовался.

— Что ты хочешь за него? — спрашивает.

— Этакому полотну цены нет, царевич-батюшка, я тебе его в дар принесла.

Поблагодарил царевич старуху и отпустил домой с подарками. Хотели царевичу из этого полотна рубашки сшить, да никто не брался — больно работа тонкая. Позвал царевич старуху и говорит:

— Умела ты соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

Старуха отвечает:

— Не я, царевич, пряла, не я ткала, а Василисушка.

— Ну так пусть и сошьёт она.

Воротилась старушка домой, рассказала обо всем Василисе. Василиса сорочки сшила, шелками расшила, скатным жемчугом унизала. Отнесла старуха сорочки во дворец.

Села Василиса у окошка в пяльцах шить. Вдруг видит — бежит царский слуга.

— Требует тебя царевич к себе во дворец.

Пошла Василиса во дворец. Как увидел царевич Василису Прекрасную, так и обмер.

— Не расстанусь с тобой, — говорит, — будешь моей женой.

Взял он её за руки белые, посадил её подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро вернулся отец Василисы и остался жить при дочери. Старушку Василиса к себе взяла, а куколку всегда в кармане носила. Так они живут-поживают, нас в гости поджидают.

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

(Русская сказка)

В некотором царстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок, по имени Андрей.

Пошёл раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось: не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идёт он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил её, горлица свалилась с дерева на сырую землю. Поднял её Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдет на меня дремота — в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем

тица, а говорит человеческим голосом. Принёс он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила голову под крыльшко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил её правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, сумей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да весёлой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живёт с молодой женой — потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идёт в лес, настреляет дичи и несёт на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей!

— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шёлку, я всё дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шёлку и принёс жене. Марья-царевна взяла шёлк и говорит:

— Ложись спать, утром вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковёр, какого в целом свете не видывали: на нём всё царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдаёт ковёр мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковёр, повесил на руку и пошёл по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?
— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — ещё. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковёр, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилиу протолкался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чём речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковёр и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковёр?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться, сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковёр и пошёл домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковёр. Царь взглянул — на ковре всё его царство, как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, ещё лучше закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая кра-

савица, век бы глаз от неё не отвёл, всё бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры не ест, не пьёт, — всё ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал высрашивать, что за кручинка у него такая. Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, всё о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заворожить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашёл избёнку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занёс, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Зашемила царя сердечная зазноба. «Чего, — думает, — хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь, — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошёл и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак, винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень¹ в рваном кафтанишке:

¹ Кабацкая теребень — постоянный посетитель кабака.

— О чём, царский советник, пригорюнился, зачем
вос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднёс ему царский советник стаканчик винца и рассказал про своё горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое — сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдёт и назад не вернётся.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень — и бегом к царю.

— Так и так, — можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и зачем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой, правдой, со служи ещё службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч...

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что не весел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу. Марья-царевна говорит:

— Есть о чём горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко:

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведёт.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался

с женой и пошёл к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику итти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится, Андрей идёт за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озёрами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут итти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо них на старом-престаром царе два черта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка!

— Твоя правда, это он самый дрова везёт.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чём его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезём?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впряженли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками — тот гнётся, а везёт.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житьё-бытьё.

— Ах, Андрей-стрелок, — отвечает царь, — плохое моё житье на том свете! Поклонись от меня сыну, да скажи, что накрепко ему наказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой.

Андрей попрощался со старым царём, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в своё царство, являются во дворец. Царь увидел стрелка и всердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живёт он плохо, велел вам кланяться, да на крепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем и докажу, что у вашего советника на спи-не и теперь ещё знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошёл царский советник, ещё ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднёс ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — её не то что выполнить, трудно и выдумать; послал бы его за тридевять земель, в тридесятное царство добыть кота-баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посыпает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятное царство и добудь мне кота-баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил, рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чём кручиниться! — Марья-царевна говорит. — Это не служба, а службишка, служба будет спереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи, и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея.

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятное царство. Трёх вёрст не дойдёшь, станет одолевать тебя сильный сон — кот-баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснёшь, кот-баюн убьёт тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка оказывается, не скоро дело делается. Пришел Андрей-стрелок в тридесятное царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит, — идёт, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот-баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутом, изломал железный, принялся угощать медным, и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьёт, а кот-баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочек. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, все
тебе сделаю.

— А пойдёшь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошёл в обратный путь и кота за собой по-
вёл. Добрался до своего царства, приходит с котом во
дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота-
бауна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот-баун, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у
него белую грудь раздирать, из живого сердце выни-
мать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота-бауна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошёл до-
мой, к Марье-царевне. Живёт-поживает, тешится с мо-
лодой женой. А царя ещё пуще знобит зазноба сердеч-
ная. Опять призвал советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не
то мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идёт прямо в кабак, нашёл там
кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его
выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стакан-
чик вина выпил, усы вытер:

— Ступай, — говорит, — к царю и скажи: пусть по-
шлёт Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести
то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не
выполнит и назад не вернётся.

Советник побежал к царю и всё ему доложил. Царь
посыпает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью:
сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.
Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч —
твоя голова с плеч.

Пришёл Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, не весел? Или ещё невзгода какая?

— Эх, — говорит, — через твою красу все напасти несу! Велел мне царь итти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба, так служба! Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные! Вы, звери, всюду рыскаете; вы, птицы, всюду летаете — не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великаны:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине, — сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете: не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили её, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширилку¹.

— Брось клубок перед собой, куда покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришёл, будешь умываться, чужой ширилкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошёл за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится, Андрей идёт за ним следом.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много царств и земель прошёл Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется; стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно на дороге... Дошёл Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошёл и видит — на лавке сидит седая старуха, прядёт кудель.

— Фу, фу, русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл. Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и чёрен, ты наперёд баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширилку и стал ею утиратся.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширилка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширилку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем мне тебя потчевать?

¹ Ширилка — полотенце.

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом — он ест, она выспрашивает, как он на Марье-царевне женился, да хорошо ли они живут. Андрей всё рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добить то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а баба-яга взяла два голика¹, полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга её спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесёт твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезёт до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

¹ Голик — березовый веник без листьев, голый.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил на землю.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай я тебя задавлю.

— Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше тёмного леса, да как скакнёт — и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошёл по тропинке — видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погодя застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок — борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись появляется стол накрытый, на нём бочонок пива да бык печёный, в боку нож точеный.

Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точёный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать. Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало, — ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдёт мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись появился стол, на нём разные кушанья, закуски и заедки, вина, мёды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метёлкой сметает, вина и мёды сами в рюмку наливаются — рюмка скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне!

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не想要? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну прибирай всё да пойдём со мной.

Пошёл Андрей из избёнки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошёл Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

— Добрый молодец, нашёл то — не знаю что?

— Нашёл, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на неё, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошёл путь-дорогой в своё царство. Идёт, идёт, обернётся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шёл, шёл Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх, — говорит, — до чего же я уморился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понёс — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенъко — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки — не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якори, три купца-корабельщики сели на лёгкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут — дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревах птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо-чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повел гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поестъ!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нём вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» — дубинка сама начинает колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тяпать: тяп да ляп — вышел корабль; тяп да ляп — ещё корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамёна развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — и нет ничего, всё пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже.
Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу
свата Наума все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор
да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом
будем безо всякой заботы день и ночь сыты и
пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, то-
пор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берём с собой! Будешь
нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне всё равно, у кого ни
живь.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и
давай пировать — пьют, едят, знай, покривывают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай
этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать по-
валились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился:
«Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга,
сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонуш-
ку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понёс в его цар-
ство на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть,
живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, — всё нет толку. Гля-
дят, — и острова нет: на месте его шумят одни синие
волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишко, смотрит — вместо домишко обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошёл из города на сине море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударила об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга спрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушёл, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посыпал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец построить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом — зелёный сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любуются. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, всё разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живёт он в нём с молодой женой, Марьей-царевной.

Ещё пуще разгневался царь, посыпает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принёс ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и до-
был то — не знаю что.

Тут царь совсем осерчал, приказал собрать войско,
и тти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого
Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидел Андрей, что идёт на него сильное войско,
скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. То-
пор тяп да ляп — стоит на море корабль, опять тяп да
ляп — стоит другой корабль. Сто раз тяпнул, сто кораб-
лей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско:
и конница, и пехота, с пушками, со знамёнами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал
начинать сражение. Музыка засиграла, барабаны ударили,
полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конни-
ца скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки
так и бьют по столичному городу.

Царь видит — войско его бежит, кинулся сам к вой-
ску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец пе-
рекидывается по чистому полю; нагнала царя и удари-
ла его в лоб, убила досмерти.

Тут и сражению конец пришёл. Повалил из города
народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в
свои руки всё государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир,
и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством
до глубокой старости.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

(Русская сказка)

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посыпает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил; припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата итти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется — сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюёт золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитницы память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал и пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошёл его искать:

ходил, ходил и нашёл своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня итти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошёл пеший. Шёл, шёл, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился сидит. Откуда ни возьмись бежит к нему Серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, Серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел. Жалко мне тебя! Расскажи, зачем вдаль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, бара-

баны забили; сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царя Берендея сын, да пошёл воровать!

— А потому, что ваша птица летала, наш сад разоряла!

— А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пущу нехорошую славу про вас... Ну, да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюился Иван-царевич, идёт к Серому волку.

А Серый волк ему:

— Я же тебе говорил — не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же меня, Серый волк.

— Ладно, садись на меня.

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри — уздачу не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спали, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздачу — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздачки, пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили. Сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эва, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Долмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к Серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, прости же меня, Серый волк.

— Ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем.

Добегают они до царя Долмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а Серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, Серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его Серый волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а Серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался Серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, Серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а Волк удрал прочь.

Нагоняет Серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чём задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрана. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём, Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся Серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а Серый волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше итти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил Серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты ещё пригодишься? Все желания мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краёв, вздумалось ему поподневать. Было у него с собой немножко хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать. Только Иван-царевич заснул, наезжают на него братья. Ездили они по другим землям, искать Жар-птицу, вернулись с пустыми руками.

Наехали и видят — у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились.

— Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили её:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уже вороны летают.. Откуда ни возьмись прибежал Серый волк и схватил ворона с воронёнком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а Волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, — принёс он живой и мёртвой воды. Серый волк спрыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!

— Крепко ты спал, — говорит Серый волк. — Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их Серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился Серому волку и простился с ним навечно. Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе невесту, Елену Прекрасную. Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему Серый волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как Серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной.

МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ

(Русская сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слыхал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребятушки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездить за тридевять земель в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшого ответу нет.

Выходит царевич Фёдор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных

яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошёл Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлестанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату. И доеzжает до росстаней¹, до трёх дорог. Лежит на росстаниях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду — где женату быть». И повернулся на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доеzжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперёд двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила. Только лёг Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли — царь опять собирает пир, зовёт князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Я бы этому седоку полцарства отписал.

¹ Росстани — перекресток дорог.

Тут опять больший хоронится за среднего, а средний за меньшего, а от меньшого ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич.

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доехает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал прямо дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусывать хлеба-соли и лечь опочивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, а она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Фёдор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, в третий раз царь собирает цир, зовёт князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, средний за меньшего, а от меньшого ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды, да поискать ещё моих братьев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идёт, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка:

— Здравствуй, дитятко Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться, — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неуданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до росстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять, — куда мне без коня-то. Прямо ехать — женату быть, — не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти, — эта дорога самая лучшая для меня». И поворотил он по

той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет. Шелковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу, — говорит, — русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга, костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь... Ты бы сейчас вскочила, да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот баба-яга это дело все справила — Ивана царевича накормила, напоила и на постель уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озёр, в тридесятное царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитятко моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у самой богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцов проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей середней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Поблагодарил бабя-ягу за ночлег и поехал на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести вёрст прокакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далёко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это баба-яга — ещё старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльце:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга, костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила.

Баба-яга это дело всё справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцов проезживало, да не много вежливо говоривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встал ранёхонько, умывается белёшенько. Поблагодарил бабу-ягу за ночлег и поехал на её коне. А конь ещё бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой, перчатку обронил!

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста вёрст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка оказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до закату. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь отклинулся. Выходит на крыльце баба-яга, старых лет, ещё старее той. Поглядела — конь её сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему, и конному, и бедному, и ботатому.

Баба-яга всё дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к середней, а середняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным племчам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства — стена в три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стражи — тридцать богатырей: тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены — и бей коня по бокам плетью нехлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рулец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Конь поскакивает, мхи болота перескакивает, реки, озёра хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доеzжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стражи спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать, да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рулец. И захотелось ему

самую увидать сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят — по одну сторону шесть полениц¹ — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девица Синеглазка, спит как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел...

Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьёт коня плетью нехлестанной...

— Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковкой — на стене струны запели, и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала покражу:

— Вставайте, у нас покражка большая!

Велела она седлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем. Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у неё уже конь выведенnyй, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперёд погнал.. Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка в дверь и спрашивает у бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову — доит, не торопится.

¹ Поленица — богатырка.

Поела девица Синеглазка молока и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доеzжает Иван-царевич до средней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девица Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков — печёт, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего богатырского и опять погнал. Он — за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготвила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала за Иваном-царевичем. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать. Он видит за собой погоною: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил, да колодец не прикрыл?

А он ей: — Что ж, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копья долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза,

палицы поломали, копья-сабли исщербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до закату. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сырь землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белую грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь. Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелёных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка оказывается, — доеzжает Иван-царевич до росстаней, до трёх дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть. И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони отклинулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошёл на крыльце, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица.

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул её на кровать, живо кривить повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землей уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали они до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покараульте моего коня, а я лягу отдохнуть.

Лёг он на шёлковую траву и богатырским сном заснул. А Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятался и видит — только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьёт их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

— Не кричи, мать, нас сберёг русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклал, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал Нагай-птицу кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А Нагай-птица опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. С другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаше последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай рыгнула, три кусочка вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: попрежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой гали и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посыпает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — всё царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посыпает старшего — Фёдора-царевича. Идёт Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенъко.

Тут двое пареньков взяли трости и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс. А Синеглазка опять посыпает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посыпает середнего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенъко.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унёс.

А Синеглазка в третий раз посыпает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдёте — всё царство потопчу, пожгу.

Царь ещё пуще испугался, посыпает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблочки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке, и с ним идёт голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идёт с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

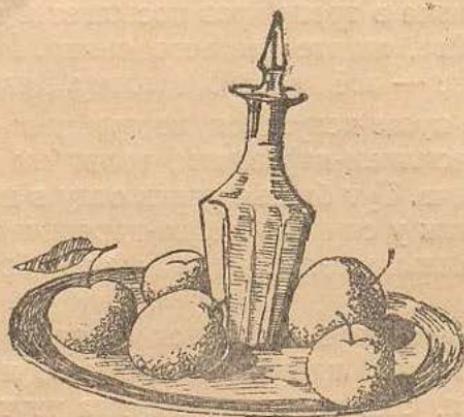
Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одёжу на нём сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным

пирком да и за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать, где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

СИВКА-БУРКА

(Русская сказка)

Жил-был старик, у него было три сына. Старшие занимались хозяйством, были тороваты и щеголеваты, а младший, Иван-дурак, был так себе — любил в лес ходить по грибы, а дома всё больше на печи сидел. Пришло время старику умирать, вот он и наказывает сыновьям:

— Когда помру, вы три ночи подряд ходите ко мне на могилу, приносите мне хлеба.

Старика склонили. Приходит ночь, надо большему брату идти на могилу, а ему не то лень, не то боится, — он и говорит младшему брату:

— Ваня, замени меня в эту ночь, сходи к отцу на могилу. Я тебе пряник куплю.

Иван согласился, взял хлеба, пошёл к отцу. Сел, дожидается. В полночь земля расступилась, отец поднимается из могилы и говорит:

— Кто тут? Ты ли, мой больший сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют или чадо моё плачет?

Иван отвечает:

— Это я, твой сын. А на Руси всё спокойно.

Отец наелся хлеба и лёг в могилу. А Иван направился домой, дорогой набрал грибов. Приходит — старший брат его спрашивает:

— Видел отца?

— Видел.

— Ел он хлеб?

— Ел. Досыта наелся.

Настала вторая ночь. Надо итти среднему брату, а ему не то лень, не то боится, — он и говорит:

— Ваня, сходи за меня к отцу. Я тебе лапти сплету.

— Ладно.

Взял Иван хлеба, пошёл к отцу на могилу, сел, дожидается. В полночь земля расступилась, отец поднялся и спрашивает:

— Кто тут? Ты ли, мой середний сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют или моё чадо плачет?

Иван отвечает:

— Это я, твой сын. А на Руси всё спокойно.

Отец наелся хлеба и лёг в могилу. А Иван пошёл домой, дорогой опять набрал грибов. Средний брат его спрашивает:

— Отец ел хлеб?

— Ел. Досыта наелся.

На третью ночь настала очередь итти Ивану. Он говорит братьям:

— Я две ночи ходил. Ступайте теперь вы к отцу на могилу, а я отдохну.

Братья ему отвечают:

— Что ты, Ваня, тебе там знакомо, иди лучше ты.

Иван взял хлеба, пошёл. В полночь земля расступается, отец поднялся из могилы:

— Кто тут? Ты ли, мой младший сын Ваня? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют или моё чадо моё плачет?

Иван отвечает:

— Здесь твой сын Ваня. А на Руси всё спокойно.
Отец наелся хлеба и говорит ему:

— Один ты исполнил мой наказ, не побоялся три ночи ходить ко мне на могилу. Выйди в чистое поле и крикни: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Конь к тебе прибежит, ты залезь ему в правое ухо, а вылезь в левое. Станешь куда какой молодец. Садись на коня и поезжай.

Иван взял узду, поблагодарил отца и пошёл домой, дорогой опять набрал грибов. Дома братья его спрашивают:

- Видел отца?
- Видел.
- Ел он хлеб?
- Наелся досыта и больше не велел приходить.

В то время царь кликнул клич: всем добрым молодцам, холостым, неженатым, съезжаться на царский двор. Дочь его, Несравненная Красота, велела построить себе терем о двенадцати столбах, о двенадцати венцах. В этом тереме она сядет на самый верх и будет ждать, чтобы с одного лошадиного скока доскочил до нее и поцеловал в губы. За такого наездника, какого бы роду он ни был, царь отдаст в жёны свою дочь, Несравненную Красоту, и полцарства впридачу.

Услышали об этом Ивановы братья и говорят между собой:

- Давай попытаем счастья.

Вот они коней овсом накормили, выводили, сами оделись чисто, кудри расчесали. А Иван сидит на печи за трубой и говорит им:

- Братья, возьмите меня с собой счастья попытать!

— Дурак, запечина! Ступай лучше в лес за грибами, нечего людей смешить.

Братья сели на добрых коней, шапки заломили, свистнули, гикнули — только пыль столбом. А Иван

взял узду и пошёл в чистое поле. Вышел в чистое поле и крикнул, как отец его учил:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Стал как вкопанный и спрашивает:

— Чего велишь?

Иван коня погладил, взнуздал, влез ему в правое ухо, а в левое вылез и сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел на коня и поехал на царский двор. Сивка-бурка бежит, земля дрожит, горы-долы хвостом застилает, пни-колоды про-меж ног пускает.

Приезжает Иван на царский двор, а там народу видимо-невидимо. В высоком тереме о двенадцати венцах, на самом верху в окошке сидит царевна Несравненная Красота.

Царь вышел на крыльце и говорит:

— Кто из вас, молодцы, с разлёту на коне доскочит до окошка да поцелует мою дочь в губы, за того отдам её замуж и полцарства впридачу.

Тогда добрые молодцы начали скакать. Куда там — высоко, не достать! Попытались Ивановы братья, до середины не доскочили. Дошла очередь до Ивана.

Он разогнал Сивку-бурку, гикнул, ахнул, скакнул — двух венцов только не достал. Взвился опять, разлетелся в другой раз — одного венца не достал. Ещё завертелся, закружился, разгорячил коня и дал рыскача — как огонь, пролетел мимо окошка, поцеловал царевну Несравненную Красоту в сахарные уста, а царевна ударила его кольцом в лоб, приложила печать.

Тут весь народ закричал: — Держи, держи его!

А его и след простыл.

Прискакал Иван в чистое поле, влез Сивке-бурке в левое ухо, а из правого вылез и сделался опять Иваном-дураком. Коня пустил, а сам пошёл домой, по дороге на-

брал грибов. Обвязал лоб тряпицей, залез на печь и полеживает. Приезжают его братья, рассказывают, где были и что видели.

— Были хороши молодцы, а один лучше всех — с разлёту на коне царевну в уста поцеловал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал.

Иван сидит за трубой и говорит:

— Да не я ли это был?

Братья на него рассердились:

— Дурак — дурацкое и орёт! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Иван потихоньку развязал тряпицу на лбу, где его царевна кольцом ударила, — избу огнём осветило. Братья испугались, закричали:

— Что ты, дурак, делаешь? Избу сожжёшь!

На другой день царь зовёт к себе на пир всех бояр и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых. Ивановы братья стали собираться к царю на пир. Иван им говорит:

— Возьмите меня с собой!

— Куда тебе, дураку, людей смешить! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Братья сели на добрых коней и поехали, а Иван пошёл пешком. Приходит к царю на пир и сел в дальний угол. Царевна Несравненная Красота начала гостей обходить. Подносит чашу с медом и смотрит, у кого на лбу печать. Обошла она всех гостей, подходит к Ивану, и у самой сердце так и защемило. Взглянула на него — он весь в саже, волосы дыбом.

Царевна Несравненная Красота стала его спрашивать:

— Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?

— Ушибся.

Царевна ему лоб развязала — вдруг свет по всему дворцу. Она и вскрикнула:

— Это моя печать! Вот где мой суженый!

Царь подходит и говорит:

— Какой это суженый! Он дурной, весь в саже.

Иван говорит царю:

— Дозволь мне умыться.

Царь дозволил. Иван вышел на двор и крикнул, как его отец учил:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Иван ему в правое ухо влез, из левого вылез и сделался опять таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Весь народ так и ахнул.

Разговоры тут были коротки: весёлым пирком да за свадебку.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

(Русская сказка)

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь.

У среднего сына стрела упала на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жёны лягушку?

— Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтрему по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скакет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтрему рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльце, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скакет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

— Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, расшитую златом-серебром, изукрашенную узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник её надевать.

Пошли старшие братья по домам и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра¹...

Царь опять позвал сыновей:

— Пускай ваши жёны испекут мне к завтрему хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

— Надо к завтрему испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать.

¹ Хитра — колдунья.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у своего родного батюшки едала.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то поспускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отоспал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отоспал. А как подал хлеб Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой не весел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услыхал от батюшки слово неприветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробочонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурмлёнными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочек её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрёсся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробочонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звёзды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жёны больших-то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали, махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А

теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл, куда глаза глядят—искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапочонку дождик исёк. Попадается ему навстречу старый старишок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старишок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старишака и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц, Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

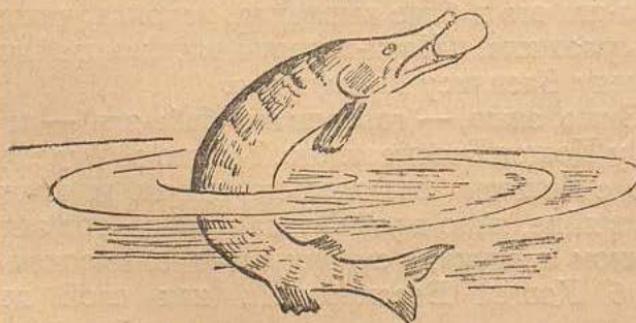
— Знаю, знаю, — говорит ему баба-яга, — твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз,бережёт.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, а наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни возьмись, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскоцил заяц — и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

(*Русская сказка*)

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь и царица. И был у них сын Иван. Прожили они вместе сколько-то времени, вздумалось царю на войну собираться. Царица поехала его провожать. Оставили они на сына все хозяйство и наказали:

— Ваня, везде ходи, за всем присматривай, только в запечатанную комнату не заглядывай.

Не успели царь с царицей уехать, как Иван-царевич бросился к запечатанной комнате. Печати снял, дверь отворил, глянул, а в комнате висит Кошеч Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кошеч у Ивана-царевича:

— Скалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь; не ел, не пил, совсем в горле пересохло!

Подал ему царевич ведро воды. Кошеч выпил и еще попросил: — Мне одним ведром не запить жажды!

Подал другое. Кошеч выпил, запросил третье.

А как выпил третье ведро, почувствовал в себе прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Дурак ты, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Не видать тебе больше матери, как своих ушей! — страшным вихрем вылетел в окно, догнал на дороге царя с царицей, схватил царицу и унёс к себе.

Горько, горько заплакал Иван-царевич, снарядился и пошёл в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу мать».

Долго-долго шёл он. Прошёл леса дремучие, грязи вязучие, горы сыпучие, реки могучие, наконец пришёл на край света, где солнышко всходит. Видит пастух стадо пасет.

— Чье это стадо?

— Кощяя Бессмертного!

Выспросил Иван-царевич у пастуха: далеко ли Кощей живёт, как к нему проехать, когда стадо домой загоняют, куда запирают. А потом выпросил у пастуха платье, нарядился и погнал стадо домой. Пригнал, стал у ворот. Выбежала девушка с чашкой, подоила корову, хочет молоко нести во дворец. Иван-царевич выхватил у нее чашку, уронил туда кольцо.

— Что ты это, пастух, озорничашь? — рассердилась девушка.

Приходит к царице и говорит:

— Что-то пастух над нами насмехается: бросил в молоко камень.

Царица отвечает:

— Оставь молоко, я сама процежу.

Стала цедить, увидела своё кольцо и послала за пастухом. Привели его.

Увидела царица своего сына, бросилась к нему, обняла, залилась слезами и промолвила:

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в запечатанную комнату и выпустил Кощяя Бессмертного?

— Прости, мама. Не поминай старого, лучше поедем со мной, авось, Кощей Бессмертный, не догонит.

Собрались и поехали.

А Кошечей на охоте был, к вечеру домой возвращается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься?

Конь отвечает:

— Приходил Иван-царевич, увез свою мать.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать её, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб съесть да тогда вдогонку ехать — и то поспеем.

Кошечей поскакал, догнал Ивана-царевича с матерью, схватил царицу и унёс к себе.

Опомнился Иван-царевич, сел на камень и даже заплакал. Поплакал-поплакал и снова воротился за матерью. Кошечея, на его счастье, опять дома нет.

— Поедем, мама!

— Эх, Ваня, он нас догонит!

— А может быть успеем!

Сели, поехали.

Кошечей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься?

— Иван-царевич приходил, свою мать увёз.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, доотвала наесться да тогда вдогонку ехать и то поспеем.

Кошечей поскакал, догнал Ивана-царевича, отнял у него мать и увез к себе.

В третий раз пошел Иван-царевич за матерью, на ту пору Кошечея снова дома нет.

— Поедем мама!

— Ах, сынок, нельзя ехать: если в третий раз догонит нас Кошечей Бессмертный, тебя в куски изрубит,

— Давай попробуем.

Поехали они, слышат вдали топот: это Кошечей Бессмертный их догоняет. Иван-царевич посадил мать на камень, набил соломой свое царское платье, положил матери на колени, а сам за куст спрятался.

Догнал их Кошечей Бессмертный, Ивана-царевича изрубил (изрубил-то он платье с соломой, а думал на Ивана-царевича), царицу с собой увёз.

Переспал Иван-царевич в кустах, наутро опять к матери пробирается:

— Ну, мама, что будем делать? И отсюда не убежишь и здесь не останешься. Буду сегодня с Кощеем биться.

— Худо наше дело, — отвечает мать. — Кощече тебе не истребить.

Научает её тогда Иван-царевич.

— Я сейчас уйду, а ты узнай, где у Кощече смерть.

Только успел он со двора уйти (а он всё в пастуховой одежде был), как Кошечей вошел:

— Фу-фу, русским духом пахнет. Знать, у тебя Иван-царевич был?

— Что ты, Кошечей Бессмертный! Где мне Ивана-царевича видать: сам же его изрубил в куски, звери по кусочку растащили!

Сели они за стол. Царица спрашивает:

— Скажи мне, Кошечей Бессмертный, где твоя смерть?

— На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана.

Позавтракал Кошечей и уехал. Иван-царевич, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил.

Только успел царевич уйти, а Кошечей во двор.

— Фу-фу, — говорит, — опять русским духом пахнет.

Знать, у тебя Иван-царевич был.

— Что ты, Кошечей Бессмертный! Сам по Руси летал, русского духа нахватался — от тебя русским духом и пахнет. А Иван-царевич давно в куски изрублен, зверями по косточке растащен.

Пришло время обедать. Царица сама села на стул, а Кощяя посадила на лавку. Он заглянул под порог—лежит веник позолоченный.

— Это что?

— Ах, Кощей Бессмертный! Сам видишь, как я тебя почитаю: если ты мне дорог, так и смерть твоя дорога!

— Глупая баба, то я пошутил; моя смерть в заборе заделана.

Только уехал Кощей, прибежал Иван-царевич. Узнал в чём дело, весь забор вызолотил.

К ужину возвращается Кощей Бессмертный.

— Фу-фу! Русским духом пахнет. Наверно, был у тебя Иван-царевич?

— Что ты, Кощей Бессмертный! Уж сколько раз тебе говаривала: где мне видеть Ивана-царевича! Тобой он в куски изрублен, зверями по жилочке растащен.

Пришло время ужинать. Царица сама села на лавку, его на стул посадила. Кощей взглянул в окно: стоит забор позолоченный, словно жар горит!

— Это что?

— Сам видишь, Кощей Бессмертный, как я тебя почитаю: если ты мне дорог, так и смерть твоя дорога!

Полюбилась эта речь Кощею Бессмертному, говорит он царице:

— Эх ты, глупая баба! То я пошутил: у меня смерть за морем-океаном, за островом Буяном: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть.

Наутро, как только Кощей уехал, царица напекла Ивану-царевичу пирожков в дорогу и рассказала, где искать смерть Кощееву.

Пошёл Иван-царевич ни путём, ни дорогою, пришёл к океан-морю широкому и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли—есть нечего. Вдруг летит ястреб. Иван-царевич прицелился:

— Ну, ястреб! Я тебя застрелю и сырым съем.

— Не ешь меня, Иван-царевич: в нужное время тебе пригожусь.

Бежит медведь.

— Ах, мишка косолапый! Я тебя убью да сырым съем.

— Не ешь, Иван-царевич, в нужное время я тебе пригожусь.

Глядь, на берегу щука трепещется.

— А, щука зубастая, попалась! Я тебя сырой съем!

— Не ешь, Иван-царевич, лучше в море брось: в нужное время я тебе пригожусь.

Стоит царевич и думает: «Когда-то наступит нужное время, а теперь голодать приходится».

Вдруг сине-море всколыхалось-взволновалось, стало берег заливать. Иван-царевич бросился в гору. Бежит что есть силы, а вода за ним по пятам гонит. Взбежал он на самое высокое место, залез на дерево, где ястребиное гнездо было и ждёт.

Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, и на берегу очутилась большая кокора. Прибежал медведь, поднял кокору да как хватит оземь — кокора развалилась, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко. Вдруг, откуда ни возьмись, вылетел ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо да прямо в море. Тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу.

Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор; встречает его мать, к плечу припадает. А Кощей увидел их из окна и рассердился:

— А, Иван-царевич! Рубил я тебя, да видно, не дробил! Второй раз изрублю — не оживешь!

— А что это? — сказал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и показывает Кощею.

У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел, покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку, — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило.

Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на руку перекладывать! Перекладывал, перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер.

Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, набрал мешки золота-серебра и поехал с матерью к родному батюшке. Приехал домой — устроил пир горой. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, во рту не было.

ИВАН-СОЛДАТ

(Русская сказка)

Жил стариk с тремя сыновьями. На краю света жил. Кругом глуши да топь, места дикие, болота непроходимые. В обход ити — в пять лет не дойдёшь, на коне ехать — в три года не доедешь.

Бот и задумал отец с сыновьями мост мостить, чтобы была через те болота дорога прямохожая-прямоезжая.

Принялись они за дело и не по малом времени всё спрвили: намостили мост калиновый, проложили дорогу прямохожую-прямоезжую. Пешком по той дороге ити — трёх дней много, на коне ехать — трёх часов довольно.

И как кончили работу, говорит стариk старшому своему сыну:

— Ступай, сын мой любезный, сядь под мостом в скрытом месте и жди, покуда не пройдёт первый человек. А как пройдёт такой человек, ты слушай, какое он первое слово скажет.

Пошёл старший сын. Сел в скрытом месте под мостом, сидит, ждёт.

А тем временем идёт по мосту старенький старишок.
Идёт и приговаривает:

— Дай-ка бог здоровья тому, кто этот мост мостили.
Пусть ему всё сбудется, чего он ни пожелает.

Тут старшой брат вылез из-под моста и говорит:

— А это мы мост мостили — три брата и с нами наш батюшка.

— Ну, парень, — говорит старишок, — сказывай, че-
го тебе надобно, всё будет.

— А мне, — отвечает старшой брат, — многого не
надо. Было бы только хлеба на век, да чтобы в люди ни
за чем не ходить.

— Ладно, — говорит старишок, — так и будет.

Приходит старшой сын домой и обоз всем отцу рас-
сказывает.

На другой день посыпает отец среднего сына.

Пошёл средний сын. Сидит под мостом, ждёт —
кто первый по мосту пройдёт, какое первое слово
скажет.

А тем временем опять тот же старишок идёт и те же
слова приговаривает:

— Вот уж спасибо тому, кто мост мостили, вот уж
спасибо! Пусть ему всякая удача и всякое желание его
исполнится.

Тут средний брат вышел из-под моста и говорит:

— А это мы мост мостили — три брата нас и наш ба-
тюшка.

— Ну, коли так, — говорит старишок, — сказывай, па-
ренъ, чего ты желаешь?

— А я многого не желаю, — говорит средний брат, —
было бы только хозяйство в исправности, да чтобы век
свой дома прожить.

— Что ж, — говорит старишок, — будет по-твоему.

На третий день посыпает отец меньшого своего сына.

— Ступай, Иван, теперь ты.

Вот сидит Иван под мостом, а по мосту опять тот же
старишок идёт и опять приговаривает:

— Вот это уважили, так уважили! Пусть тому, кто этот мост мостила, счастье да удача будет, и чего ни захочет его душа, то пусть и сбудется.

Тут вышел Иван из-под моста и говорит:

— Это мы, дедушка, мост мостили — три брата нас и с нами наш батюшка.

— Ну, внучек, — говорит старишок, — сказывай, что тебе надобно, — всё сбудется.

Подумал, подумал Иван и говорит:

— В солдаты я хочу итти, дедушка.

— Да ведь худо в солдатах, — говорит старишок. — Солдатская служба без отдыку и без сроку, вся на ходу да в походах. Смотри, пожалеешь.

— Нет, — говорит Иван, — я в солдаты пойду.

— Да ты погоди, не торопись, — говорит старишок.

Тут дотронулся он рукой до его плеча, и вмиг обернулся Иван ясным соколом.

Взвился сокол в поднебесье, летел, летел над морями студёными, над пустынями безводными, всего нагляделся, всего натерпелся, о землю ударился — снова молодцем стал.

— Ну, — говорит старишок, — ты теперь много, чай, узнал, пойдёшь ли в солдаты?

— Пойду, — говорит Иван.

А старишок в другой раз тронул его рукой и говорит:

— Был молодец соколом, стань рысью!

Сказал — и словно не было Ивана. А по лесной тропе рысь бежит.

Бегала рысь по лесам, бегала, рыскала по полям, рыскала, чуть в капкан не угодила, едва от охотников ушла. А потом ударилась оземь и снова Иваном обернулась.

— Ну что, — спрашивает его старишок, — пойдёшь ли в солдаты?

— Пойду, — говорит Иван.

Тут в третий раз коснулся его старишок и говорит:

— Был молодец рысью, стань оленем!

И обернулся Иван оленем золоторогим.

Побежал олень по горам, побежал по долам, в облаву попал, да ушёл, под пулями был, да убежал. А потом ударился оземь и добрым молодцем стал.

— Ну что, — спрашивает его старичок, — небось на-
маялся? Пойдёшь ли теперь в солдаты?

— Пойду, — говорит Иван.

— Ладно же, — говорит старичок, — будь по-твоему, пойдёшь в солдаты. А за то, что выбрал ты себе добрую службу, я тебя вот какой силой одарю: когда при-
дёт нужда, ударясь оземь, и враз обернёшься — коли за-
хочешь соколом, — так соколом, коли захочешь рысью, —
так рысью, коли захочешь оленем, — так оленем. А на-
добно будет над кем другим силу свою показать, —
только тронь рукой, только пожелай, — и станет всяк по
твоей воле: коли прикажешь оленем, — так оленем, коли
прикажешь рысью, — так рысью, коли прикажешь соко-
лом, — так соколом. Ну, а теперь прощай, будь
здрав.

Сказал так старичок и пошёл своей дорогой.

А Иван домой вернулся.

— Ну, Иван, что видел, что слыхал, какое тебе
счастье досталось? — спрашивает его отец.

— Я, батюшка, в солдаты пойду, — говорит Иван.

Отец удивляется.

— Что ж ты, — говорит, — ничего другого не попро-
сил? Худо ведь в солдатах. Ну, да теперь дела не испра-
вишь. Видно такая уж твоя судьба.

На другой день простился Иван с отцом, с братьями
и отправился в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли шёл, а пришёл он на царский
двор и — прямо к царю.

— Батюшка царь, — говорит, — не вели казнить,
вели слово вымолвить.

— Говори, — приказывает царь.

— Батюшка царь, возьми меня в военную службу, —
просит Иван.

— Что ты! — удивляется царь, — ты и годами мал, и умом неразумен, где тебе итти в службу.

— Батюшка царь, — опять просит Иван, — может я и годами мал, и умом неразумен, а служить буду не хуже других — верой да правдой.

Ну, царь и согласился.

Прослужил Иван год ли, два ли, может и все три года, а тут как раз заваруха-война сделалась.

Собрал царь всё своё войско и запоходил воевать. Ну, Иван-солдат с ним.

Шли, шли, год ли, два ли, а может и все три, и дошли до того самого места, где положено войну вести.

Расставил царь всё своё войско по порядку — тут тебе пехота, тут пушкари, тут стрелки. Всё честь-честью.

Ну, и неприятель тоже свои силы выставил.

Вот затрубил рог, и сшиблись оба войска.

Да никто никого одолеть не может — ни те этих, ни эти тех.

До самой почи бились, так ни с чем по местам и разошлись.

Три дня отдыхали, а потом опять схватились. Да только опять никто никого побороть не может — ни эти тех, ни те этих.

Опечалился царь.

— Эх, — думает, — выпустить бы сюда мою кавалерию, так не то было бы!

Да вот беда! Дома кавалерия осталась.

Вот и кликнул царь клич по всему войску.

— Не найдётся ли, — говорит, — люди служивые, среди вас такой проворный, чтобы в три дня домой сходил и кавалерию на подмогу мне привёл?

— Рады стараться, — говорят солдаты, — только не по нас это дело. Шутка ли, в три дня оба конца отмакать, когда мы в один конец чуть не три года шли! Нет уж, уволь от этой службы, царь-батюшка!

Тут вызвался Иван.

— Дозволь, — говорит, — царь-батюшка, я схожу.

Обрадовался царь, и не сказать как!

— Иди, Иван, — говорит. — Ежели в трое суток управишься и кавалерию мне приведёшь, я за тебя дочь свою замуж отдаю и тебя после смерти на моё место поставлю.

Стал Иван снаряжаться в путь. Пуговицы мелом начистил, сапоги сажей почернил, ремень подтянул и зашагал по дороге. Раз-два! Раз-два! Левой-правой! Левой-правой! А как скрылся у всех из виду, озерь ударился, да и обернулся рысью.

Побежала рысь напрямик, без оглядки. Где овраг, — прыжком возьмёт, где бурелом, — ползком проползет Бежала, бежала, пока сил не стало. Тут ударилась она озеро и обернулась оленем быстроногим.

Скачет олень во всю прыть, летит, словно стрелка, из лука пущенная. Земля из-под его копыт так и брызжет, ветер в золотых рогах так и гудит. Бежал, бежал, все ноги себе сбил. Ударился озеро — соколом обернулся.

Полетел сокол по поднебесью. Часа не прошло — до самой столицы долетел. Дивится народ.

— Уж не весть ли какая от царя-батюшки? Гляньте, прямо ко дворцу ясный сокол летит.

А ясный сокол влетел в покой к царской дочери, обтолкнул ударился и солдатиком стал. Выправка, что надо, медные пуговицы поблескивают, сапоги начищенные поскрипывают.

Царская дочь так и ахнула.

— Ты кто такой? — спрашивает. — Как пришёл? По какому случаю?

Иван и говорит:

— Так, мол, и так, ваш батюшка, наш царь, приказал для подкрепления кавалерию ему привести. Два дня я в пути, а к завтрему уже на месте надо быть. Так что прикажите сей же час сбор объявить, чтобы лишней проволочки не было.

А царская дочь не верит Ивану.

— Это все ты врешь, — говорит. — Не мог тебя мой батюшка послать. Мой батюшка, а твой царь, три года уж в пути со своим войском. Что ж, ты на крыльях летел, или на четырех ногах бежал? Как это быть может, чтобы ты за два дня столько вёрст отмерил?

— А это очень просто, — говорит Иван. — Дозвольте, я вам сейчас докажу. Сперва-наперво я рысью бежал.

Тут ударился Иван об пол и обернулся рысью.

— А ведь и правда рысь, — дивится царевна. Вырвала она для верности клочочек шёрстки и в платочек связала.

— Ну, а потом как?

— Потом оленем бежал, — говорит Иван.

Ударился опять об пол и золоторогим оленем обернулся.

А царевна отломила веточку от оленьих рожек и тоже в платочек завернула.

— Ну, а во дворец как прошёл? — спрашивает.

— А я соколом влетел, — говорит Иван.

Ударился в третий раз об пол и соколом обернулся.

А царская дочь тем же манером пёрышко у сокола вытянула и туда же в платочек сложила.

— Ну, теперь я тебе верю, — говорит.

Позвала тут она своих слуг и приказала, чтобы тотчас кавалерия в поход собиралась.

Вот выехала кавалерия на площадь. Иван-солдат тоже на коня вскочил и повёл конницу путём-дорогою.

Скачут всадники во весь опор, настёгивают коней, да видит Иван, что не поспеть им ко времени.

Придержал он тут своего коня и кричит всадникам:

— Стой! Остановись!

Остановилась конница. Кони все в мыле, храпят, жаром от них так и пыщет.

— Небось, сейчас прибавится вам силы, — говорит Иван.

Ездит Иван вдоль рядов, и какого коня по шее ни потреплет, тот рысью и обернётся.

Всадники на рысих спинах ни живы, ни мертвые сидят, шевельнуться от страха не смеют. А кони, что в задних рядах топчутся, как почуяли дикого зверя, на дыбы взвились, с места рвутся. Смеётся Иван, на своё войско глядя:

— Как бы раньше срока битва не случилась!

Вот обернул он всех коней рысями, и пустились они дальше в путь. Бегут рыси, по земле стелются. А Иван всё на солнышко поглядывает. Уже к закату идёт оно, а ещё полпути не пройдено.

— А ну, — говорит Иван, — обернись рысь оленем!

Сказал — и под всадниками уже не кони и не рыси, а олени быстроногие.

Быстрее быстрого бегут олени, так и дрожит земля от их топота.

Вот и третий день настал... Да выбились олени из сил, что ни шаг спотыкаются.

— А ну, — говорит Иван, — будь олень крылатым соколом.

Сказал — и взвилась к поднебесью соколиная стая, понесла всадников над лесами и горами, прямо к берегу моря. Тут ударились ясные соколы о землю — и снова под всадниками кони пляшут, да добрые какие, гладкие, словно только что из царской конюшни выведены.

— Вот что, братцы, — говорит Иван всадникам, — вы теперь сами езжайте, тут недалече будет, пешком — и то дойти можно. А я покуда в море искуплюсь, больно уж я умаялся.

Снялась конница с места, — только пыль над землёй облаком встала.

Ну, а Иван в морской воде искупался, на волнах покачался, а потом лёг на бережку, да и заснул.

Тем часом по берегу часовой похаживал, за порядком поглядывал, чтобы неприятель какой с моря не полез.

Увидел он, что Иван заснул, и думает:

«Дай-ка я его в море сброшу, а сам вместо него к царю явлюсь».

И как задумал, так и сделал: взял, да и спихнул Ивана в море. А сам пошёл к царю докладываться.

Только Иван хоть и упал на морское дно, всё равно цел остался.

Очнулся он — что за диво? Ни неба над головой, ни земли под ногами. Куда ни глянь, повсюду вода. И ни дня белого, ни ночи чёрной, а так, будто зелено всё кругом.

Тут же, прямо в воде, дворец стоит и разные морские чудища взад-вперед плавают.

Понял Иван, что занесло его к морскому царю.

Чуть не заплакал он с досады.

— Эх, и угораздило же меня, — думает. — Ещё пороху по-настоящему не нюхал, а уже в плен попал!

Вот живёт он у морского царя день, живёт два дня, живёт неделю, живёт другую. Уж морской царь его по всякому обхаживает, самыми лучшими кушаньями угождает, — золотыми рыбками да перламутровыми раковинами, — а угодить ничем не может.

Одолела Ивана смертная скука.

— Что ж это, — думает он, — мне бы сейчас в строю стоять, неприятеля бить-добивать, а я тут среди рыб прохладжаюсь. Разве солдатское это дело?

С тоски не пьёт Иван и не ест, час от часу худеет.

Вот стал он просить морского царя:

— Позволь мне хоть разок наверх подняться, на белый свет взглянуть.

— Ладно, — говорит морской царь, — погляди. Даю тебе три часа сроку.

Кликнул он свой рыбий народ и приказал вынести Ивана на белый свет.

Подняли рыбы Ивана на остров посреди моря и остались там одного.

А Иван озень ударился, соколом обернулся и полетел себе к берегу.

Летел он час, летел два часа, летел три часа. Совсем немного до берега не долетел, да на беду хватился его морской царь.

— Эй,— кричит,— морские волны, верные мои слуги! Бегите за ним! Догоните его!

Побежали волны во все стороны — и вправо, влево, и вперёд, и назад, до самого берега докатились, по всему берегу рассыпались, а Ивана так и не нашли.

Вернулись волны к морскому царю.

— Нигде его нет,— говорят,— ни в воде, ни на земле.

Разбушевался морской царь.

— Знать ничего не знаю! — кричит. — Хоть с неба, а достать его!

Снова побежали волны по морю, друг на дружку громоздятся, друг дружку переплётся, чуть не до самого неба встают.

Тут в поднебесье и увидели они Ивана.

Из последних сил летит Иван.

А волны всё выше и выше лезут, шипят, клокочут, пенятся... Вот-вот подхватят Ивана да и утянут на морское дно.

Только как ни силились, как ни тянулись, а дотянуться не могли.

Долетел Иван до берега, озень ударился и снова солдатом стал.

Брызги с шинели стряхнул, пуговицы почистил, ремень подтянул и пошёл разыскивать свое войско.

Шёл-шёл, шёл-шёл, и дошёл до деревни.

— Скажите, люди добрые,— спрашивает Иван, — не проходил ли тут с войны наш царь?

— Проходил, служивенький, проходил, — отвечают ему. — Уж с неделяю, как прошёл. С музыкой шёл да с песнями. Большая победа ему нынче была.

Пошёл Иван дальше. Шёл-шёл, шёл-шёл, наконец в столицу пришёл.

А там на каждой улице, в каждом переулке песни поют, пляшут да играют.

— С чего это у вас веселье такое? — спрашивает Иван.

— А как же нам не веселиться, — отвечают ему. — Царь свою дочь замуж выдаёт. Завтра и свадьба будет.

— А за кого же он её выдаёт? — спрашивает Иван.

— А за Ивана-солдата.

— Да чем же этот Иван-солдат так хорош, что царскую дочь за него отдают?

— Как же не хорош, — говорят люди. — Ежели бы не он, так, может, и одолели бы враги нашего царя. А он всё войско выручил, кавалерию на подмогу привёл. Да, слышь, царевна-то упирается, говорит, что не тот её суженый, кто в женихах ходит.

Вот на другой день обрядился Иван в музыкантское платье и пошёл во дворец.

Царю пироги не печь, пиво не варить. От богатых яств столы ломятся. А за средним столом, на почётном месте, царевна красуется и рядом с ней жених её самозванный.

Сел Иван в уголку со всеми музыкантами. Уж на что они хорошо играют, а он лучше всех, — недаром в солдатах был! Всякую песню запоёт, на деревянных ложках — и то сыграет. Ну, царевна и приметила Ивана.

— Батюшка царь, — говорит царевна, — не вели казнить, вели слово молвить.

— Говори, дочь моя любезная, — отвечает царь.

— Батюшка царь, — опять говорит царевна, — не тот мой жених, что за свадебным столом со мной рядом сидит, а тот мой жених, что музыкантом на свадьбе моей играет. Он и кавалерию привёл, он и суженый мой.

— Да ты почем знаешь? — дивится царь.

— А ты сам его, батюшка, спроси, — говорит царевна, — вот и уверишься тогда.

Позвал царь Ивана.

— Ты кто такой? — спрашивает. — Какого рода звания?

— Я отцов меньшой сын, — отвечает Иван, — вашей милости верный солдат.

— Как звать? — спрашивает царь.

— Иваном звать.

Расстроился царь.

— И тот солдат и этот солдат, и тот Иван и этот Иван. Кому ж из вас верить?

— А ты, батюшка, — говорит царевна, — спроси обоих, какой они дорогой шли — за кавалерией-то, — вот правда и выйдет наружу.

Спрашивает царь жениха:

— Ну, говори, ты как шёл?

Завертелся жених, плетёт сам не знает что:

— Да я на телеге ехал, да на коне скакал, всю дорогу бегом бежал...

Совсем запутался.

Стал тогда царь Ивана спрашивать:

— Ну, теперь ты говори, правду доказывай. Как бежал, на чём ехал-скакал?

— А я, царь-батюшка, на телеге не ехал, на коне не скакал, а сперва-наперво я на рысих ногах бежал, — говорит Иван. И обернулся рысью.

— Правда твоя, — говорит царевна. — Погляди, батюшка, вот мои приметочки!

Вытащила она из платочка клочочек шёрстки и приложила к тому месту, откуда сама вырвала. Как раз присёлся клочок, так сразу и пристал.

— Ну, а потом на чьих ногах бежал? — спрашивает царь.

— А потом на оленых, — отвечает Иван. И тут же оленем обернулся.

— Твоя правда, — опять говорит царевна. Вынула из платочка веточку оленых рожек и приставила к обло-

манным месту. Точь-в-точь пришлась веточка, так сразу и приросла.

— А как же тебя во дворец пустили? — спрашивает царь.

— А я и не спрашивался. Во дворец я на крыльях соколиных влетел, — говорит Иван. И обернулся соколом.

— Опять твоя правда, — говорит царевна. Достала из узелочка соколиное пёрышко и вставила на прежнее место.

— Вот тут оно и было, — говорит. — Ну, что, батюшка, видишь теперь, чья правда?

— Как не видать, — говорит царь.

Тотчас приказал он схватить самозванного жениха-обманщика и бросить его в темницу. А Ивана сам к столу повёл, на почётном месте рядом с любезной своей дочерью усадил.

Ну, а дальше всё как по маслу пошло — честным пирком, да за свадебку.

И стал Иван жить-поживать, добра наживать, а после и корону принял.

ВЕТЕР

(Украинская сказка)

В одном селе жил бедняк-крестьянин. Хата у него старая, добра — пара лаптей дырявых, скотины — была одна кошка, да и та сбежала.

Раз нанялся бедняк на попа работать. Работал без устали, а получил мерку жита с мякиной.

Пошёл мужик в поле веять то жито. Вдруг откуда ни возьмись, подул ветер и развеял всё жито до последнего зерна. Рассердился бедняк и говорит:

— Я не я буду, коли не найду ветра! Я то жито горбом заработал, а он на-ка! Пусть платит мне за убыток!

Стал бедняк собираться в путь-дорогу, а жена спрашивавает:

— Куда это ты собрался?

— Иду искать тот ветер, что развеял моё жито!

— Вот ещё чего выдумал. Али позабыл поговорку: ищи ветра в поле. Тебе в том поле одна дорога, а ему десять; попробуй-ка его найти.

— До тех пор буду искать, пока не найду! А уж с пустыми руками домой не вернусь!

Попрощался бедняк с женой, поцеловал детей и пошёл искать ветра в поле.

Долго ли, коротко ли он шёл, дошёл до лесу, смотрит — стоит избушка на курьих ножках. Вошёл бедняк в хату и видит — лежит, растянувшись, огромный дед, седой великан: голова на лежанке, руки и ноги по углам, а борода седая задралась к потолку.

Глянул бедняк на старика и задрожал от страха:

— Добрый вечер, дедушка!

— Добрый вечер! Куда это тебя ноги несут?

— Хожу я по белому свету, ищу ветра в поле.

— А на что он тебе понадобился?

— Как на что? Какую он мне наделал беду! Заработал я за лето мерку жита. Вышел я в поле веять то жито, налетел ветер и развеял моё жито до последнего зёрнышка. Как же мне не горевать, как мне не сердиться! У богатых людей полны закрома стоят, а у меня была одна мерка, да и ту ветер развеял.

— Ну, ладно, сынок! Больше не буду! А ты не ищи больше ветра в поле. Ветер — это я. А за то зло, что я тебе причинил, на тебе торбу. Эта торба не простая, а чудесная. Как захочешь пить-есть, скажи: «Торба, торба! Напои меня, накорми меня!».

Поклонился бедняк ветру в самые ноги и говорит:

— Спасибо тебе, ветер, за ласку и доброту. Значит, мне можно никогда не работать, и всегда быть сытым?

— Для ленивого это очень хорошо. Только, смотри, по дороге не заходи в шинок, всё равно я узнаю.

— Зачем мнеходить в шинок? Я прямо домой пойду.

Попрощался бедняк с ветром, поблагодарил его за чудесную торбу и пошёл домой.

Идёт бедняк по дороге, видит — шинок, захотелось ему зайти в тот шинок, стаканчик горелки выпить.

«Будь что будет! Авось ветер не узнает», подумал про себя бедняк и вошёл в шинок.

Подбежал к нему шинкарь и спрашивает:

— Что тебе надо, добрый человек?

— Ничего не надо.
— А раз ничего не надо, так зачем пришёл? Убирайся вон отсюда, голодранец!
— Это кто голодранец? Это я голодранец?! — всердцах крикнул бедняк и приказал: — Торба, торба! Накорми меня, напои меня!

И в ту же минуту на столе появились всевозможные кушанья и напитки.

Шинкарь с шинкаркой от удивления замахали руками и принялись расспрашивать бедняка:

— Где ты, добрый человек, достал такую торбу? Сколько лет живём на белом свете, а такого чуда не видывали!

Усадил бедняк их за стол и принялся угождать. Шинкарь подмигнул своей жене, и та стала потчевать бедняка горелкой. Вскоре бедняк опьянел и крепко уснул.

Шинкарь взял его торбу, повесил на гвоздик другую и растолкал бедняка:

— Вставай, добрый человек, уж белый свет в окошко стучится.

Проснулся бедняк, надел на спину торбу и пошёл домой. У порога его встретила жена.

— Ну что? Нашёл ветра в поле? — с усмешкой спросила она.

— Нашёл, — радостно ответил бедняк, повесил торбу на гвоздик и приказал: — Торба, торба! Накорми меня, напои меня!

А торба висит себе на гвоздике и не шевельнётся.

Рассердился бедняк, схватил торбу да как даст по стене! До тех пор бил, пока стену проломил, а от торбы одни клочья остались. Тут бедняк приутих и опять пошёл к ветру.

Пришёл бедняк в избушку на курьих ножках, а ветер его спрашивает:

— Ты зачем ко мне пришёл, мужичок? Я же тебе дал торбу? Что тебе ещё надо?

— Забодай чорт ту окаянную торбу! Я из-за неё только один убыток видел.

— Какой убыток?

— А вот какой: стал я просить у той торбы накормить меня, напоить меня, а она и не шевелится. Стал я её бить, да и проломил стену. Как я теперь буду жить в разваленной хате? Дай мне ещё что-нибудь.

А ветер говорит: — Э, мужичок, дураков не сеют, не жнут, они сами родятся. Ты в шинок заходил?

— Нет, не заходил.

— Врёшь! — гневно вскричал ветер.

— Что ты на меня кричишь? Кабы давала мне торба пить и есть, так во веки веков не пришёл бы я к тебе!

— Ну ладно. На тебе, мужичок, баранчика. Не будет у тебя денег, прикажи ему: «Баранчик, баранчик, встряхнись!» Встряхнётся баранчик, и будут у тебя деньги. Только, смотри, не заходи в шинок. Всё равно я узнаю. И коли придёшь ты ко мне в третий раз, так до новых веников будешь меня помнить!

Взял бедняк баранчика, поблагодарил ветер и пошёл домой. Дошел до шинка, захотелось ему выпить чарку горелки. «Зайду в шинок», подумал про себя бедняк, а ноги сами собой перешагнули порог.

— Ах ты, такой-сякой! Как ты смеешь барана в хату тащить! Не мог ты его в сенях оставить? — набросился шинкарь на бедняка.

— Что ты на меня кричишь? Это не простой баран, а чудесный. Баранчик, встряхнись!

По полу покатились деньги золотые да серебряные, и шинкарь с шинкаркой, ползая на коленях, принялись их собирать.

— Ну и баран! Такого барана я и отроду не видел. Добрый человек, продай мне баранчика! — стал просить шинкарь.

— Не продам я баранчика. Собирайте деньги да ставьте на стол угощение.

Забегали шинкарь с шинкаркой, залебезили. Наста-

вила шинкарка на стол всякой закуски, горелки да наливки. Усадили они бедняка на почётное место в красный угол и принялись его угождать.

Сидит себе бедняк за столом да мёдок с горелкой попивает. Споил его шинкарь, уложил спать, а когда бедняк уснул, хитрый шинкарь подменил баранчика.

Выспался бедняк, встал, попрощался с шинкарём, взял баранчика и пошёл домой.

Пришёл он домой, постучал в дверь. Открыла жена дверь, а бедняк с бараном прямо в хату.

— Что же ты барана в хату ведёшь? Разве ему в хате место? — закричала жена.

— Не шуми, жена. Теперь будет у нас всего много. Будет чем детей кормить.

— Какая там польза от барана! Самим есть нечего, а тут ещё барана корми!

— Брось ты кричать! — рассердился бедняк, топнул ногой и приказал: — Баранчик, встряхнись!

А баран стоит как ни в чём не бывало, только хвостом вертит. Со злости схватил бедняк полено да как трахнет барана по голове.

Заблеял баран жалобно, упал да и ноги протянул.

Пришёл бедняк в третий раз к ветру и говорит:

— До каких же пор ты будешь надо мной смеяться?

— Как это «смеяться»! — загремел дед на всю избушку. — Я тебе подарил торбу да баранчика. Чего ты за ними не доглядел? Зачем в шинок заходил?

— В какой шинок? Дал ты мне торбу да барана, а я от них, кроме убытки, ничего хорошего не видел. Дай мне ещё что-нибудь.

— Дать тебе что-нибудь? Сейчас! Хлопцы, с бубна, дайте этому пьянице, чтоб он знал, как горелку пить да старых людей не слушать! — крикнул ветер.

Откуда ни возьмись, выскочило двенадцать хлопцев. Подняли хлопцы двадцать четыре кулака да как стали бить-колотить мужика!

Бросился бедняк на колени, взмолился:

— Дедуся! Голубчик! Помилуй! Отпусти живого! Никогда больше к тебе не приду и другим закажу!

— Хлопцы, в бубен! — приказал ветер, и хлопцы мгновенно исчезли.

— Возьми себе этот бубен и иди в шинок. Проси шинкаря отдать тебе торбу и барашка. А коли не захочет он тебе их отдать, крикни хлопцев с бубна.

Поблагодарил бедняк ветер и пошёл. Пришёл в шинок и стучит. Увидал шинкарь, что у бедняка, кроме бубна, нет ничего, и кричит:

— Нет у меня для тебя горелки! Проходи мимо!

— Отдай сначала мою торбу и барашка, тогда уйду!

— Не брали мы твоей торбы. Не брали мы твоего барашка. Ты с ними домой ушёл!

— Так ведь вы мне их подменили!

— Не меняли мы твоей торбы! Не меняли твоего барана! Пошёл вон отсюда! — закричали шинкарь с шинкаркой и принялись выталкивать бедняка из шинка.

Рассердился бедняк, да как крикнет:

— Хлопцы, с бубна!

Выскочили двенадцать хлопцев и принялись лупить кулаками шинкаря с шинкаркой. Видит шинкарь — плохо его дело.

— Мужичок! Голубчик! Всё отдам, только дай ещё на белом свете пожить!

— Хлопцы, в бубен! — крикнул бедняк. В ту же минуту хлопцы исчезли, а шинкарь с шинкаркой, почёсывая избитые бока, отдали бедняку его чудесную торбу и барана.

Взял бедняк торбу и барашка и пошёл домой.

ТРИ СЛОВА

(Украинская сказка)

Поймал хлопец соловья.

— Дай-ка, — думает, — убью его, да и съем.

А соловейко говорит:

— Не ешь меня, друже. Всё равно сыт не будешь.
Отпусти-ка меня лучше на волю, а я за это тебе три хороших слова скажу.

— Добре, — говорит хлопец. — Коли ладно скажешь, — отпущу.

— Так вот, слушай. Первое моё слово — не проси того, чего нет. Второе слово — не жалей о том, что не вернуть. А третье слово — не верь неверным речам.

— Это ты складно сказал, — говорит хлопец. — Так и быть, лети себе на волю.

Взлетел соловей на дерево, сидит и думает:

— А ну-ка, испытаю я этого хлопца, посмотрю, впрок ли ему пошли мои слова?

Сел он на веточку пониже и говорит:

— Ну и дурень же ты, дурень! Знал бы ты, какой камень у меня во рту под языком, так ни на какие хорошие

слова не променял бы его. Камень не простой — самоцветный, и уж крупный — что грецкий орех, а горит, словно ясное солнышко! Кабы достался он тебе, был бы ты первым богачом на селе, а то и на всём свете.

Услыхал это хлопец и с досады чуть не заплакал.

«Ну и дурень же я, ну и дурень, — думает. — И зачем это я, дурень, отпустил соловья?»

Вот и стал он просить его:

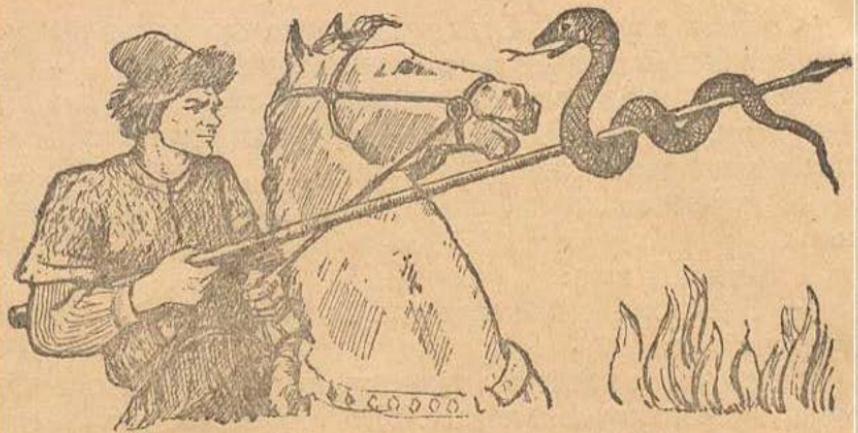
— Вернись, — говорит, — пожалуйста. А уж если вернуться не хочешь, так хоть камень самоцветный отдай мне за то, что я тебя отпустил на волю.

А соловей и отвечает ему:

— Вот теперь я вижу, что ты и вправду дурень. Всё забыл, чему я тебя научил. И жалеешь о том, чего не вернуть. И просишь то, чего нет. И неверным речам веришь. Ну, сам посуди, где у меня под языком камень поместится, да ещё с орех величиной? Нет, видно, недаром говорят: дурню урок не идёт впрок.

Сказал это соловей и полетел себе дальше.

ДАНИЛО НЕСЧАСТНЫЙ

(Украинская сказка)

Жил на свете Данило. И уж такой он был несчастный! Всякую работу сработает, всякое дело сделает, а гол, как сокол. Ничего у него нет.

Нанялся он к одному хозяину.

— Посейте, — просит, — мне десятину пшеницы, а я вам за это целый год служить буду.

Вот стал он служить.

Взошла пшеница на поле. Хозяйская в стрелки идёт, а его уже в колос. Хозяйская в колос, а его уже спела. Радуется Данило.

— Ну, — говорит, — завтра уберу, вот и будет мне хлеб на зиму.

А ночью как набежала туча, да как ударила град, — всю пшеницу и побило.

Плачет Данило.

— Пойду, — говорит, — найдусь в другом месте, может там посчастливится.

Приходит он к другому хозяину.

— Возьмите меня, — говорит, — на год. Буду вам служить, — вон хоть за того поганенького жеребенка.

Стал он служить. Стал тот жеребенок поправляться.
И уж такой путный с него коняга вышел.

Вот подошёл срок Данилиной службе.

— Ну, — думает Данило, — завтра пойду домой. Будет у меня теперь конь в хозяйстве.

А ночью волки набежали, да и разорвали того конягу.

Плачет Данило:

— Несчастный я, несчастный! Пойду ещё куда-нибудь наймусь.

Приходит к третьему хозяину, а у того во дворе камень пребольшущий лежит. Кто его знает, откуда он взялся. Всегда тут был, никто его отродясь не трогал.

— Наймусь я, — думает Данило, — за этот камень. Камень-то уж никуда не денется.

Стал он служить.

Вот завтра Даниле срок, а ночью пришёл кто-то, да и стянул камень к чертям.

Плачет Данило, убивается. Столько служил, столько служил, а ничего не выслужил!

— Ну, — говорят ему люди, — если уж ты такой несчастный, иди до царя, он тебя осчастливит.

Послушался Данило людей и пошёл до царя.

Принял его царь в свою дворню.

— Работай, — говорит, — всякую работу. Посмотрю я, какой-такой ты несчастный.

Вот видит царь — за что Данило ни возьмётся, что ни сработает, — никто с ним сравняться не может.

Говорит ему царь:

— Что ж ты плакался, будто уж такой ты несчастный? А какое дело ни сделаешь, так уж краше того на свете не бывает. Хочу я тебя наградить за твои труды.

И велел царь прикатить три бочки. Одну насыпал золотом, другую углём, третью песком. Заделал бочки и говорит Даниле:

— А ну, попытай своё счастье. Ежели покажешь, где золото, — быть тебе царём, ежели покажешь на

уголь, — быть тебе кузнецом, а на песок покажешь, — значит и впрямь ты несчастный. Дам я тебе тогда коня и уходи ты из моего царства.

Вот ходил Данило вокруг бочек, ходил, шупал, трогал.

— Здесь, — говорит, — золото. — И пальцем в бочку ткнул.

Разбили бочку, а там песок.

— Ну, — говорит царь, — ты и впрямь несчастный.. Уходи из моего царства, мне таких не нужно.

Дал царь ему казацкую всю одёжу, коня, и поехал Данило прочь.

Едет он день, едет второй, — сам крошки во рту не держал, и конь его травинки не пробовал. На третий день видит Данило — стоит среди поля стог сена.

Обрадовался Данило.

— Ну, думает, — это хоть не мне, так коню корм будет.

Да чуть только подъехал поближе, охватило стог жарким пламенем.

Плачет Данило:

— Вот уж несчастный я, так несчастный.

Вдруг слышит — кричит кто-то из огня:

— Спаси меня, Данило! Горю!

— Да как же я тебя спасу, — говорит Данило, — мне к тебе и не подступиться.

— А ты протяни свою пику, я схвачусь за конец, ты меня и вытянешь.

Сунул Данило пику в огонь и такую здоровую гадюку вытянул! Смотреть страшно!

— Вот так так! — думает.

А змея ему и говорит:

— Коли ты меня вытащил, так уж доставь до дому.

— Да как же я тебя до дому доставлю? — спрашивает Данило.

— А ты меня на коня посади, — говорит змей, — да смотри, куда я головой покажу, туда и сворачивай.

Вот вертит она головой туда-сюда, а он туда-сюда коня поворачивает.

Ехали, ехали и до такого богатого дворища доехали, что любо смотреть!

Сползла тут змея с коня и говорит:

— Подожди-ка меня здесь, Данило, я к тебе скоро выйду.

Стоял он, стоял, ждал, ждал, уж собрался прочно ехать. А тут вдруг ворота открываются, и выходит к нему красавица, да такая разубранная, такая разнаряженная, ну прямо глаз не отвести!

— Милости прошу, — говорит, — ко мне в гости.

Вошли они во двор, а посреди двора два колодца вырыты. Набрала она из одного колодца полковицка воды, сыпнула жмень овса и говорит:

— Ставь коня.

«Это что ж? — думает Данило: — Мы три дня не ели, не пили, а она жмень овса даёт. Насмех, что ли?»

Пришли в горницу. Она и перед Данилой краюшечку хлеба положила, полстаканчика воды поставила и говорит:

— Ешь на здоровье.

Обидно стало Даниле.

— Что ж мне тут есть? — говорит.

— Да ты ешь, ешь. Мало будет, ещё дам.

Грызнул он от краюшки, хлебнул из стаканчика, и правда, уж совсем сыт. А краюшка как была, так опять нетронутая на столе лежит, и воды в стаканчике тоже точно не убыло. Глянул Данило в окно, видит — конь его сытый по двору гуляет, а овёс и вода, как были, так и стоят нетронутые. Чудно Даниле.

А красавица спрашивает его:

— Ну что, наелся?

— Спасибо, — Данило говорит. — Уж так наелся, что больше некуда.

— Ну ляг, поспи.

На другой день встаёт Данило, а она ему и говорит:

— Ты меня вчера от смерти спас, так вот за это хочу я тебя наградить. Давай мне твою пiku и рубашку, а я тебе взамен другие дам.

Вынесла она ему новую рубашку и пiku и говорит:

— Эта пика такая, что кого ни коснётся она, тот сразу замертво упадёт. И рубашка эта не простая, — как наденешь её, никто тебя не одолеет. Только смотри, до семи годов никому не открывай, откуда у тебя такая сила.

Вот простился он с ней и поехал.

Подъезжает к корчме. Глядит — народу там собралось видимо-невидимо. Все кричат, руками размахивают.

— Это что тут случилось? — спрашивает Данило.

Говорят ему люди:

— Да вот напала на нашего царя чужая земля. Царь и кликнул клич — не найдётся ли такой богатырь, чтобы царство его отвоевать. За это женит его царь на своей дочке и после себя на царство поставит.

«А ну-ка, попробую я», — думает Данило. И поехал до царя.

— Так и так, — говорит Данило царю, — могу я ту чужую землю отбить.

— А много ли войска просишь? — спрашивает царь.

— Да никого мне не надо, я сам.

Рубашку на себе оправил, пiku за плечо вскинул и поехал в поле.

Только выехал, — бежит ему навстречу чужая земля.

— А ну, вертайся откуда пришёл! — кричит.

— Не, — говорит Данило, — вертайтеся сами.

Тут как начала та чужая земля копья в него метать, как начала метать! Да его ничто не берёт.

А он чуть взмахнул своей пикой, — только и остались живы, кого он не задел.

Вот отбил Данило чужую землю и вернулся к царю. То-то обрадовался ему царь! В тот же день и свадьбу отгуляли.

А как умер старый царь, Данило на его место сел.

Про чужую землю и думать забыл. А она, чужая земля, только о том и думает, как бы с Данилой рассчитаться.

Стал их царь обхаживать царицу.

— И что это, — говорит, — ты пошла за такого? Кто его знает, откуда он? А я как-никак царского рода. Ты вот что, разузнай, откуда у него такая сила берётся, мы его и сгубим. А ты за меня замуж выйдешь.

Ну она и послушалась.

Стала она выпытывать у Данилы.

— Скажи ты мне, откуда у тебя сила такая?

А он только смеётся.

— Вся моя сила, — говорит, — в этом поясе.

Вот как заснул он, она его пояс подменила, да и отдала на чужую землю.

Утром выехал Данило на охоту, — тут его подстерегли. Машут перед ним поясом, и так, и этак, и спереди, и сзади, да толку-то никакого. А он как вскинет свою пiku! Которых побил, а которых живыми забрал и в темницу упрятал.

На другой день жена опять до него:

— Да скажи ты мне, где же твоя сила спрятана?

— А в этих сапогах, — говорит он, — вся моя сила.

И только заснул он, она сапоги ему подменила и на чужую землю отдала.

Утром опять выехал Данило за окопицу, а чужая земля опять на него набросилась. Ну, он опять которых побил, а которых забрал и в темницу посадил.

Жена к нему в третий раз:

— Да где же твоя сила упрятана?

Он и признался:

— Сила моя в этой пике, — говорит, — да в этой рубашке. Пика у меня такая, что кого ни тронет, всякого убьёт, а рубашка такая, что хоть тысячу людей против меня выставь, меня ничто не возьмёт.

Вот прошёл день, стала она его уговаривать:

— Сходил бы ты, — говорит, — в баню. Очень уж хороша у нас при дворце баня.

Он и поддался. Да пока мылся, она его пику и рубашку подменила и отдала на чужую землю.

Только вышел Данило из бани, — тут его и схватили. На части поsekли, в мешок склали, мешок на коня взвели, а коня на все четыре стороны отпустили.

В недолгом времени и свадьбу новую справили. И живут себе царь с царицей, поживаются, ни о чём не тужат.

А Данилин конь ходил-ходил, бродил-бродил и добрёл до того двора, куда Данилу змея-красавица привела.

Увидела красавица коня и говорит:

— Эх, недобroe с Данилой случилось! Выручать его надо.

Впустила она коня во двор, сняла с него мешок, все кусочки вынула, перебрала, перемыла, по порядку сложила, потом зачерпнула с одного колодца целующей воды, с другого — живущей, покропила той, покропила другой, — Данило и ожил.

— Ты чего ж меня не послушал? — спрашивает красавица. — Сказала же я тебе: до семи лет никому не отрывай правды.

Молчит Данило. «Уж такой я, видно, несчастный!» — думает.

— Ну, — говорит красавица, — ладно. Выручу тебя. И дала ему ремень.

— Езжай сейчас до корчмы, — приказывает, — ночь там переночуй, а утром, как станешь умываться, проси хозяина, чтобы стегнул ремнём вдоль спины. И снова будешь у жинки. А уж дальше сам рассуди, что делать, как поступать.

Вот поехал Данило до той самой корчмы, переночевал, а утром как стал умываться, просит хозяина:

— Ударь ты, хозяин, меня этим ремнём вдоль спины, сколько силы станет.

Плеснул он себе в лицо воды, а хозяин как огреет его по спине! Данило враз и обернулся конём. Да каким конём! Любо смотреть.

Обрадовался хозяин.

— Вот, — думает, — повезло. Задаром двух коней получил.

Недолго думая, пошёл хозяин на ярмарку тех коней продавать.

А по ярмарке как раз царь ходил. Видит — кони знатные, а уж один — ну прямо загляденье!

— За сколько продаешь? — спрашивает царь хозяина.

— Да давайте пять тысяч.

Царь деньги выложил и повёл коня. Приходит во дворец, хвалится перед жинкой:

— Подь, душенька, посмотри, какого я коня купил.

Она как глянула, так и упало у неё сердце.

— Ах, — говорит, — ведь это моя погибель! Скорей зарежь ты этого коня.

— Что ты, душенька, как можно, — говорит царь, — такой прекрасный конь!

А она и слушать ничего не хочет.

— Зарежь да зарежь.

Нечего делать, приказал царь точить ножи острые.

Услыхала про это молодая дивчина, что у царицы в услуженье была, прибежала к коню, обнимает его, гладит, горькими слезами над ним плачет:

— Коню мой любимый, коню хороший, хотят тебя хозяева зарезать...

И вдруг заржал конь ей в ухо:

— Ты не плачь. А как брызнет первая капля крови, ты ножкой своей то место заступи, а потом подбери ту каплю и зарой в саду.

Вот зарезали его. И как он наказывал, так дивчина и сделала: заступила ножкой то место, где первая капля крови упала, а потом собрала в горстку землю, этой кровью смоченную, и закопала в саду.

И выросла за ночь на том месте вишня. Да какая вишня! Один лист серебряный, другой золотой, третий ещё какой, и всё разные!

Гулял раз царь по саду, увидел ту вишню, да и пошёл к жинке похвалиться.

— Посмотри, — говорит, — какая у нас в саду вишня выросла.

Царица как глянула, аж побелела.

— Ой, — говорит, — ведь это погибель моя. Надо её срубить.

— Что ты, душенька, — говорит царь. — Как же можно? Ведь это ж самая лучшая краса в нашем саду!

— Срубай да срубай.

Что тут поделаешь? Приказал царь топоры точить. А та дивчина подбежала к вишенке, обняла её и плачет:

— Вишенка моя, вишенка, уж такая ты хорошая, а хотят злые хозяева тебя срубить!

Зашелестела вишенка всеми своими листочками.

— Ты смотри, — говорит, — где первая щепочка упадёт. Ту щепочку подбери и пусти по воде.

Вот срубили вишенку, а дивчина подобрала первую щепочку, что от ствола отскочила, и бросила в воду.

И такой с неё селезень получился, — глаз смотреть радуется!

Пошёл царь на охоту, видит — у самого берега селезень плывает, так сам в руки и просится.

Царь рубашку чудесную с себя сбросил, пику положил, прыгнул в воду и поплыл за селезнем. Царь за ним, а тот от него, царь за ним, а тот от него, — всё дальше и дальше за собой манит. И как на середину реки заманил, вспорхнул, да и на берег. О землю ударился и снова Данилой стал.

Надел Данило свою рубашку, взял свою пику и пошёл во дворец.

А царь из последних сил баражается, вот-вот ко дну пойдёт.

— Спаси меня, Данило, — кричит, — век тебе служить буду!

— Знаю я твою службу, — говорит Данило, — уж лучше ты водяному служи, а не мне.

Так и потонул царь.

А Данило пришёл во дворец и спрашивает:

— Есть у вас тут дивчина, такая, мол, и такая?

— Есть, — говорят ему.

Вот вышла она к Даниле, он и говорит:

— Ты меня всё равно что второй раз на белый свет родила, так будь же теперь моей жинкой.

И зажил с тех пор Данило Несчастный весело и счастливо.

А злую царицу велел он к конскому хвосту привязать и пустил коня в поле, — нехай злая баба пропадёт пропадом!

АСИЛАК И ЗМЕЙ

(Белорусская сказка)

В одном краю неведомо откуда появился огромный змей. И начал этот змей хватать людей и утаскивать их в своё царство, чтобы они обрабатывали его землю. А земли у змея видимо-невидимо.

Приставил змей целое войско своих верных слуг караулить тех людей и приказал им зорко глядеть за всеми. А кто не захочет работать или кто захворает, того змеевы слуги досмерти на месте забивали.

И работали люди на земле змеевой, своими костями унаваживая эту землю.

Может, и до сих пор так было бы, да родился в то время в лесной глухи, среди вечных болот, в избе бедных родителей Асилик.

Вырос он как дуб, высокий и мощный. Узнал он от батьки о лютом змее и о муках мужицких на землях змеевых. И надумал Асилик покарать змея и избавить мужиков от тяжёлой неволи. Надумал и стал собираться. Батька его начал уговаривать:

— Куда ты пойдешь, сынок? Неужто тебе жизнь

надоела, что ты без поры, без времени хочешь уйти в сырую могилу? Зачем ты сам змею в руки живьём идёшь?

— Не могу я слышать про муки мужиков и смотреть, как плачут без батьков малые дети, — отвечал Асилак. — Освобожу их от змея.

— Да где тебе одному его побороть, когда им тысячи приневолены?

А Асилак на своём стоит:

— Не будет житья ни нам, ни детям нашим, ни внукам, коли не уничтожить проклятую гадину.

— Ну, воля твоя, — сказал батька. — Делай, как думаешь. Чую я сам, не стало мужикам никакого житья.

Пошёл Асилак искать страшную гадину.

Шёл он, шёл, — нет нигде змея, словно он сквозь землю провалился вместе со своим царством.

И повстречался в ту пору Асилаку старый-престарый дед.

— Куда, сынок, путь держишь? Может, я чем пригожусь? — приветливо спросил дед.

Рассказал ему Асилак, куда он идёт, за каким делом, и пожаловался, что нигде не может найти того змея.

— Все ноги, дед, отбил! Трое сапог износил, а змея нигде и следов не видно!

— Иди, — говорит ему дед, — на закат. Мало ли пройдёшь, много ли пройдёшь, увидишь огромную каменную стену. За этой стеной — змеиное царство. Только запомни: коли пересилишь ты змея, не давай ему пощады. Будет он тебе выгоды сулить — не верь. Будет золото-серебро давать — не бери. Помни, что всё это мужичьим потом и кровью добыто. А коли одолеешь ты злую гадину, сволоки её во дворец и с четырёх сторон подожги тот дворец. Построен он на человечьих костях. А чтобы и духу змеева не осталось, размечи его пепел по ветру.

Поблагодарил Асилак за добрый совет, распостился с дедом и пошёл прямо на закат.

Шёл он через лесные пущи, топкие болота, быстрые реки, глубокие озёра, а змеиного царства всё нет как нет.

Наконец, видит Асилак: стоит высокая-превысокая стена, и не видно нигде прохода.

Подошёл Асилак к той стене, попробовал влезть на неё, а стена гладкая, уцепиться не за что. И задумал тогда Асилак обойти ту стену. Три дня и три ночи он шёл, а стена конца-краю не видно. Разозлился тут Асилак, схватил камень в триста пудов да как трахнет им стену!

Затряслась, заколыхалась стена и рассыпалась, словно не из камней, а из песку была сделана.

Только перешагнул Асилак через каменья, летит змей.

Налетел змей на Асилака, как коршун на курицу, разинул свою зубастую пасть, собирается его одним глотком проглотить.

Асилак схватил горсть мелкого песку и засыпал им змеиные очи. Завизжал змей по-звериному, начал плеваться и высунул свой огромный язык.

А Асилак цап его за язык! Накрутил его на руку и потащил за собой змея, как гнилую колоду.

Взвыл змей, как тысяча волков. Выпустил Асилак из рук змеиный язык, вырвал с корнем огромный дуб и взмахнул над змеиной головой. И взмолился тут змей человечьим голосом:

— Не убивай меня, Асилак, отпусти живого! Дам я тебе всё, что твоя душа пожелает. Хочешь, отдам тебе половину своего царства и осыплю золотом с головы до ног!

Засмеялся Асилак и говорит:

— Пришёл я к тебе, змей, не за золотом — оно мужицкими руками добыто. А пришёл я освободить тех мужиков из твоей злой неволи и покарать тебя за все твои злодейства.

Хотел змей сказать, что он отдаст Асилаку всех мужиков, да не успел: размозжил ему Асилак череп.

Схватил Асилак змея за ногу и поволок его в хоромы. Затащил он мёртвую гадину в середину и подпалил огнём со всех четырёх сторон. Сбежались змеевы слуги и полезли биться с Асилаком. А Асилак схватил за ногу самого большого из них да как начал махать им кругом, так только пыль закрутилась. Оглянулся Асилак — а от слуг и следа не осталось...

Полюбовался Асилак, как огонь жрёт змеиные хоромы, и пошёл в поле искать мужиков. Видит — мужики гуртом собрались, на пожар дивятся да потихоньку говорят:

— Ну, будет нам работа, коли змей заставит нас строить ему новые хоромы! Эх, кабы он сам сдох в тех хоромах, может, нам легче бы стало!

Подошел Асилак поближе к мужикам, а те подумали, что он новый слуга злой гадины, и смолкли.

— Чего вы, мужики, испугались. Я такой же мужик, как и вы. Зовут меня Асилак.

— Ну, видно, придётся тебе горевать с нами до конца твоих дней, — сказал один мужик.

— Не придётся, — сказал Асилак. — Кончилось ваше горе, мужики. Не бойтесь змея. Нет его больше. Даже пепел его рассеялся вместе с дымом. Кидайте-ка вы работу, да расходитесь по домам.

Обрадовались мужики, обнимают Асилака, поют, прыгают от радости.

И пошли мужики в свои родные сёла, чтобы работать на своей земле на радость себе и своим детям.

А Асилак пошёл в ту сторону, где еще мужики при неволены змеем лютым да его подлыми слугами. И скоро придёт час, когда все мужики будут вольными.

МУЗЫКА-ЧАРОДЕЙНИК

(Белорусская сказка)

Жил на свете парень. Поглядеть на него, так ничем не приметный, — и умом не быстрый, и в работе не ловкий, — а вот на дудочке или на чём другом сыграть — великий был мастер. За то и прозвали его люди — Музыка, а про настояще его имя, отцом-матерью данное, совсем позабыли.

Ещё когда малым хлопчиком он был, — пошлют его волов пасти, а он смастерит себе из лозы дудочку, да так зайдрает, что волы и те заслушаются, развесят уши и стоят, точно их кто заколдовал..

А то пойдёт Музыка в ночное. На дворе лето, ночи тёплые, аж парит. Приведут хлопцы и девки коней на дубраву, пляшут, смеются, песни поют. Ведомо, молодость! Ей всегда весело! А Музыка как зайдрает на своей дудочке, — все разом и притихнут. И сдаётся, будто какая сладость в сердце входит, будто какая сила подхватывает — и несёт, и несёт, всё выше и выше, к ясным зорькам, в чистое небо, в чистое, синее, широкое небо.

Сидят парни и девки тихо-претихо. Сидят и слушают. И ведь всю бы жизнь так сидели, всё бы слушали, как Музыка играет.

Вот замолчит он. Никто ворохнуться не смеет, только бы тот голос не спугнуть, что поёт, рассыпается по дубравам да по лесу, по земле стелется, в небе звенит. Все птахи лесные примолкнут. Уж на что лягушки болтливы, а тут и они замолчат, вылезут из своего болота и сидят на кочках, словно неживые.

А то вдруг заиграет Музыка протяжно, жалостно. Заплачут тогда и лес, и дубрава, откуда ни возьмись хмурки набегут, с неба слёзы полются.

Идут мужики и бабы до дому, после целого-то дня работы, — учуют ту музыку и останавливаются. И уж такая разберёт их жалость, что даже мужики — старые, бородатые — и те в голос плачут, будто плакальщицы, что над покойником голосят.

А Музыка тем часом возьми да и сверни от жалостного да на весёлое. Что тут сделается! Побросают все свои косы и вилы, грабли и баклаги, возьмутся за бока и давай плясать. Пляшут старики, пляшут малые дети, пляшут кони, пляшут травы, пляшут зорьки, пляшут хмурки — всё пляшет, всё смеётся.

Вот какой был Музыка-чародейник, — что захочет, то с сердцем и сделает!

А когда подрос Музыка, смастерили он себе скрипичку и пошёл по белу свету тешить людей. Ходит он по деревням и сёлам, играет на своей скрипичке, и кто его ни услышит, всякий в дом к себе позовёт, как самого дорого гостя примет, напоит, накормит, да ещё на дорогу чего-нибудь даст.

Так и жил бы себе Музыка, да на беду в тех местах чертей было видимо-невидимо. В каждом болоте водились, в каждом овражке. И никому от этой нечисти проходу не было.

Видят черти, что куда Музыка ни придет, где на своей скрипичке ни сыграет, там люди меньше грешат,—

и невзлюбили они его. На то ведь и черти! Им жизнь не в жизнь, если люди от греха уйдут.

Вот раз как-то шёл Музыка лесом, а черти его и выследили.

— Ну, уж теперь-то, — говорят, — мы его изведём.

И наслали они на него двенадцать волков.

Вышли волки на дорогу, стоят, зубами лязгают, а глаза-то у них круглые, что твои лукошки, и точно горячие уголья горят.

Остановился Музыка. Нет у него ничего в руках, чем бы от волков защититься, только скрипка в мешочке.

«Что тут делать? — думает Музыка. — Что придумать?».

Да ничего не придумаешь. Видит Музыка — пришёл ему конец.

Достал он тут из мешочка свою скрипичку, чтобы напоследок ещё хоть разок поиграть, прислонился к дереву и начал водить смычком по струнам.

Что живая, заговорила скрипка!

Притаился лес, листком не шелохнёт. А волки, как разинули пасти, так словно и окаменели. Стоят, слушают Музыку, а слёзы из волчьих глаз текут и текут, сами собой текут.

Вот перестал Музыка играть, опустил свою скрипичку и видит — повернули волки во-свояси. Головы повесили, хвосты поджали и по лесу разбрелись.

А Музыка дальше своей дорогой пошёл.

Шёл он, шёл и дошёл до реки.

Солнышко уже за лес закатилось, только самые верхушки своими лучами трогает, будто золотом их вызолачивает.

Больно хороший вечер!

Сел Музыка на пригорке, достал свою скрипичку и заиграл, — да так ладно, так весело, что и небо, и вода, и земля, — всё в пляс пустилось.

Сам водяной не утерпел. Как начал он по дну скакать да разные коленца выбрасывать! От его пляски

забурлили, закипели ключом волны, выплеснулась река из берегов и пошла всё кругом заливать.

Вот уже к самому лесу подступает, всю опушку затопила... А на опушке как раз черти собрались — поминки по Музыке справлять. Ну и натерпелись же они страху! Едва живые из воды повыскакали.

«Это что же за напасть такая?» — думают.

Поглядели туда-сюда и — что за диво! Сидит на пригорке Музыка — целый-невредимый и на своей скрипичке наигрывает.

— Да что же это такое, — плачут черти. — Как же нам его сгубить? Житья нам от него нет!

А Музыка увидел, что водяной на радостях все деревни и поля заливает, и не стал больше играть. Спрятал свою скрипичку в мешочек и пошёл дальше.

Только не успел он и десяти шагов отойти — встречаются ему на дороге два панича.

— Послушай, Музыка, — говорят ему те паничи, — сделай милость, поиграй нам на вечеринке. Уж мы тебе всего дадим, чего ни захочешь, и напоим, и накормим, и спать уложим.

Подумал-подумал Музыка, — ночевать ему негде, грошей нету, — и послушался он тех паничей, пошёл с ними играть на их вечеринке.

Привели паничи Музыку в богатый-пребогатый дом. Смотрит он, а там и панов и панночек видимо-невидимо.

Вот вытащил он свою скрипичку, приготовился играть.

А гостей всё больше и больше в дому набивается.

И кто ни придёт, сперва к столу подбежит, обмакнёт палец в миску и потрёт себе глаза.

Чудно это Музыке.

«Дай, — думает, — и я попробую».

Сунул он палец в миску и, чуть только тронул глаза, такое увидел, что дух у него захватило! Панов и панночек словно не бывало, а вокруг него снуют-вертятся

черти рогатые и ведьмы косматые. И дом-то вовсе не дом, а само чортово пекло.

«Ну, — думает Музыка, — и сыграю же я сейчас, на славу сыграю, чтобы им, чертям, жарко стало».

Вот начал он наигрывать на своей скрипичке. Минуты не прошло — всё вихрем закружилось. Столы-стулья вприсядку пошли, за ними окна с места сорвались, двери с петель снялись, а стены так ходуном и заходили. Да и где устоять под такую музыку! Ни один гвоздик на месте не удержался, всё пекло в щепки разлетелось.

А черти — кувырком да колесом, вприпрыжку да вприскочку по белу свету разбежались — кто куда.

С той поры боятся черти Музыку, больше не цепляются к нему. А он ходит себе по свету — добрых людей веселит да тешит, лихих без ножа по сердцу режет.

ОХ

(Белорусская сказка)

Жила-была на свете старенькая старушка, и был у неё один-единственный сын.

В бедности жили они, и пришлось матери отдать своего сына в работники к богатому мужику.

Верно говорится: сытый голодного не разумеет. А уж богатый бедного и подавно не утешит.

Живёт парень у мужика год, живёт другой, и неизвестно ему стало.

Приходит он к своей матушке и горько так плачется:

— Матушка моя, кормилица, жил я у хозяина один год — ничего, жил другой год — так себе, а третий год — сил нет терпеть, до того плохо.

А мать ему и говорит:

— Ну, сынок, потерпи ещё немножко, найду я тебе место хорошее, и работу лёгкую.

Вот и пошла она, а куда идёт, — сама не знает. Шла, шла, одну дорогу прошла, другую, третью и совсем умом не осталась. Села среди поля на холмике и тяжело так вздохнула:

— Ох!..

А Ох тут как тут.

— Ты что это, старушка, охаешь, меня зовёшь?

— А ты кто такой? — она спрашивает.

— А я и есть Ох. Говори, что тебе надо, всё сделаю.

Вот она и просит его:

— Мне вот что надо: дал бы ты моёму сыну работу лёгкую и место хорошее. Век бы тебя добром поминала.

— Что ж, это можно, — говорит Ох. — Приводи сына, я его к себе возьму.

Пришла старушка домой и говорит:

— Ну, сын мой, нашла я тебе место хорошее и работу лёгкую. Если поверишь мне на слово, идём. Я ведь, сама знаешь, худого тебе не пожелаю.

— Что ж, — говорит сын, — пускай так и будет.

Вот и пошли они. Шли, шли, наконец, дошли до того самого места, где холмик был. Присела старушка и говорит:

— Ох, и устала же я!

А Ох уже тут как тут.

— Что тебе, милая старушка?

— Да вот привела к тебе сына на лёгкую работу.

— Ну что же, я его не обижу. На сколько времени его отдаешь?

А старушка и рада бы совсем не отдавать, да поздно. Что сделала, того уж не воротишь.

— Ну, я его на три года беру, — Ох говорит. — На вот, расписывайся.

И повёл её сына неведомо куда.

А бедная старушка заплакала горько и побрела к себе домой. Ведь, бывало, один день сына не видит, — и то уже хворая делается. А тут — три года!

Бот живёт она одна-одинёшенька в своём домике и год, и два, и три. Наконец, настал тот день, когда можно ей итти за сыном.

Собралась старушка и пошла. Весело так идёт!

Прошла одну дорогу, вторую, третью — и приходит на то самое место, где простилась с сыном. Села на холмик и вздохнула.

— Ох! — говорит. — Дождалась я хорошего дня!

А Ох уже тут как тут.

— Что, старуха, верно, за сыном пришла?

— Да, мой голубчик, твоя правда. За сыном пришла.

— Ну, подожди немного, — говорит Ох. — Сейчас приведу его к тебе.

И вдруг гонит он к ней двенадцать жеребцов. Жеребцы отборные, рост в рост, грива в гриву, хвост в хвост, глаз в глаз и глядят как раз.

— Ну-ка, — говорит, — признавай, который твой сын?

А старушка и говорит:

— Ох, ты мой голубчик! Да разве я тебе такого сына отдавала? Отдавала я тебе молодца, а ты мне даешь жеребца.

Тут погнал Ох назад всех жеребцов, а ей говорит:

— Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его. Ступай домой, приходи завтра опять.

Заплакала бедная старушка и пошла домой, руки старые ломаючи, горючие слёзы роняючи. Идёт, бедная, и дороги перед собой не видит.

На другой день опять собралась старушка на то самое место.

Прошла одну дорогу, и вторую, и третью, села на тот самый холмик и говорит:

— Ох, ты горе моё горькое. И куда же это я своего сыночка отдала?

А Ох уже тут как тут.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, здравствуй, мой голубчик!

— Что, верно, за сыном пришла?

— За сыном, за сыном, голубчик.

— Ну, погоди, сейчас я его приведу.

Вот через минуту прилетели двенадцать голубей —

перо в перо, ножка в ножку, воркуют понемножку, глаз в глаз и глядят как раз.

— Ну, бабушка, — говорит Ох, — узнавай, который твой сын.

— Ох, ты мой голубчик, да тут моего сына и нет. Я ведь тебе отдавала молодца, а ты мне даёшь голубца.

— Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его, — говорит Ох, и махнул голубям, чтобы назад летели. — А ты, бабушка, приходи завтра. Ежели в третий раз не признаешь своего сына, останется он у меня на веки вечные.

Было у старухи горе горькое, а теперь ещё горше стало.

Идёт она домой и в голос плачет:

— Что же делать мне, как мне сына узнать?

Вот дождалась она завтрашнего дня и опять в путь отправилась.

Прошла одну дорогу, прошла другую, к третьей подходит.

Тут встречается ей старенький старишок.

— Здравствуй, бабушка! — говорит старишок.

— Здравствуй, старишок почтенный!

— Куда идёшь, бабушка?

— А иду я, старишок мой почтенный, сама не знаю, куда. Отдала я своего сына на лёгкий заработок, а теперь ума не приложу, как выручить его. Два раза уж ходила, а без сына вернулась. Первый раз выбежали ко мне жеребцы, второй раз вылетели голубцы, да что мне в них? А сына я так и не видела.

Старишок ей и говорит:

— Да ты и теперь его не увишишь.

— Ах, старишок почтенный, — плачет старушка, — не научишь ли, как его узнать?

— Да уж ладно, — отвечает старишок, — научу. Как придёшь на место, выйдут к тебе двенадцать молодцов — волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать молодцов с песнями выйдут,

прямо в глаза тебе смотреть будут, а двенадцатый в землю потупится, на тебя даже не взглянет. Ты на него и показывай. Это и есть твой сын.

Поблагодарила старушка старичка и пошла дальше.

Пришла на то самое место, где с сыном простились, села на холмик и залилась горькими слезами.

— Ох, — плачет, — где-то сыночек мой? Увижу ли я его когда-нибудь?

Не успела сказать, а Ох уже тут как тут.

— Здравствуй, бабушка.

А та за слезами слово молвить не может.

— Что, верно, за сыном пришла? — спрашивает Ох. Она только головой кивает.

— Ну, подожди, — говорит Ох. — Сейчас он к тебе выйдет.

Вот привёл он двенадцать молодцов и говорит:

— Ну, бабушка, выбирай, который твой сын.

Смотрела она, смотрела, а молодцы все на одно лицо — волос в волос, голос в голос, глаз в глаз иглядят как раз. Только одиннадцать молодцов глядят весело, а двенадцатый насупился, нахмурился, в землю уставился.

— А вот он мой сын, — говорит старушка и на него показывает.

Дивится Ох.

— Да почём же ты знаешь, что это твой сын?

— Как же не знать, голубчик ты мой, — говорит старушка, — ведь кровь-то своя.

— Ну, что поделаешь, — говорит Ох. — Бери, раз угадала. Твой это сын.

Рада старушка, ну прямо сказать нельзя как!

Вот пришли они домой.

А денег в доме ни копейки, и хлеба ни крошки. Нечем старушке сына угостить.

— Несчастные мы, несчастные, — плачет старушка. — Видно, придётся нам с голоду пропадать.

— Молчи-ка ты, матушка! — говорит сын. — Будут

у нас и деньги и всё, что надо. Не зря же я три года уму-разуму набирался. Сейчас обернусь я конём, а ты веди меня в город и продавай за хорошую цену. Только, смотри, не забудь уздечку с меня снять. Уздечку никому не отдавай. А то и меня отдашь.

Тут вынул он какое-то зелье, сперва понюхал, потом вокруг себя побрызгал и враз обернулся конём. Да каким конём! Такого ещё на свете никогда не бывало, да никогда и не будет.

Ноги у коня точёные, копыта золочёные, сбруя серебряная, уздечка шёлковая.

Привела его старушка в город на базар, а он копытом как топнет, как заржёт! Весь город всполошился.

Сбежались отовсюду и купцы, и господа, и генералы — все конём любуются, налюбоваться не могут.

— Что, бабушка, продаёшь коня или купила? — спрашивают.

— Да продаю, извольте купить.

А тут, откуда ни возьмись, какой-то бородатый дядька подходит и говорит:

— Продай, бабушка, мне этого коня.

— А купи!

— Что возьмёшь?

— Давай пять тысяч. Только уговор — уздечка чтобы мне осталась.

— Да полно, бабушка, — говорит старик. — Ну что тебе в этой уздечке? К чему она тебе без коня?

Торговался, торговался и выторговал себе уздечку. Выложил деньги, взял коня под уздцы и повел

А старуха домой пошла.

И взяло её по дороге раздумье.

— Что же это я наделала? — сама себе говорит. — Ведь приказывал же мне сын с уздечкой не продавать, а я, дурная, хоть и знала, а уздечку отдала.

Тут и догадалась она: «Не иначе, — думает, — как этот самый Ох и купил у меня коня, опять сына у меня взял».

И заплакала она горькими слезами.

Вот подходит она к деревне. Видит — возле трактира конь стоит, к крыльцу привязанный. И уж так узда на нём подтянута, что не может он, бедный, на месте стоять. Так и танцует вокруг столба.

А конь увидел старушку и говорит вдруг человечьим голосом:

— Матушка моя милая, подойди ко мне поближе, скинь с меня уздечку, отпусти на волю.

Испугалась старушка. Никогда она не слышала, чтобы конь человечьим голосом разговаривал.

— Боюсь я тебя, — говорит старушка. — Ты меня как лягнёшь, так дух вон.

А он в ответ:

— Да что ты, матушка! Ведь я сын твой, ведь это меня ты на базар продавать водила.

Тут признала она его, сбросила с него уздечку, самого коня на волю отпустила, а уздечку в сумку спрятала.

Потом вошла в трактир и говорит:

— Ох, и беда же случилась! Позвольте, господа хорошие, спросить, чья это лошадь у крыльца стояла? Так вот, сорвалась она с привязи и убежала.

Не успела сказать, а Ох уже тут как тут. Выскочил на крыльцо, да где там! Коня и не видать и не слыхать.

Бросился Ох за ним вдогонку. Прикинулся волком, по следам коня идёт. Вот-вот догонит. Да не догнал. Конь охотником обернулся. Схватил охотник дубину и на волка пошёл. Вот-вот изловит. Да не изловил. Волк отнёс обернулся, жжёт охотника, со всех сторон окружает, уйти не даёт.

Волк — огнём, а охотник — водой. Заливает вода огонь, тушит его, к земле прибывает. Да не сбила до конца — огонь щукой обернулся.

Бьёт щука по воде хвостом, хочет разметать, разбрьзгать воду. А брызги колючими ершами обернулись, снова в воду упали. Гоняется щука за ершами, а те

только смеются: «Как щука ни быстра, а не возьмешь ерша с хвоста!»

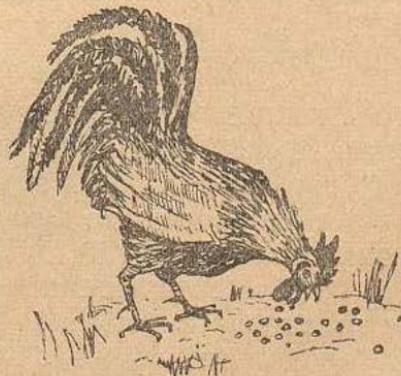
Тут скинулась щука мелким камнем, и посыпались камни градом на ершей. Всех до одного забили. А этот один обернулся петухом и давай камешки клювом долбить. Все до одного расклевал. А этот один обернулся ястребом и — на петуха.

Да петух уже не петух — могучий орёл в небе парит.

Как удариł орёл ястреба, тут ему и конец пришёл. На клочки разорвал его орёл, все косточки ему переломил. А потом обернулся парнем и пошёл домой к своей матушке.

И стали они жить-поживать, добра наживать.

Вот и сказка вся, дальше плесть нельзя.

СКАЗКА ПРО БЕДНОГО САПОЖНИКА

(Грузинская сказка)

Жил когда-то в каком-то городе бедный сапожник. За всю свою жизнь не скопил он не то что одного рубля, а даже одного шаури¹. Что днём заработает, то вечером с женой и детьми проест. По духанам он никогда не ходил, а всегда весёлый был, на работу отправлялся — песни пел, с работы возвращался — шутки шутил.

Так и жил, не зная горя и забот.

А правил тем городом хитрый и злой царь.

Вот однажды решил царь посмотреть, как живут его подданные. Надел он платье и все знаки рыночного устабаши² и, когда наступил вечер, отправился бродить по улицам.

В окна заглядывает, у дверей подслушивает и, сколько ни ходит, ничего особенного не замечает: кто свои барыши за день подсчитывает, кто убытки оплакивает,

¹ Шаури — мелкая монета, денежка.

² Устабаши — староста, надзиратель.

кто с женойссорится, кто детей бранит. Только в одном доме услышал он весёлый смех и песни.

Удивился царь и решил посмотреть, что это за люди живут там и отчего им так весело и хорошо.

Постучал он, открыли ему. Пригласили к ужину. Угощенье на столе небогатое, гостей нет, а пир горой идёт.

Сидит царь за столом, ест лобио, пьёт вино, а от любопытства всё у него внутри так и горит: не привык он видеть в своём городе счастливых и довольных людей.

— Прости меня за вопрос, геноцвали¹ — сказал, наконец, царь, — но очень хочется мне знать, кто ты такой и чем занимаешься, что в будний день пьёшь и веселишься, словно в праздник.

— Я простой, бедный сапожник, батоно², — ответил хозяин. — на рынке у меня есть лавочка. Пройдёт кто мимо, я тому сапоги подобью, или чужяки подошью, или ноговицы залатаю. Днём работаю, а вечером с семьёй пирую. Зачем нам праздника ждать? Все дни хороши.

— Ну, а что ты будешь делать, если вдруг закроют лавки?

— О, врагу не пожелаю того, что тогда со мной будет, голодный останусь, — сказал сапожник. — Но что об этом думать? И какому злому человеку придёт в голову закрывать лавки?

Посидел царь у сапожника, попил, поел и ушёл.

А на утро разослал он во все концы города своих глашатаев, чтобы объявили они народу его царскую волю.

По случаю праздника приказывает царь закрыть все лавки на базаре, чтобы никто не смел работать, когда царь отдыхает, — ни портной, ни сапожник, ни кузнец, ни брадобрей.

Не понимает народ, что за блажь царю в голову пришла? Ходят все без дела, ругают царя, а нарушить приказ не смеют.

¹ Геноцвали — дорогой, милый.

² Батоно — господин.

А царь чуть только стемнело, опять переоделся и опять пошёл проводать сапожника.

«Посмотрим-ка, — думает, — так ли ему весело, как вчера, все ли теперь дни для него хороши!»

Приходит, а сапожник, как ни в чём не бывало, сидит с детьми и женой за столом, пьёт, ест, веселится.

— Здравствуй, друг, прошу, дорогой мой, к столу, — радостно сказал сапожник, увидя гостя.

— Ты, я вижу, пируешь попрежнему, — сказал царь, — где же ты деньги взял? Ведь все лавки были закрыты. Или ты нарушил приказ царя?

— А будь он проклят, наш царь, — сказал сапожник. — Из-за него я чуть голодный не остался. У него праздник, а мне лавку закрыли. Что делать? Вышел я на улицу — кому воды принёс, кому дров нарубил, кому вещи нести подсобил, вот и заработал немного, вот у нас и праздник. Чем мы хуже царя?

Посидел царь у сапожника, поговорил и ушёл. А на утро явился к сапожнику царский слуга и повёл беднягу во дворец.

По приказу царя опоясали сапожника тяжёлым мечом и поставили у царских дверей.

— Смотри, — говорят, — шагу никуда не смей делать, а больше всего свой меч береги.

Целый деньостоял на часах бедный сапожник. Вечером пришёл домой грустный, расстроенный. Ничего в этот день не заработал. Где теперь денег взять? Как семью накормить?

— Что ты опечалился, дорогой мой? — спрашивал его жена. — Ну что ж, что сегодня мы остались без ужина? Другие по неделям сидят без куска хлеба, и то терпят. Так неужто мы одного дня не выдержим?

Сразу повеселел сапожник от этих слов и, чтобы чем-нибудь занять себя и не думать о еде, взял палку и, напевая себе под нос песенку, принялся строгать её.

Строгал, строгал и видит — стала палка с одной стороны плоской, как меч.

«Ага, — подумал сапожник, — сейчас я сделаю дело. Не буду я из-за этого глупого царя голодным сидеть».

Обстрогал он палку с обеих сторон, один конец заострил, к другому узорчатую рукоятку приделал, и получился у него самый настоящий меч, только деревянный.

Деревянный меч сапожник вложил в ножны, а железный отнёс соседу-меняле. Дал тот ему денег, и накупил сапожник и хлеба, и вина, и сала, и баранины столько, что едва домой унёс.

— Получай, жена, — говорит, — да благодари царя за богатый ужин.

А царь, тем временем опять переоделся и опять пошёл проведать сапожника. «Ну, — думает, — сегодня уж ему не с чего веселиться».

Только ничуть не бывало. Веселее прежнего сапожник, и пир у него богаче прежнего.

Усадил сапожник гостя за стол, смеётся, рассказывает своему новому другу:

— Понимаешь, — говорит, — сегодня наш глупый царь заставил меня на часах стоять, покой его сторожить. Простоял я целый день, пришёл домой, а дома ни денег, ни хлеба. Вот я и подумал: продам-ка я царский меч, а в ножны деревянный вложу. Как царь узнает?.. А ну-ка, жена, достань мою деревяшку, покажи нашему другу, какой у меня меч.

Принесла жена деревянный меч.

Посмеялись все, поели досыта, попили допьяна, и ушёл царь.

А на утро снова явился за сапожником царский гонец.

Снова поставили беднягу у царских дверей.

Стоит сапожник навытяжку, руки по швам, сбоку деревянный меч привешен.

А царь уселся на своём троне и посмеивается.

«Теперь-то, — думает, — он у меня не вывернется».

И, чтобы проучить сапожника, придумал царь вот что.

Приказал он позвать своего казначея, и, когда пршёл тот, начал вдруг царь кричать на него и ногами топать, точно казначей и вправду перед ним провинился.

— Изменник, — кричит, — вор, мошенник! Это ты украл из моей казны сто туманов. Да я велю казнить тебя сейчас же!

Казначей даже рот разинул от удивления:

— Да не умрёт твой сын! Опомнись, милостивый царь! Какой злой человек подсказал тебе эти слова?

А царь и слушать ничего не хочет.

— Эй, — кричит, — позвать сюда стражу! Пусть сию минуту отрубят голову этому вору!

Привели к царю сапожника.

Отодвинулся царь на своём троне поглубже под балдахин, корону до самых бровей надвинул, мантией до самых глаз закрылся, чтобы сапожник его не узнал, и говорит:

— Руби этому изменнику голову. Он из моей казны сто туманов украл.

— Милостивый царь, — плачет казначей, — клянусь, не виновен я. Пересчитай сам свою казну...

— И считать не буду, — говорит царь, — и слушать тебя не буду, а казнить — казню. Эй, стражник, руби ему сейчас же голову!

Ума не приложит сапожник, как из беды выпутаться. За казначея-то он не боится, знает, что его голова уцелеет. Получит казначей палкой по шее — и всё тут. А вот как свою голову спасти?

— Великий, милостивый царь, — стал просить сапожник, — прости и помилуй этого несчастного. Если он и взял что лишнее, так теперь уж, наверное, даже одного шаури не возьмёт.

— Нельзя его простить, — отвечает царь. — Пусть все знают, каково царя обманывать. Говорю: руби ему голову, а не то и твоя полетит долой.

Что тут делать?

Возвёл сапожник глаза к небу и говорит:

— Господи, если не виновен этот человек, сотвори чудо: преврати железо в дерево. Меня от убийства спаси, его — от смерти.

Сказал так и выхватил меч из ножен.

Смотрят все, а меч деревянный.

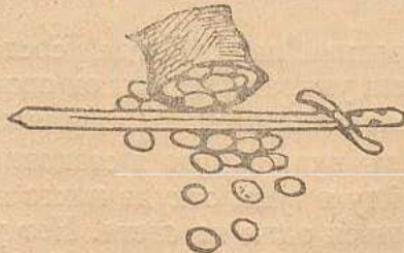
Усмехнулся царь.

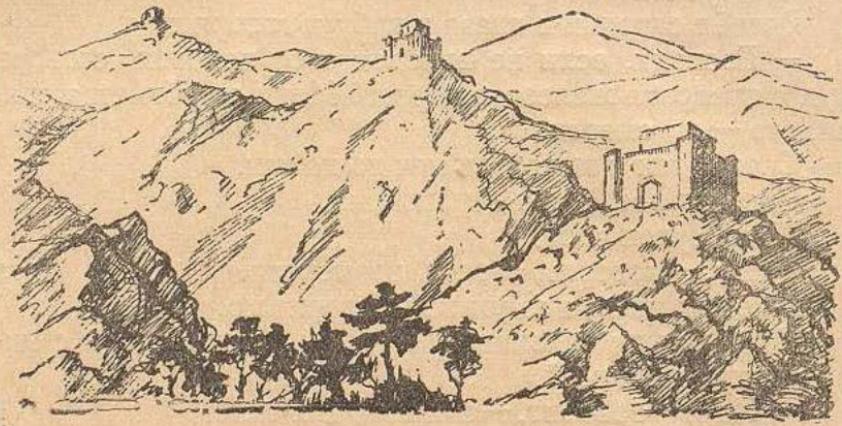
— Ну, — говорит, — тебя не перехитришь. И хоть обманул ты меня, а за ум всё-таки хвалю.

Наградил он сапожника золотом и серебром и с миром отпустил домой.

— Иди, — говорит, — и живи, как жил.

И зажил сапожник попрежнему — весело и счастливо. Днём работает, вечером пирует.

ПРО ЦАРЯ И ЕГО СЫНА

(Грузинская сказка)

Был один великий царь. Когда состарился он, и пришло ему время умирать, позвал он своего единственного сына и наследника и сказал ему так:

— Сын мой, ты видишь, что я становлюсь стар и немощен. Скоро уйду я туда, откуда никто не возвращается, и ты останешься один на свете. Нет у тебя никого, кто в трудный час, в недобрый день помог бы тебе умным советом, утешил бы тебя добрым словом. Ступай же, сын мой, и повсюду, где только сможешь, построй себе надёжные дома, чтобы всегда было у тебя пристанище, где бы ты мог укрыться от беды.

Послушался сын отца, взял побольше золота и отправился в путь.

Долго странствовал он. И куда бы ни приводила его дорога — в долину или в ущелье, в дикий лес или на берег реки, в селение или город, — всюду созывал он рабочий народ, всюду строил себе дворцы. Да не дворцы, а настоящие крепости! Стены толщиной в четыре

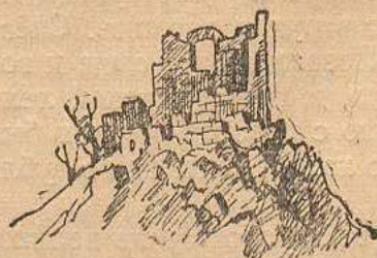
локтя, ограды высотой в два человеческих роста, ворота кованые, засовы чугунные.

Настроил себе царевич множество дворцов и спокойно вернулся домой. Рад, что наставление отца выполнил.

— Что, сын мой,—спрашивает у него отец,—сделал ли ты, как я тебя учил?

— О да, отец, — отвечает сын. — Как ты сказал, так я и сделал. Теперь, куда бы я ни пришёл, что бы со мной ни случилось, от всякой беды могу я укрыться, повсюду есть у меня надёжные пристанища — за глубокими рвами, за высокими оградами.

— Горе тебе, сын мой,—сказал отец, выслушав его.— Ни высокие стены, ни тяжёлые засовы не спасут тебя от беды. Ты не те дома строил, о которых я тебе говорил. Я хотел, чтобы повсюду, куда ты ни придёшь, ты находил хороших, достойных людей, чтобы ты полюбил их всем своим сердцем, и сам заслужил их любовь и дружбу. Только друзья в трудную минуту помогут тебе и укроют тебя от беды. Ибо знай, мой сын, и запомни навсегда: там, где у человека верный друг, там у него и надёжный дом.

ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

(Грузинская сказка)

Жил на свете кузнец. И был у него сын, да такой лентяй, что во всём свете не сыскать ему другого в пару. Ни одного шаури не заработал он за всю свою жизнь, хоть и прожил без малого двадцать лет. Сам здоровый, сильный, а другого дела знать не знает — только ест, пьёт да на лежанке валяется.

Так и жил он, на отцовском хлебе.

Да вот пришло время — состарился отец, не под силу стало ему молот в руках держать. Слёг старик, чует — смерть близка. Позвал он тут сына и говорит ему:

— Уж не знаю, в кого ты такой ленивый уродился. Я всю жизнь свою с работой дружен был, своими руками всё хозяйство нажил, а ты даже рубля заработать не можешь.

— Ну, рубль-то заработать не великое дело, — говорит сын.

— Что ж, пойди заработай, — говорит отец. — Зара-ботаешь рубль, — всё своё хозяйство оставлю тебе в на-следство, не заработкаешь, — гвоздя ржавого после меня не получишь.

Что тут делать? Хочется ленивому наследство получить, а работать лень. Шуточное ли дело — целый рубль заработать, когда он сроду и копейки не нажил?

А спорить с отцом тоже не станешь, — уж как скажет, так на том и стоит. Отцовское слово — точно гора каменная: каменную гору не сдвинуть, отцовское слово не изменить.

Ну, а матери жалко своего сына. Уж какой ни на есть, а всё-таки родной сын.

Вот и говорит она ему:

— Слушай, сынок, дам я тебе рубль, ты пойди погуляй до вечера, а вечером придёшь, будто с работы, и отдашь отцу деньги.

Лень сыну шевельнуться, да делать нечего, надо итти. Взял он у матери рубль, взял бурдюк с вином, сыр, и пошёл себе в горы. Целый день ел, пил, на траве лежал, птиц в небе считал, а вечером пришёл домой, подал отцу рубль и говорит:

— Вот, отец, возьми. Не легко мне этот рубль достался, спины разогнуть не могу, так наработался.

Взял отец рубль, повертел, повертел, со всех сторон осмотрел, с ладони на ладонь перебросил, да и кинул в огонь.

— Нет, — говорит, — не ты этот рубль заработал.

Сын только плечами пожал: «Не веришь, — не надо», — и пошёл спать.

На другой день дала мать сыну второй рубль и учит его:

— Ты, геноцвали,¹ целый день хоть спи, хоть лежи, а будешь возвращаться домой — пробеги с версту. Вспомнишь, устанешь, — отец и поверит, что ты целый день работал, волю его исполнял, в поте лица деньги зарабатывал.

Жалко ленивому своих ног, а наследства отцовского ещё жальче. Взял он у матери рубль, взял еды-питья и

¹ Геноцвали — дорогой, хороший.

снова отправился в горы. От восхода до заката пил, ел, на солнышке грелся, а вечером, как пришло время домой возвращаться, не то что версту — две бегом бежал.

Прибежал к отцу весь мокрый. Едва дух перевести может, пот с него в три ручья льётся.

Прибежал, повалился на скамейку и протягивает отцу монету.

— Ну и трудно же достался мне этот рубль, — говорит: — точно вол, целый день работал. С ног валюсь от усталости.

Взял отец у сына рубль, опять повертел, опять со всех сторон осмотрел и в огонь бросил.

— Нет, — говорит, — обманываешь ты меня, сынок. Этот рубль даром тебе достался. Напрасно ты через горы бежал, только зря калыманы¹ сбил.

А лентяю — что? Усмехается. «Не хочешь, мол, так не верь», — и завалился спать.

Спит лентяй сладким сном, а мать никак заснуть не может. Видит она, что не обмануть ей старика, только деньги зря пропадают, а сыну всё равно пользы никакой.

На другой день снова говорит она сыну:

— Вот что, сынок, придёться тебе и вправду поработать, если хочешь отцовское наследство получить. Пойди, хоть по два шаури, хоть по одному в день зарабатывай, — может, за неделю и наберёшь рубль.

Нечего делать, пришлось лентяю послушаться. Целую неделю работал он: кому что принесёт, кому в чём подсобит, кто ему шаури даст, кто два шаури, — так и набрал рубль. Пришёл к отцу и высыпал перед ним целую пригоршню монет.

Опять вертел старик монеты, и на руке взвешивал, и к свету подносил, а потом и говорит:

— Нет, сынок, опять ты меня обманываешь. Не ты эти деньги заработал. — Сгрёб все монеты и кинул в огонь.

¹ Калыманы — деревенская обувь, сделанная из цельной кожи.

Не стерпел тут сын. Обидно стало ему.

Бросился он к очагу, голыми руками угли разгребает, из самого огня деньги выхватывает.

— Да что же это такое, — плачет. — Я целую неделю спины не разгибал, с раннего утра до поздней ночи на работе надрывался, а ты мои деньги в огонь, точно мусор, бросаешь!

Посмотрел на него отец и говорит:

— Вот теперь я верю, что ты сам этот рубль заработал. Чужих денег тебе не жалко было, чужие деньги дёшево стоят, а свои трудом дались, вот ты их и пожалел. Так-то, сынок. Помни мои слова: будешь работать — и деньги будут, и всё у тебя будет. А не будешь работать, так и чужие деньги тебе не помогут. Чужому рублю — грош цена.

Тут завещал отец сыну всё своё имущество, а сам ушёл туда, откуда никто не возвращается.

Да будут долгими — в труде и богатстве — ваши дни.

РОГАТЫЙ ЦАРЬ

(Грузинская сказка)

У одного царя на голове росли рога. Но никто об этом не знал, потому что никто никогда не видел царя без короны.

Он и по слову принимал в короне, и гулять ходил в короне, и обедал в короне. Даже когда спать ложился, и то не снимал с головы корону.

Сперва люди удивлялись этому, а потом привыкли.

— Ну что ж! — говорят. — На то он и царь, пусть себе в короне ходит. Корона не папаха, не сносится.

Так, наверное, никто и не узнал бы о царской тайне, если бы царь был лысый.

Да на его беду волосы у него были густые, кудрявые и так быстро росли, что не проходило и трёх дней, как надо было их стричь.

Каждые три дня царские слуги проводили во дворец цырюльника. Сперва цырюльник подстригал кудри царю, а потом царский палач отрубал голову цырюльнику. Ведь все знают, что цырюльники народ болтливый. Как же иначе заставить их молчать?

Скоро до того дошло, что некому уже было подстригать царские кудри. Только на самой окраине города уцелел один бедный цырюльник, которому в жизни своей не доводилось стричь не то что царей, а даже царских конюхов. И вот настал его черёд. Бедняга знал, что живым ему домой не вернуться, рас прощался с роднёй, благословил жену и детей и пошёл во дворец.

Там дали ему серебряные ножницы, золотой гребень и повели в царские покои.

Вот закрылись за ним тяжёлые двери, и остались царь и цырюльник одни.

«Помилуй, господи, мою душу», — прошептал цырюльник и, низко поклонившись, подошёл к царю.

Тут царь снял корону.

Цырюльник щёлкнул ножницами, взмахнул гребнем, да так и замер. Над самым лбом царя из густых кудрявых волос торчали рога. Прямые, острые, козлиные рога.

От страха у цырюльника задрожали руки и ноги, а язык прилип к гортани.

В сердце своём он призвал на помощь всех святых мучеников и трясущимися руками принял стричь царские кудри. Сначала у правого рога подстриг, потом у левого. Стрижёт и молчит.

А царю очень нравится, что цырюльник ничего про его рога не говорит, точно не видит их. Вот кончил цырюльник работу, положил ножницы и ждёт, когда его на казнь поведут. А царь снова надел корону на свою рогатую голову и говорит:

— Слушай, человек. Вот тебе десять туманов¹. Это за работу. А в придачу к ним я дарую тебе жизнь. Это за то, что ты умеешь держать язык за зубами. Но помни, если только ты проболтаешься о моей голове, твоя голова расстанется с телом. Это так же верно, как то, что я царь, а ты цырюльник.

Не чуя под собой ног, побежал цырюльник домой.

¹ Туман — золотая монета.

Дома окружили его родные и соседи, знакомые и незнакомые. Радуются, удивляются, расспрашивают, как это он от смерти ушёл, да что во дворце видел, да каков собою царь.

Молчит цырольник, слово проронить боится.

День молчит, два молчит. На третий день стал он пухнуть. Сил нет, как хочется рассказать про царские рога, а нельзя. Лёг он на постель, повернулся лицом к стене и стонет.

— Что с тобой? — спрашивает жена.

— Что у тебя болит? — спрашивают дети.

А он только головой мотает.

И, что ни час, раздувает его всё больше и больше. Вот запретные слова уже к самому горлу подступают, дышать не дают.

«Вай мэ, сейчас скажу!» — думает цырольник.

Вскочил он с постели и пустился бежать куда глаза глядят — подальше от людей.

Бежал, бежал и вдруг видит — болото. А в болоте растёт тростник.

Поглядел цырольник направо, налево, вперёд, назад — нет ли кого поблизости, — потом выбрал одну тростинку, приложил к ней губы и сказал шёпотом:

— У нашего царя на лбу растут рога!..

Сказал — и сразу ему легче стало. От сердца отлегло, и горло отпустило.

Отдышался цырольник и весело зашагал домой.

Так бы всё и кончилось, и никто бы никогда не узнал царской тайны, да на горе цырольника шёл через это самое болото путник.

Скучно путнику одному в дороге. Срезал он себе тростинку, сделал из неё дудочку — и только дунул в неё, как запела дудочка громким голосом:

— У нашего царя на лбу растут рога!..

Удивился путник. Снова дунул в дудку.

Снова запела дудка:

— У нашего царя на лбу растут рога!..

Понравилось это путнику. Идёт по дороге и дудит что есть мочи!

— У нашего царя на лбу растут рога!..

— У нашего царя на лбу растут рога!..

Так и дошёл он с этой песней до самой столицы.

А в столице как раз базарный день был. Весь народ на улице толпится. Никто дома не сидит.

Ходит путник по базару и дудит в свою дудку:

— У нашего царя на лбу растут рога!..

— У нашего царя на лбу растут рога!..

Кто верит, кто не верит, кто смеётся, кто удивляется, кто громко, кто шёпотом, а все одно говорят:

— Слыхали? У нашего царя на лбу растут рога!

Часу не прошло, а уже весь город узнал царскую тайну.

Наконец, дошла молва и до самого царя.

Рассердился царь, ногами затопал, кричит на весь дворец:

— Привести сюда цырюльника!

Привели царские слуги цырюльника.

— Голову ему долой! — кричит царь. — Это он меня на посмешище всему народу выставил!

Упал цырюльник на колени перед царём и заплакал.

— Не виноват я перед тобой, милостивый царь! Клянусь моей бедной головой, не виноват. Я нынче даже на базаре не был.

— А кто же виноват, если не ты?

— Не знаю, милостивый царь. Только жена говорила мне, что слышала от соседки, будто ходит по базару какой-то путник, наигрывает на дудке и про тебя небылицы распускает.

Приказал царь разыскать путника, который играет на дудке. Разыскали его, привели во дворец.

Спрашивает его царь:

— Как осмелился ты небылицы про меня распускать, перед моими подданными меня высмеивать? Ты за это жизнью поплатишься!

А путник поклонился царю и говорит:

— Жизнь моя в твоих руках. Хочешь — казни, хочешь — милуй! А только разреши сперва спросить тебя, милостивый царь, всякому ли слову, исходящему из твоих царских уст; следует верить?

Удивился царь.

— А как же иначе, — говорит. — Ты что же, забыл, что я царь? А слово царское всегда непогрешимо.

— Тогда поднеси к своим царским устам эту тростниковую дудочку, — сказал путник, — и оживи её своим дыханием.

Взял царь дудочку, поднёс ко рту и дунул.

А она как загудит на весь дворец:

— У нашего царя на лбу растут рога!..

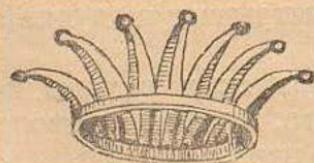
— Вот теперь ты сам объявил об этом своими собственными устами, — сказал путник. — Как же я могу не верить тебе? Ведь ты царь. Твоё слово свято и непогрешимо. Почему ты обвиняешь меня во лжи?

Ещё больше рассердился царь, затопал ногами, затряс головой, и свалилась у него с головы корона.

Тут все и увидели царские рога.

Ну, уж после этого царю ничего не оставалось, как помиловать путника и цырюльника и с миром отпустить их домой.

Пусть и вас минует беда и несчастье.

А Н А И Т

(Армянская сказка)

I

Однажды царский сын Вачаган и верный его слуга Вагинак охотились в горах. В полдень заехали они в деревню Ацик и присели у родника отдохнуть. В это время девушки из деревни пришли к роднику за водой. Вачагану захотелось пить. Он попросил воды. Одна из девушек, наполнив кувшин, поднесла его Вачагану. Вдруг другая вырвала кувшин и вылила воду. Потом она опять наполнила кувшин и снова вылила воду. У Вачагана от жажды пересохло горло, а девушка словно играла — то подставит кувшин под струю, то выльет. Лишь на шестой раз она подала кувшин Вачагану.

Вачаган напился и спросил у девушки:

— Почему ты не дала мне сразу напиться? Пошутила ты или хотела рассердить?

— У нас не в обычай шутить с незнакомцем, — ответила девушка. — Но вы устали и разгорячены, и холодная вода могла бы вам повредить. Оттого-то я и медлила.

Ответ девушки удивил Вачагана, а красота её очаровала его.

Он спросил:

- Как тебя зовут?
- Анait, — ответила девушка.
- Кто твой отец?
- Мой отец — здешний пастух Аран. Но зачем тебе наши имена?
- А разве грех спросить об этом?
- Если не грех, так скажи и ты: кто ты, откуда?
- Солгать тебе или правду сказать?
- Что считаешь более достойным для себя.
- Достойным я для себя считаю правду. А правда в том, что пока мне нельзя говорить, кто я. Но даю слово, что скоро откроюсь!
- Хорошо, а теперь отдай мне кувшин.

Простившись с царевичем, Анait взяла кувшин и удалилась. Охотники вернулись домой.

II

Задумал царевич Вачаган жениться на прекрасной и мудрой Анait. Царь и царица возмущались: разве можно царскому сыну жениться на дочери пастуха! Но Вачаган и слышать не хотел о другой невесте. В конце концов царь и царица согласились с его выбором. Они послали Вагинака и двух вельмож в Ацик свататься к Анait.

Пастух Аран принял их приветливо. Гости уселись на ковре, разостланном Араном.

— Что за чудесный ковер! — сказал Вагинак. — Его, должно быть, соткала хозяйка.

— У меня нет жены, — ответил Аран. — Она скончалась десять лет тому назад. Ковер соткан руками моей дочери Анait.

— Даже у нашего царя нет такого красивого ковра. Мы рады, что дочь твоя так искусна, — сказали вельможи. — Молва о ней дошла до самого дворца. Царь послал нас к тебе. Он хочет, чтобы ты выдал свою дочь за его единственного сына, наследника престола.

Вельможа ждал, что Аран не поверит или даже вскочит с места от радости. Но пастух не сделал ни того, ни другого. Он понурил голову и стал водить указательным пальцем по узорам ковра.

Вагинак сказал:

— Что ты опечалился, брат Аран? Мы принесли тебе радость, а не горе. Мы не хотим взять дочь твою силой. Пожелаешь — отдашь, не пожелаешь — не отдашь.

— Дорогие гости, — ответил Аран, — дело в том, что я не волен в моей дочери. Если она согласится, я ничего не скажу против.

В это время вошла Анait с корзиной спелых фруктов. Она поклонилась гостям, положила фрукты на блюдо и, подав его, села за пяльцы. Вельможи глядели на неё и всё дивились быстроте её работы.

— Анait, почему ты работаешь одна? — спросил Вагинак. — У тебя ведь много учениц, как я слышал, и ты учишь их грамоте?

— Да, — ответила Анait. — Теперь даже пастухи наши, когда пасут стада, читают и учат друг друга. В наших лесах все стволы исписаны словами. Стены, камни и скалы исписаны углём. Один напишет слово, другие продолжают...

— У нас наука не в таком почёте, — ответил Вагинак. — Городские жители ленивы. Но если ты придёшь к нам, ты всех заставишь быть прилежными. Анait, прерви работу, у меня к тебе дело. Посмотри, какие дары прислал тебе царь.

Вагинак достал шёлковые платья и драгоценные украшения. Анait мельком взглянула на них и спросила:

— За что же так милостив царь ко мне?

— Сын нашего царя, Вачаган, увидел тебя у родника — ты подала ему воды и понравилась ему. И царь послал нас просить тебя стать женой царевича. Это кольцо, это ожерелье, эти запястья — всё это для тебя.

— Значит, тот охотник был царский сын?

— Да.

— Он прекрасный юноша. Но знакомо ли ему какое-нибудь ремесло?

— Анант, он сын царя. Все подданные — его слуги. Ему ремесло ни к чему.

— Так-то так, но ведь господин может стать и служой. Ремеслом же должен владеть всякий — и царь, и слуга, и князь.

Слова Ананта удивили вельмож. Но пастуху Арану понравились слова дочери.

— Значит, ты отказываешь царевичу только потому, что он не знает ремесла? — спросил вельможа.

— Да. И всё, что вы привнесли с собой, возьмите назад. И скажите царевичу, что он мне мил, но — да простит он мне! — я поклялась не выходить замуж за человека, не знающего ремесла.

Послы увидели, что Анант тверда в своём решении и не стали настаивать. Они вернулись во дворец и всё рассказали царю.

Узнав о решении Ананта, царь и царица обрадовались. Теперь-то Вачаган откажется от своего намерения!

Но Вачаган сказал:

— Анант права. Я тоже должен быть в каком-нибудь деле мастером, как и все люди.

Царь созвал совет из вельмож, и все единогласно решили, что самое подходящее занятие для царевича — это тканье парчи. Из Персии привезли искусного мастера.

За один год Вачаган научился ткать парчу и соткал для Ананта драгоценный кусок из тонких золотых нитей, который и послал ей.

Получив его, Анант сказала посланному:

— Пословица говорит: «Судьбы испытанья ему нипочём: грянет нужда — станет ткачом». Объяви царевичу о моём согласии и отнеси ему в подарок этот ковёр.

Начали готовиться к свадьбе и справляли её семь дней и семь ночей.

III

Однако вскоре после свадьбы исчез верный друг и слуга Вачагана Вагинак. Его искали долго, пока, наконец, не потеряли всякую надежду его найти. Тем временем царь и царица, дожив до глубокой старости, скончались, и царём стал Вачаган.

Однажды Анait сказала мужу:

— Царь, я замечаю, что ты плохо знаешь своё царство. Люди не говорят тебе всей правды. Они говорят, будто всё идёт хорошо. А может быть, это не совсем так? Хорошо бы тебе время от времени обходить всю страну — то под видом нищего, то под видом рабочего или же торговца.

— Ты права, Анайт, — отвечал царь. — Раньше, когда я охотился, я лучше знал народ. Но как я теперь уйду? Кто станет без меня управлять царством?

— Я, — ответила Анайт и добавила: — Никто и не будет знать о твоём отсутствии!

— Хорошо, завтра же я отправлюсь путешествовать. Если через двадцать дней я не вернусь, знай, что либо меня уже нет в живых, либо я попал в беду!

IV

Царь Вачаган стал в простой крестьянской одежде бродить по своему царству. Он много видел, много слышал и, наконец, попал в чужеземный город Перож.

В городе на обширной площади был рынок, а вокруг рынка расположились мастерские ремесленников и лавки купцов.

Вачаган сел на этой площади. Вдруг он увидел толпу, которая шла за старцем. Старец ступал очень медленно. Перед ним очищали дорогу и под каждую его ногу подставляли по кирпичу. У первого встречного Вачаган спросил, кто этот старец. Ему ответили:

— Разве ты не знаешь? Ведь это наш великий жрец. Он до того свят, что даже ногой не ступит на землю, чтобы случайно не раздавить какое-либо насекомое.

Потом на площади расстелили ковёр, и великий жрец преклонил на нём колени и стал отдыхать. Вачаган притиснулся поближе чтобы разглядеть и послушать старца. У великого жреца было острое зрение. Взглянув на Вачагана, жрец тотчас же понял, что перед ним чужеземец, и спросил:

— Кто ты такой и чем занимаешься?

— Я рабочий из чужой страны, — ответил Вачаган. — Я пришёл в этот город работать.

— Хорошо. Идём со мной, я тебе дам работу и щедро заплачу.

Вачаган кивнул головой в знак согласия. Великий жрец шепнул несколько слов своим жрецам, и те разошлись в разные стороны. Через некоторое время они возвратились с носильщиками, нагруженными всевозможными припасами. Тогда великий жрец поднялся и направился к своему жилищу. Вачаган молча последовал за ним. Так они дошли до городских ворот.

Здесь великий жрец благословил народ, и все разошлись. Остались только жрецы, носильщики да Вачаган. Удалившись от города, они добрались до высокой стены. Великий жрец достал огромный ключ и открыл ворота. За стеной на площади возвышался храм. Носильщики опустили свою ношу на землю. Великий жрец привёл носильщиков и Вачагана к храму, открыл железную дверь и сказал:

— Войдите, здесь вам дадут работу.

Они молча вошли и очутились в мрачном подземелье. Великий жрец запер за ними дверь. Обратный путь был отрезан, Вачаган и его спутники пошли вперёд.

Они шли долго и дошли до пещеры, из которой раздавались стенания и крики. Много людей корчилось там в предсмертных муках. В пещере стояли громадные котлы, в которых, видимо, варился обед. Вачаган наклонился над одним из котлов и с ужасом отступил, ничего не говоря товарищам. Потом они очутились в новом коридоре. Здесь в полумраке работало несколько сот мертвенно бледных людей: одни вышивали, другие ткали, третья шили. Похожий на мертвеца человек сказал Вачагану:

— Дьявол-жрец, который обманом завлёк вас сюда, привёл в эти подземелья и нас. Я не знаю, сколько лет я здесь; тут нет ни дня, ни ночи, а лишь вечный, бесконечный сумрак. Я знаю только, что все, кто сюда со мной попали, все погибли. Сюда завлекают людей, и знающих какое-нибудь ремесло, и незнающих. Первых заставляют работать до самой смерти, вторых уводят на бойню, и они попадают в те ужасные котлы, которые вы видели. Старый дьявол-жрец не один: все жрецы ему помогают.

Вачаган, приглядевшись, узнал в говорившем своего преданного Вагинака. Но он ничего не сказал, чтобы радость встречи не прервала тонкую нить жизни Вагинака.

Когда Вагинак ушёл, Вачаган спросил у своих спутников, кто они и что умеют делать. Один назывался портным, другой — ткачом, а остальных Вачаган решил объявить своими помощниками. Вскоре раздались шаги, и перед ними предстал свирепый жрец в сопровождении толпы вооруженных слуг:

— Это вы, новоприбывшие? — спросил жрец.

— Да, мы слуги твоей милости, — отвечал Вачаган.

— Кто из вас знает ремесло?

— Все! — сказал Вачаган. — Мы умеем ткать драгоценную парчу, которая во сто раз дороже золота.

— Неужели так дорого стоит ваша ткань?

— Я не лгу. Ведь ты всегда можешь проверить меня.

— Ладно: я проверю. Теперь скажите, какие инструменты и материалы вам нужны, и идите в общую мастерскую.

— Там наша работа не удастся, — возразил Вачаган: — Нам лучше работать здесь. А что до пищи, то знай, что мы не мясоеды, от мяса мы можем умереть.

— Хорошо, — сказал жрец. — Я вам пришлю хлеба и овощей, но если работа ваша окажется не столь драгоценной, как вы хвалитесь, я отправлю вас на бойню, да велю ещё хорошенко помучить перед смертью.

Жрец прислал им плодов и хлеба, и Вачаган принял-
ся за работу. Он быстро соткал кусок великолепной парчи и покрыл её узорами. Эти узоры рассказывали о всех муках адского подземелья, но прочесть эти узоры мог не всякий.

Жрец был очень доволен работой.

Тогда Вачаган сказал жрецу:

— Прежде я тебе говорил, что наша ткань во сто крат ценнее золота. Так знай, что на самом деле она стоит вдвое больше, так как на ней вытканы талисманы¹. Жаль, что простые люди их не оценят. Их поймёт лишь мудрая царица Анait.

Жадный жрец, услыхав об истинной стоимости парчи, решил никому не уступать наживу. Он ничего не сказал великому жрецу и даже не стал показывать ему парчу, а взял её и отправил к царице Анait.

¹ Талисман — предмет, которому суеверные люди приписывают волшебную силу приносить богатство, охранять здоровье, спасать от смерти и т. п.

Анант хорошо управляла страной, и все были довольны. Никто не знал даже, что царь в отъезде. Но сама царица была очень встревожена: прошло уже десять дней после назначенного срока, а Вачаган всё не возвращался.

Однажды утром ей доложили о прибытии чужеземного купца с дорогим товаром.

Анант приказала привести незнакомца.

Человек со страшным лицом отвесил царице низкий поклон и поднес на серебряном подносе золотую парчу. Она поглядела на ткань и, не обратив внимания на узоры, спросила:

— Какая цена твоей парче?

— Милостивая госпожа, она в триста раз дороже золота, считая только работу и материал, а мой труд и усердие оценит твоя милость.

— Неужели так дорога она?

— Милостивая царица, в ней скрыта неоценимая сила. Ты видишь эти рисунки. Это не простые узоры, а талисманы. Тот, кто их носит, всю жизнь не знает горя и грусти.

— Неужели? — спросила Анант, развернула парчу, рассмотрела её внимательно и заметила узоры из букв. Разобрав буквы, Анант молча прочитала:

«Несравненная моя Анант, я попал в страшный ад. Доставивший парчу — один из демонов-хранителей этого ада. Со мной Вагинак. Ищи нас к востоку от Перожа, под храмом, обнесённым стеной. Без твоей помощи мы все погибнем. Вачаган».

Потрясённая Анант прочитала письмо второй и третий раз. Она притворилась, будто любуется узорами, и сказала:

— Ты прав, узоры твоей парчи обладают веселящей силой: ещё утром я грустила, а сейчас мне стало легко и радостно. Парче этой нет цены. За неё мне не жаль

отдать полцарства. Но приведи ко мне того, кто сделал эту парчу. Надо его наградить так же, как и тебя.

— Милостивая царица, — ответил жадный жрец, — я не знаю, кто её сделал. Я купил её в Индии у одного еврея, который купил её у араба, а уж араб — кто знает, где её достал!

— Но ты ведь только что сам говорил, во сколько обошлись тебе материал и работа. Значит, ты не покупал парчи, но сам дал её выткать.

— Милостивая царица, мне так говорили в Индии, а я...

— Замолчи! — крикнула Анайт. — Я знаю, кто ты!.. Эй, слуги! Взять этого человека и бросить в темницу!

VIII

После того, как было исполнено это приказание, Анайт собрала своё войско, села на доброго коня скомандовала: «Вперёд! За мной!» и помчалась в Перож. На площади Перожа она осадила разгоряченного коня. Жители приняли её за сошедшее с неба божество: так была прекрасна Анайт.

— Покажите мне, где ваш храм, — сказала Анайт жителям города.

Они повели её к храму, и все пошли за ней следом.

Жрецы подумали, что это к ним идут богомольцы, и открыли первую железную дверь. Анайт въехала на площадь и приказала открыть храм. Тут жрецы поняли, что злодеяния их открыты. Главный жрец кинулся на отважную наездницу, но умный конь Анайт затоптал его копытами.

Воины Анайт быстро покончили с остальными жрецами. Народ со страхом и недоумением следил за происходящим.

— Подойдите поближе, — крикнула Анайт. — Посмотрите, что скрыто в святилище ваших богов!

Быстро взломали двери храма. Ужасное зрелище представилось народу. Из адской норы стали выползать люди, похожие на мертвцевов. Многие еле держались на слабых ногах; ослепнув от света, они шатались и брали с трудом. Последними вышли Вачаган и Вагинак. Они шли с закрытыми глазами, чтобы яркий дневной свет не лишил их зрения. Воины ворвались в ад и стали выносить оттуда тела умерших, орудия пыток, инструменты. Горожане помогали им.

Вагинак узнал Анait и Вачагана. Он припал к руке своей госпожи и заплакал:

— Несравненная царица, ты нас спасла сегодня!

— Ошибаешься, Вагинак, — возразил Вачаган, — царица нас спасла ещё давно, ещё тогда, когда она спросила: «А знает ли сын вашего царя ремесло?». Помнишь, как ты смеялся в ответ?

* * *

По всем городам и сёлам разнеслась весть о приключении царя Вачагана. Даже в других странах говорили об этом, и все восхваляли Вачагана и Анait. Народные певцы — ашуги — слагали про них песни. Жаль, что эти песни не дошли до нас. Зато до нас дошла сказка о Вачагане и Анait.

СКАЗКА О ЗМЕЕ И ШИВАРЕ

(Армянская сказка)

Жил-был царь. Однажды увидел он удивительный сон — будто напало на него великое множество лисиц: большие и маленькие, рыжие и бурые, пушистые и облезлые. Окружили его со всех сторон, трутся у его ног, прыгают, кусаются. Утром проснулся царь и призвал к себе мудрецов со всего своего царства.

— Хочу, — говорит, — чтобы разгадали вы мой сон. Не разгадаете — казню, разгадаете — с подарками отпущу.

И жил в те времена в той самой стране один человек по имени Шивар, что значит «сбитый с толку». Видно не зря дано ему было такое имя, — до того был он бестолков, что ничего толком делать не умел.

Узнала жена Шивара, что царь обещает богатую награду тому, кто разгадает его сон, и пристала к мужу: «Иди да иди». А сама думает: «Если разгадает он сон, — хорошо, богатыми станем; не разгадает, — тоже хорошо, царь ему голову отрубит. На что мне такой бестолковый муж?»

И как Шивар ни упирался, как ни отговаривался, не мог жену переспорить.

Нечего делать, взял он в руку палку, надел через плечо сумку и отправился в путь.

Вот идёт он, идёт, и вдруг видит — выползла на дорогу из-под большого серого камня змея.

— Куда путь твой лежит, Шивар? — спрашивает змея.

— Сам не знаю, — отвечает Шивар. — Куда ноги несут, туда и путь лежит. Жена послала меня отгадывать царский сон. Да где же мне отгадать? Я и свои-то сны в толк не возьму, а чужие — и подавно.

— Шивар, — сказала змея, — я помогу тебе избавиться от беды. Поди к царю и скажи ему так: «Царь, ты хочешь знать, что предвещает сон, который тебе приснился? Недобрый это сон. Лисицы, что окружили тебя, — это льстцы и обманщики, лукавые и коварные люди. Все они здесь, возле тебя. Они хотят твоей погибели. Не доверяйся никому, будь настороже». Так и скажи царю, Шивар. А за то, что я растолковала тебе царский сон, ты должен отдать мне половину тех богатств, которые получишь от царя в награду.

— Будь спокойна, всем с тобой поделюсь, — сказал Шивар и пошёл во дворец.

И когда представил Шивар перед царскими очами, слово в слово повторил он всё то, что услышал от змеи.

Царь приказал сейчас же придворных мудрецов своих схватить и бросить в темницу, — и как раз во-время, потому что не разгадкой царского сна были заняты их помыслы, а тем, как бы хитростью и обманом избавиться от царя.

А Шивара царь назначил своим рамилдаром — главным толкователем снов — и в знак своей милости дал ему четыре верблюжьих ноши золота.

Едет Шивар домой, смотрит, как покачиваются тяжёлые мешки на верблюжьих спинах, и думает: «Спасибо змее. Хорошо, что я повстречал её. Два мешка с

золотом ей отдаам, два мне останутся. Весело теперь за-живу! И жена больше не будет на меня ворчать».

Проехал ещё немного и опять думает: «Два мешка хорошо, а четыре — ещё лучше. Ведь не каждый день такое богатство в руки даётся... Да и на что змее золото? Оно у неё только даром лежать будет. А змею обмануть — грех невеликий, другие и не на такой обман идут».

Подумал так Шивар и свернул с прямой дороги. Окольными тропами, в объезд да в обход добрался до дома.

Да только если человек сбился с прямого пути, всё, что он ни делает, вкривь да вкось идёт. Так и с Шиваром.

Прошло три года, и снова увидел царь удивительный сон.

Приснилось ему, будто наполнились все реки и озёра кровью, и вся земля напиталась кровью, и на полях выпала кровавая роса.

Думает царь с утра до вечера и с вечера до утра, и никак не может додуматься — что его сон значит?

Тут вспомнил он о своём рамилдаре — толкователе снов — и велел слугам привести его во дворец.

Отправились царские гонцы во все стороны и скоро нашли хижину Шивара.

Так и затрясся Шивар со страху, когда услышал, зачем зовёт его царь.

«Как быть? — думает. — Что делать? Можно у змеи разгадку спросить, да разве она теперь скажет? А к царю с пустой головой тоже нельзя показываться. Пустая голова — лёгкая, сразу с плеч покатится... Ну, будь, что будет, пойду всё-таки к змее. Может, пожалеет она меня — снова выручит из беды».

Подумал так Шивар и пошёл к змее.

Только дошёл до камня, видит — змей уже выползла и поджидает его.

— Здравствуй, брат Шивар, — говорит змей, — как

поживаешь? Знаю я, что обманул меня, утаил мою долю золота. Ну, да что с тобой поделать, выручу тебя и на этот раз. Царь хочет, чтобы ты растолковал его сон. Ступай же к царю и скажи, что недаром видел он во сне кровавые реки и озёра. Пусть скорее соберёт большое войско и будет наготове, не то кровью зальют враги его землю. Да смотри, Шивар, на этот раз не забудь принести мне половину даров, которые получишь от царя.

— Твоё желание в памяти у меня, будто написано перед глазами,— сказал Шивар и, низко поклонившись змее, пошёл к царю.

Вот опять предстал он перед царём и говорит:

— Царь, да будет долгой и счастливой твоя жизнь! Ты хочешь знать, что предвещает твой сон? Недобрый это сон. Враги хотят напасть на твою землю. Прикажи поскорее собрать всё своё войско и будь наготове, чтобы не пролилась напрасно кровь твоих подданных.

— Спасибо тебе, Шивар, — сказал царь и тотчас приказал выставить на всех крепостных башнях дозоры, выкатить на крепостные стены все пушки. И как раз во время, потому что подошли уже несметные вражьи полчища к его владениям. Подошли и повернули назад, увидев воинов, готовых к бою.

А Шивару царь дал в награду восемь верблюжьих нос золота и с миром отпустил домой.

От такого несметного богатства Шивар совсем потерял голову.

«Восемь мешков золота, — подумал Шивар, — больше четырёх мешков. Пускай все они останутся у меня. А чтобы змея не требовала своей доли, убью-ка я её. Ведь всякий другой на моём месте поступил бы так же».

И, нагрузив на верблюдов царский подарок, он направился прямо к большому камню.

Едва только выползла змея ему навстречу, схватил Шивар обеими руками большой камень и что было силы обрушил на змею. Камень-то тяжёлый, а толку никающего!

Лишь кончик хвоста зашиб Шивар змее, а змея увернулась и мигом уползла прочь.

Досада взяла Шивара, что промахнулся он, да пока доехал до дому, обо всём забыл.

И зажил он с тех пор богаче прежнего. Денег не считает, а деньги не убывают!

Так прошло ещё три года.

И вот в третий раз увидел царь удивительный сон.

Приснилось ему, будто сыплется с неба пшеница — дождём сыплется, людей с головой засыпает, дома с крышами покрывает.

Проснулся царь и, недолго думая, послал за Шиваром.

Так и обмер Шивар, когда пришли за ним царские гонцы.

— Прощай, жена, — говорит. — Пришёл мне конец. На этот раз не вернуться мне домой живым.

А потом подумал-подумал и решил про себя: «Пойду я всё-таки к змее. Если уж пропадать мне, пусть лучше змея меня убьёт, чем царь. Перед ней-то я и вправду виноват».

И опять пошёл Шивар к большому камню.

И опять навстречу ему выползла из-под камня змея.

— Здравствуй, Шивар, неразумный мой брат, — сказала змея. — Вижу я, что не зря прозвали тебя Шиваром, ведь и правда, совсем ты бесполковый. Как же это не пришло тебе в голову, когда ты в меня камнем запустил, что царю опять может присниться сон? Хорошо ещё, что я увернулась от твоего тяжёлого подарка. Ну, что бы ты стал теперь без меня делать?

— Ах, мудрая моя сестра, — ответил Шивар, — я сам вижу, что провинился перед тобой, потому и пришёл к тебе. Делай со мной, что пожелаешь. Хочешь — помоги, хочешь — накажи.

— Нет, Шивар, я не буду наказывать тебя, — сказала змея. — Я помогу тебе и на этот раз избавиться от беды. Иди к царю, Шивар, и скажи ему, чтобы он ничего

не боялся. Пшеница, которая сыпется с неба на землю, предвещает изобилие и богатство всему его народу, а ему самому — счастливое царствование до конца дней. Царь щедро наградит тебя, Шивар. Не забудь же принести мне половину даров, которые получишь от царя.

— Твоё желание у меня в памяти, будто написано перед глазами, — сказал Шивар. — Да падут все несчастья на мою голову, если я нарушу своё слово.

И, поклонившись змее, пошёл к царю.

Обрадовался царь, услышав слова Шивара.

Сейчас же велел он своим слугам выкатить на все городские площади бочки с шербетом, сам пил, Шивара угостил, а потом дал ему из своей казны трижды восемь верблужьих нош золота и с почётом отпустил домой.

Едет Шивар по дороге, напевает весёлую песню, а сам думает: «Отдам-ка я всё это золото змее. Мне ведь хватит и того, что у меня есть. Зато и похвалит же меня змея, не будет на меня больше сердиться».

У большого камня остановил он караван и, разгрузив своих верблюдов, кликнул змею.

И когда выползла змея, сказал ей Шивар, показывая на мешки с золотом:

— Вот, сестра, получай свою долю. Всё это золото — по праву твоё.

— Братец, — сказала ему змея, — мне не нужно твоё золото. На что мне богатство? Я ведь хотела только испытать тебя — что ты за человек? Помнишь, когда в первый раз ты получил от царя богатые подарки, ты обманул меня, свернул с прямого пути. Тот год был лисий год, время обмана и лжи. Поэтому и ты, слабый человек, обманул меня. Ты поступил так же, как поступили другие, пожалуй даже хуже других, потому что ты думал, что чужая ложь может прикрыть твою. Второй раз, когда мы повстречались с тобой, был год крови, потому и ты швырнул в меня камнем, пролил мою кровь. Ты поступил так же, как все твои сородичи —

люди, пожалуй даже хуже других, потому что ты думал, что кровь, пролитая другими, скроет кровь, пролитую тобой. Нынче же настал год изобилия, и люди исполнились доброты и щедрости. Поэтому и ты расщедрился. Ты поступил так же, как все, — правда, не хуже, но и не лучше других. Не гордись же своей добротой и хорошенъко запомни мои слова: кто ходит да на всех оглядывается, сам своей дороги не зная, непременно с пути собьется.

И, сказав так, змея исчезла.

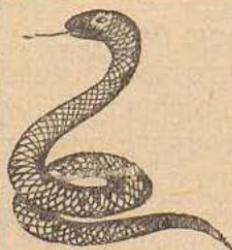
А Шивар, как побитый, всё ещё стоял у камня. Стыдно ему было самого себя. Не в радость было ему золото.

Вернулся он домой и, на удивление жене, поделил между всеми соседями царский подарок.

С тех самых пор будто подменил кто Шивара.

Слова мудрой змеи глубоко запали ему в сердце. Ни разу, до конца дней своих, не забывал он о них, точно были эти слова написаны перед его глазами.

И всегда, когда другие поступали плохо, Шивар был лучше других, а когда все поступали хорошо, никогда не был хуже всех.

ОХОТНИК МАНУК

(Армянская сказка)

Жил когда-то на свете охотник Манук.

Однажды бродил он по лесу, выслеживая добычу, и увидел волка.

Вскинул Манук ружьё и хотел было уже выстrelить, как вдруг заговорил волк человеческим голосом:

— Охотник Манук, не убивай меня!

Очень удивился Манук, услышав эти слова, и опустил ружьё.

— Спасибо тебе, охотник Манук, — сказал волк. — За добро я заплачу тебе добром. Приходи завтра на это место и найдёшь богатый подарок.

Сказал — и скрылся в лесной чаще.

А Манук так и вернулся домой с пустыми руками.

Дома встретила его старуха-мать.

— Манук-джан, — спрашивал мать, — с какой добычей пришёл ты сегодня?

— Сегодня, матушка, я ничего не принёс, — говорит Манук. — Правда, в лесу видел я волка, да пожалел его, не стал убивать.

— Манук-джан, — говорит старуха, — мы и так-то ни сыты, ни голодны. Как жить, если ты всякого зверя будешь жалеть?

— Не сердись на меня, матушка, — говорит сын. — Кто сам никого не жалеет, того и другие жалеть не будут. А волк, к тому же, обещал за себя богатый выкуп.

На другой день пошёл Манук на то самое место, где встретился ему волк. Смотрит — лежит там старая чалма, да потрёпанная сумка, да пастушья свирель.

— Ну, это даже при моей бедности не большое богатство, — подумал Манук. — Да что тут скажешь? На то и подарок: нравится не нравится, а бери. К тому же в хозяйстве ничего не пропадёт. Чалму надену в жаркий день, чтобы солнце голову не пекло. Сумка в пути всегда пригодится — в ней и хлеб, и сыр, и кувшин с вином поместятся. А найдусь к кому-нибудь чабаном, буду на свирели играть, вот стадо и пойдёт за мной, куда захочу.

Взял он всё своё богатство и довольный пошёл домой. А чтобы итти было не так скучно, по дороге собирая он битые стёклышки и бросал их в сумку.

— Порадую матушку, — думает. — Сделаю ей новую солонку. Наша-то совсем никуда не годится.

Подходит Манук к дому, а мать уже навстречу к нему бежит.

— Манук-джан, какой подарок получил ты? — кричит издали.

— Подарков много, матушка, — отвечает Манук. — Вот получай. — И Манук вытащил из-за пазухи чалму, сумку и свирель. — А от меня ещё пригоршня битых стёклышек в добавок — сделаю тебе из них новую солонку.

Очень огорчилась мать, увидев, что за подарки принёс сын.

Да что тут скажешь? На то и подарок: хочешь не хочешь, а бери.

Вот вошли они в дом, и принялась старуха вытря-

хивать из сумки стёклышки. А оттуда — что за диво! — не простые стёклышки, а самоцветные камни посыпались.

— Смотри, сынок, — воскликнула мать. — Ведь этим камням цены нет, а ты из них солонку делать хочешь.

Удивился Манук.

«Как же так? — думает. — Ведь сумка была совсем пустая, — это он хорошо помнит, — и стёкла по дороге он собирал совсем простые — за это он тоже поручиться может. — Откуда же в сумке такие сокровища взялись?»

— Знаешь, что, матушка, — сказал, наконец, Манук, — собери-ка на дворе побольше камешков, положим их в сумку и посмотрим, что будет.

Так они и сделали.

Набрала мать на дворе целый передник щебня, битых черепков и осколков, насыпала весь этот мусор в сумку, потом встряхнул Манук сумку раз, другой и высыпал всё, что в ней было, на пол.

Смотрит Манук, смотрит его мать, и глазам своим не верят. Вместо щебня и битых черепков на полу блестит, сверкает, искрится целая гора самоцветных камней.

— Не плохую сумку получил ты в подарок, — сказала мать. — Давай-ка посмотрим теперь, что за чалму ты принёс. Ну-ка надень её.

Надел Манук чалму на голову, словно растаял в воздухе.

— Манук-джан, сын мой, охотник Манук — где ты? Глаза мои не видят тебя! — воскликнула мать.

— Я здесь, матушка, как стоял, так и стою перед тобою. Неужели ты меня не видишь? — удивился Манук и снял чалму.

Снял — и снова появился перед глазами матери.

— Эта чалма, ещё лучше, чем сумка, — сказал Манук. — В ней от всякого врага уйдёшь, от недобрых глаз всегда спрячешься.

— Давай, сын мой, испробуем-ка и свирель, — сказала мать. — Может быть, и она не простая.

Взял Манук свирель, и только дунул в неё, сразу выросли из-под земли сорок арабов. Стали они в один ряд, крикнули в один голос:

— Охотник Манук, что нужно тебе? Приказывай! Разрушить или построить? Прогнать или поймать?

— Ни разрушить, ни построить, ни прогнать, ни поймать. Вернитесь, откуда пришли, — сказал Манук.

И тотчас все сорок арабов исчезли, словно их и не было.

— Ну, эта свирель, кажется, лучше всех подарков, — сказал Манук и запрятал её поглубже за пазуху.

На другой день говорит мать сыну:

— Манук-джан, пойду-ка я продам один камень и куплю нам хлеба и сыру. Давно мы не ели с тобой досыта.

Выбрала она камень побольше да поярче и пошла к ювелирных дел мастеру.

Посмотрел мастер на камень и говорит:

— Не могу, — говорит, — купить у тебя этот камень. Всех моих денег нехватит, чтобы заплатить за него. Иди к моему соседу, он побогаче меня.

Пошла старуха к другому мастеру. Показала ему свой камень.

Посмотрел на него мастер и говорит:

— Нет, не могу его купить. Нечем мне за него платить, даже если всю свою лавку продам.

Совсем расстроилась старуха.

— Да ты дай, что можешь, — говорит. — Лучше я забесценок отдам, чем, за ценой гоняясь, без гроша сидеть буду.

Наконец уговорила она мастера.

Взял он камень, а ей отдал все свои деньги, да ещё в долг остался.

Не заходя домой, пошла старуха на базар и на ра-

достях столько накупила хлеба, сыру и мяса, что едва в руках унесла.

С тех пор зажили мать и сын словно у себя в гостях. Построили новый дом, накупили разной утвари, — про нужду и заботу думать забыли.

Да не забыла их забота.

Услышал Манук, что у царя той страны есть единственная дочь, из всех красавиц — красавица. Много прекрасных юношей добивались её руки, но никто не угодил её отцу, никто не пришёлся по сердцу ей самой.

«А что, — подумал Манук, — не попытать ли и мне своё счастье? Чем я не пара царевне? А уж таких богатств, как у меня, ни у одного царя нет».

И как задумал, так и сделал. Нарядился чужеземным купцом и пошёл во дворец. Да не с пустыми руками пошёл, а с богатым подарком. Выбрал он из своих самоцветных камней три самых красивых камня, положил на серебряное блюдо, покрыл сверху узорной парчой и понёс.

Стражники провели его в царские покои.

Низко поклонился Манук царю и молча положил у его ног свои дары. Приподнял царь узорную ткань, да так и зажмурился. Точно три солнца, сверкали и сияли три самоцветных камня. Во всей царской казне не найти было таких камней. Да что про казну говорить! Во сне таких камней не увидишь.

Долго любовался ими царь, а потом позвал своего визиря и говорит:

— Скажи, визирь, что дать мне этому купцу, чтобы по-царски отблагодарить его за такой подарок?

— О, мой повелитель! — сказал визирь. — Ты ничем не сможешь расплатиться за этот подарок, ибо он не имеет цены. Но человек тоже не имеет цены. Поэтому совет мой таков: отдай этому чужестранцу в жёны твою doch.

— Хорошо, — согласился царь. — Пусть так и будет. Приходи, чужестранец, завтра, и ты увидишь мою

дочь. Многие юноши сватались к моей дочери, но ты один достоин быть её мужем.

Весёлый и счастливый вернулся Манук домой. А на утро опять выбрал он три камня, ещё красивее, ещё богаче, и пошёл во дворец.

На этот раз провели его прямо к царевне.

Увидел её Манук, и чуть не выпрыгнуло сердце у него из груди. Обо всём на свете забыл он — и откуда пришёл, и зачем пришёл, и куда пришёл. Стоит, любуется прекрасной царевной, глаз отвести не может.

Наконец, очнулся он и, низко поклонившись царевне, положил к её ногам свои дары.

Но она едва взглянула на чудесный подарок.

Обидно было царевне, что её выдают за какого-то купца, и задумала она отделаться от него.

— Послушай, — спросила царевна, — откуда ты достал эти камни? Уж не украл ли ты их где-нибудь?

Тут Манук вытащил из-за пазухи свою сумку и говорит:

— Вот из этой сумки я их достал, красавица, и ещё сколько хочешь достану, прикажи только принести мне побольше простых камней, черепков да осколков.

Приказала царевна. Принесли её рабыни битого стекла и щебня. Насыпал Манук весь этот мусор в сумку, встряхнул раз, встряхнул другой и высыпал у ног царевны целую гору сверкающих камней.

«Эта сумка должна быть моей», подумала царевна и решила она хитростью выманить у юноши чудесную сумку, а его самого — выгнать из дворца.

— О, мой жених, — сказала она ласково. — Ты так добр ко мне, так щедр, что я хочу сегодня же отпраздновать наше обручение.

С этими словами ударила она в ладоши, и сейчас же появились двадцать рабынь. В руках у каждой рабыни был кувшин с вином, каждая рабыня с поклоном поднесла вино Мануку.

Испробовал Манук вина из всех двадцати кувшинов и совсем опьянел. А хитрая царевна обняла его и говорит:

— Если ты любишь меня, Манук, дай мне на минуту твою сумку. Ведь мы с тобой жених и невеста, тебе нечего бояться меня.

Поверил Манук её словам и дал ей сумку. А царевне только того и надо было. Схватила она сумку покрепче, спрятала её подальше, а потом приказала своим рабыням:

— А ну-ка, выбросьте этого молодца отсюда вон!

Набросились рабыни на Манука и потащили через весь город — пинками подгоняли, пинками поднимали. И только когда выгнали далеко за городские ворота, оставили его в покое.

Всю ночь пролежал Манук, ничего не помня. Только на рассвете очнулся он, наконец, и побрёл домой.

Увидела мать сына и глазам своим не поверила, — одежда на нём вся изодрана, голова разбита, и сумки нет.

— Охотник Манук, — воскликнула она, — что с тобой? Какая беда с тобой случилась?

Рассказал ей Манук всё, что с ним было, а потом и говорит:

— Я пришёл, матушка, за чалмой. Может, удастся с помощью чалмы вернуть мою сумку.

— Манук-джан, — говорит ему мать, — послушай меня, старуху, не ходи больше во дворец. Ты и сумки не вернёшь, и без чалмы останешься.

— Нет, матушка, второй раз я не дам себя обмануть. А мужчине перед женщиной не годится отступать.

С этими словами взял Манук чалму и опять пошёл во дворец.

У ворот дворца надел он чалму и невидимкой прошёл в покой царевны.

А царевна только что уселась обедать.

Сел за стол и Манук.

Вот рабыни поставили перед царевной тарелку с супом. Да не успела царевна одну ложку съесть, а тарелка уже пустая — Манук все съел.

Очень удивилась царевна и велела принести другую тарелку.

Принесли рабыни вторую тарелку супу. Поставили перед царевной. И только успела она ложку ко рту поднести, а тарелка опять пустая — Манук опять все съел.

Тут догадалась царевна, что это проделки её жениха, и говорит:

— Я знаю, что ты здесь, юноша! Откройся мне. Глаза мои не видят тебя!

— И не нужно тебе видеть меня, — сказал Манук. — Я пришёл за сумкой. Где она? Отдай сейчас же!

— Как же я отдам тебе сумку, когда я не знаю, где ты, — сказала царевна.

— Хорошо, для этого я, пожалуй, покажусь тебе, — согласился Манук и снял чалму. — Ну, теперь отдавай сумку.

— Сейчас я велю принести её, — сказала царевна. — Но я вижу, что ты, как будто, сердишься на меня?

А Манук словно не слышит её.

— Отдавай мою сумку, — твердит.

— Ну, конечно же, отдам, — говорит царевна. — Я ведь взяла её, чтобы она была целее, чтобы кто-нибудь другой не отнял её у тебя. Но скажи мне, милый, как вошёл ты неслышно и незримо в мои покой?

— Очень просто, — сказал Манук. — Всякий, кто наденет эту чалму, станет невидимкой.

— Да резве это может быть! — воскликнула царевна. — Прошу тебя, дай мне хоть разок надеть эту чалму. — И она так ласково улыбнулась при этом, что Манук не смог отказать ей.

А царевна надела чалму, отбежала подальше от Манука и закричала рабыням.

— Эй, возьмите этого молодца, уведите и убейте его!

Набросились рабыни на юношу, схватили его, связали и опять поволокли через весь город. Не щадя своих рук и ног, били они его, пока он не перестал шевелиться. А потом бросили в глубокую яму на окраине города и ушли.

Только на другой день к вечеру очнулся Манук. С трудом распутал он верёвки на ногах и руках и побрёл домой.

Увидела его мать, всего избитого и израненного, и в страхе воскликнула:

— Охотник Манук, тебя ли видят мои глаза?

— Меня, матушка, — грустно сказал Манук. — Это царевна так расправилась со мной. Теперь я хоть и без чалмы, а всё равно никто меня не признаёт.

— А где же чалма, сынок?

— Чалма там же, где и сумка, матушка. Да ты не печалься. У меня ведь осталась ещё свирель. Дай-ка мне воды умыться, пойду я опять во дворец. Может, удастся мне вернуть чалму и сумку.

— Манук-джан, не ходи больше во дворец, — взмолилась мать. — Царевна и свирель твою отберёт и тебя насмерть забьёт.

— Нет, матушка, на этот раз я не дам себя обмануть.

Обмыл Манук свои раны, взял свирель и пошёл. Около дворца остановился он, вынул свирель и легонько дунул в неё. Один только раз дунул, и сразу выросли перед ним сорок арабов.

— Охотник Манук! — крикнули они в один голос. — Что прикажешь делать? Разрушить или построить? Прогнать или поймать?

— Приказываю разрушить этот дворец, — сказал Манук.

И только сказал, — двинулись арабы вперёд. Всё на своём пути крушат. Каменную ограду в пыль стёрли, кованые ворота с петель сорвали.

В дворце крик, суматоха. А царевна высунулась из окошка, машет Мануку рукой, кричит:

— Манук, что ты делаешь с нами? Манук, прикажи этим страшным арабам остановиться!

— Отдай сумку и чалму, тогда прикажу! — крикнул Манук.

— Да вот же они! — закричала царевна и подняла над головой сумку и чалму. — Ведь я только шутила с тобой. Я хотела испытать твою любовь. А ты опять сердишься.

Поверили ей Манук, дунул в свою свирель, и все сорок арабов вмиг исчезли.

Тут выбежала к нему навстречу царевна, обняла его и повела в свои покои.

— На, возьми скорее свою сумку и чалму, — сказала она, протягивая Мануку его сокровища. — Ну и напугал же ты меня! Твои арабы такие страшные... Я боюсь, как бы они опять не пришли! Где они спрятались?

— Теперь ты можешь не бояться их, — сказал Манук, весело посмеиваясь. — Они все вот здесь, в этой свирели.

— Как же это может быть? — удивилась царевна. — Ты просто смеёшься надо мной, Манук.

— Да нет, не смеюсь, сейчас ты сама увидишь, — сказал Манук и дунул в свою свирель. Один только раз дунул, и сейчас же из-под земли выросли сорок арабов.

— Охотник Манук! — закричали они разом, да так, что своды дворца задрожали. — Приказывай — разрушить или построить, прогнать или поймать?

Царевна так и обмерла от страха.

— Манук, пусть они скорее уйдут, — чуть не плача проговорила она.

— Хорошо, хорошо, не бойся, — успокоил её Манук. — А вы, — приказал он арабам, — идите на своё место.

Сказал — и точно не бывало страшных арабов.

— Манук, какая у тебя чудесная свирель, — воскликнула царевна. — Ты наверно знаешь какой-нибудь секрет, чтобы вызвать этих арабов?

— Секрет простой, — сказал Манук. — Дунешь раз — и все сорок арабов тут как тут.

— Ах Манук, позовь мне пожалуйста дунуть хоть один разок. Ну пожалуйста, позовь!

И так она его просила, так просила, что не мог Манук отказать ей.

Взяла царевна свирель, дунула один разок — и все сорок арабов появились из-под земли.

— Дочь царя! — крикнули они в один голос, да так, что стены дворца ходуном заходили. — Что хочешь от нас? Приказывай! Разрушить или построить? Прогнать или поймать?

— Ни разрушить, ни построить, ни прогнать, ни поймать, — сказала царевна. — А приказываю вам схватить этого бродягу, отобрать у него сумку и чалму, а самого его бросить на съедение лесным зверям.

Опомниться не успел Манук, а уже лежал он в глухом лесу.

Змея на своём брюхе в такую глушь не заползёт, птица на своих крыльях в такую чащу не залетит.

Два дня ходил Манук по лесу, а лесу конца-край нет. От голода и усталости совсем обессилен он.

И вдруг увидел Манук среди деревьев яблоню с необыкновенными яблоками — длинными как огурцы.

— Дай-ка попробую диких яблочек, — подумал Манук.

Сорвал одно яблоко, но даже раскусить его хорошенько не успел, как подкинула его какая-то сила и

перевернула вверх ногами. Три дня и три ночи простоял Манук на голове, а потом приловчился и кое-как стал передвигаться на руках.

Так шёл он и шёл — вверх ногами, вниз головой — и вдруг увидел на земле большое круглое яблоко. Совсем изголодался Манук за три дня. Хочет он съесть яблоко, а не решается — ведь кто знает, что это за яблоко? Может, от него глаза на лоб вылезут или на макушке уши вырастут?

Только голод сильнее страха. Не выдержал Манук и откусил маленький кусочек. Такой маленький, что не разберёшь даже — кислое яблоко или сладкое, а сила в нём такая большая, что сразу перевернулся Манук и стал с головы на ноги.

«Ага, — подумал Манук, — надо мне запастись и теми и другими яблоками. Если выберусь из лесу, они мне пригодятся».

Набил он один карман длинными яблоками, другой — круглыми и пошёл искать дорогу.

Вдруг видит — прямо на него бежит волк. А у Манука ни ружья, ни ножа. Поднял он с земли дубинку, приготовился к встрече.

А волк остановился невдалеке и говорит Мануку человеческим голосом:

— Не бойся меня, Манук. Я ведь помню, что ты сохранил мне жизнь. Пока ноги носят меня, а глаза видят, — я у тебя в долг. Мои подарки принесли тебе мало счастья. Ну, может, на этот раз я услужу тебе, вынесу тебя из тёмного леса.

— Спасибо тебе, серый волк, — сказал Манук. — Да буду я твоей жертвой, если и я когда-нибудь забуду твою доброту.

Тут вскочил Манук волку на спину, и понёс его волк через тёмный лес, через высокие горы, через быстрые реки, — прямо к стенам его родного города.

— Ну, слезай теперь, — сказал волк. — Да смотри, на этот раз не ошибись.

Распрощался Манук с волком, и, как был, в лохмотьях и в грязи пошёл прямо во дворец.

У дворцовой ограды, под самыми окнами царевны, разложил он свои яблоки и, сколько хватило голоса, принял выкрикивать:

— Продаю яблоки! Румяные, как щёки красавиц! Свежие, как утренняя заря! Сладкие, как сахар! Длинные, как огурцы!

Услышала царевна, как зазывает торговец покупателей, и захотелось ей румяных, сладких, длинных яблок.

Позвала она своих рабынь и велела им купить сразу десять штук. Да не успела она даже одного яблока съесть, и — раз! — перевернулась вниз головой, вверх ногами.

Рабыни и так и сяк стараются её вверх головой поставить, — и за ноги тянут, и за плечи поднимают. Только ничего сделать не могут.

— Милые мои, — плачет царевна, — это ведь он так подстроил, это его проделки — моего жениха. Пойдите к нему, приведите сюда. Всё сделаю, пусть только снимет с меня колдовство.

Побежали рабыни к Мануку.

— Добрый юноша, — просят его, — помоги нашей госпоже, выручи из беды. Как откусила она кусочек от твоего яблока, так и перевернулась вверх ногами. Неприлично это для воспитанной девушки. А к тому же она царская дочь.

— Да ведь она у вас всегда на голове ходит, — говорит Манук. — Для неё это привычное дело. А прийти — я до тех пор не приду, пока не отдаст она мне сумку, чалму и свирель. Так и скажите вашей госпоже.

Побежали рабыни во дворец.

— Госпожа, — говорят царевне, — он сказал, что пока не вернешь ты ему сумку, чалму и свирель, он не придёт к тебе.

— Ох, милые, да обрушится кровля на мою голову, — нет, на ноги! Отдайте ему скорее сумку, чалму и свирель. Только пусть придет и избавит меня от беды.

Взяли рабыни сумку, чалму и свирель и опять побежали к Мануку. Положил Манук свирель за пазуху, перекинул сумку через плечо, надел чалму — и словно не бывало его.

— Скажите вашей госпоже, — кричит откуда-то издали, — что я к ней завтра приду.

А сам пошёл домой.

У дверей дома снял Манук чалму и постучался.

— Открывай, матушка, — говорит, — встречай сына.

А матушка уже все глаза выплакала, ожидая сына. И как увидела его, опять залилась слезами, только теперь не от горя, а от радости.

— Ну, матушка, — сказал Манук, — довольно слёзы лить. Вот тебе сумка, чалма и свирель, да впридачу я сам, живой и здоровый. Ищи мне теперь невесту, — только не царского рода. А пока что — дай мне поесть, попить и спать уложи.

Поел Манук, попил, выспался хорошенько и на утро пошёл во дворец.

Привели его к царевне. А она стоит на голове среди комнаты и как волчок вертится.

Рассмеялся Манук.

— Что, красавица, — спрашивает, — может быть, позвать арабов, чтобы перевернули они тебя с головы на ноги?

Плачет царевна горькими слезами.

— Да буду я твоей жертвой, избавь меня от этой напасти! Что хочешь, проси. Всё сделаю.

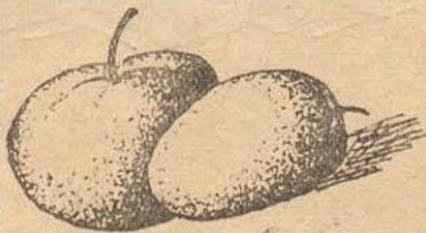
— Ну, вижу я, что ты хорошо наказана, — говорит Манук, — а больше мне ничего и не надо. Вот получай яблоко, оно тебя вылечит. Только смотри, никогда больше не ходи на голове. Второй раз тебе уж ничего не поможет.

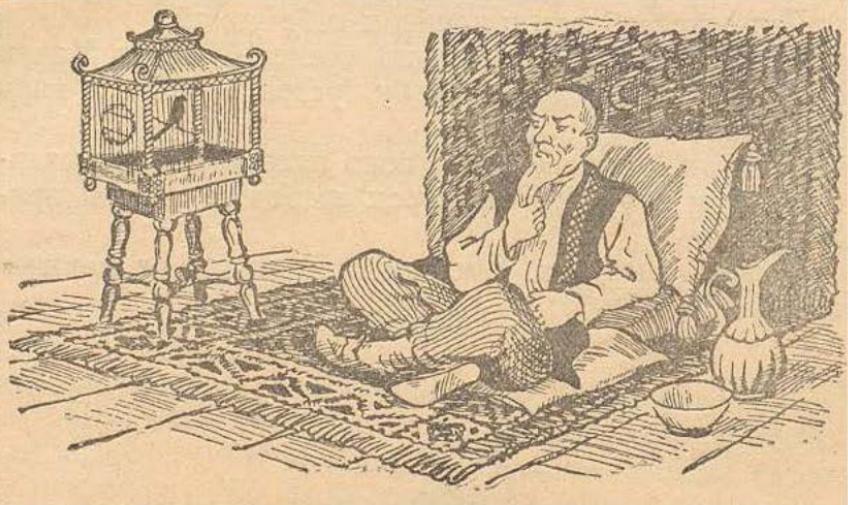
Дал он ей яблоко и пошёл к себе домой.

Много ли, мало ли минуло времени, нашёл Манук себе невесту и такую свадьбу устроил, что сам царь позавидовать ему мог.

Семь дней и семь ночей вино лилось, сто музыкантов на том пиру играли, сорок арабов за столом прислуживали.

Весёлый был пир. Пусть и вас никогда не покинет веселье.

С О Л О В Е Й

(Татарская сказка)

Жил когда-то купец. Богато жил. Много было у него всякого добра. Ковры в доме у купца — персидские, посуда у него на столе — китайская, халаты на самом купце — из Турции, слуги у купца — из Индии.

Куда ни поедет купец, отовсюду привезёт себе что-нибудь на память.

И жил в доме у этого купца соловей. В клетке жил. В большой, красивой клетке. Стены клетки из серебряных прутьев сплетены, крыша хрустальными плитками выложена, пол золотым песком усыпан.

Ничего не жалел купец для своего соловья.

Каждый день — на заре, в полдень, и на закате — слуга приносил соловью студёной воды в перламутровой раковине и отборного зерна на янтарном подносе. И жил себе соловей без горя и забот, припеваючи. А уж петь он был из всех мастеров мастер.

«Да ведь ему живётся у меня лучше, чем на воле», — думал купец, слушая, как весело поёт соловей.

Вот однажды собрался купец по своим торговым делам в чужеземную, заморскую страну.

Узнал об этом соловей и просит купца:

— Послушай, хозяин, ты всегда был добрым со мной, никогда ни в чём не отказывал. Исполни же и на этот раз мою просьбу. Ты ведь едешь ко мне на родину. Там, в гранатовом саду, живёт моя родня, все мои братья и сёстры. Пойди к ним, купец, и скажи, что я шлю им многое множество поклонов. Да ещё скажи, что я жив-здоров и ни на что не жалуюсь.

— Хорошо, — сказал купец, — непременно сделаю, как ты просишь.

И отправился в путь.

Вот приехал он в ту заморскую страну, распродал свои товары, накупил разных диковин и, когда кончил все свои торговые дела, отправился разыскивать сад, о котором говорил ему соловей.

Ходил, ходил, и пришёл, наконец, в сад редкостной красоты.

Цветов там — видимо-невидимо. Гранатовые деревья точно красной краской выкрашены, столько на них плодов. Воздух кругом сладкий, душистый и словно дрожит весь от соловьиного пения.

Присмотрелся купец и видит: на каждой веточке сидит соловей и звонким голосом выводит свою песню. А уж один так заливается, такой трелью рассыпается, что хочешь не хочешь, а заслушаешься.

«Ну, этот, наверное, сродни моему певцу», — подумал купец и, подойдя к дереву, крикнул:

— Послушай, соловей! У меня дома в серебряной клетке живёт твой брат. Он велел передать тебе и всем своим братьям и сёстрам многое множество поклонов, да ещё велел сказать, что сам он жив-здоров, ест сытно, пьёт сладко и ни о чём не тужит.

Услышал соловей эти слова и, точно подбитый, упал на землю.

Не знает купец, что и делать. Нагнулся к соловью, а он уже не дышит. Крыльшки раскинул, клюв разинул, лежит — не шевелится. Мёртвый лежит.

«Эх, зря я ему о брате напомнил, — подумал купец. — Видно, очень уж он горевал да скучал по нём... Ну, да теперь беде не поможешь».

Поднял купец мёртвого соловья и бросил его по дальше в траву.

А соловей, чуть только ударился о землю, так сразу и ожил. Вспорхнул на дерево, защёлкал, засвистал и, с веточки на веточку, с дерева на дерево, полетел в глубь сада.

— Куда же ты? Постой! — закричал купец. — Скажи мне, что передать твоему брату? Ведь он ждёт не дождётся от тебя весточки!

Но соловей ничего ему не ответил и, весело распевая, скрылся в густой зелени.

Печальный приехал купец домой.

— Что, хозяин, передал ли ты мой привет? Привёз ли мне весточку от моей родни? — спросил его соловей.

— Твой привет я передал, — сказал купец, — а вот тебе привета не привёз. Видно, твоя родня совсем знать тебя не хочет. Твой брат даже слушать меня не стал. Чуть заговорил я о тебе, он сразу прикинулся мёртвым. И ловко так — крылья раскинул, клюв разинул — нипочём не догадаться, что живой. Ну, я и бросил его по дальше в траву. А он вдруг ожил, да и полетел от меня прочь... Тебе даже спасибо за привет не сказал.

Услышал это соловей и загрустил. Целый день не ел, не пил, голоса не подавал.

А на утро, когда слуга принёс соловью студёной воды в перламутровой раковине и отборного зерна на янтарном подносе, соловей мёртвым лежал в клетке.

Чуть не заплакал купец с горя.

Уж чего только сн не делал, чтобы оживить соловья! Сам ему воду в клюв вливал, и на солнышке грел, и на траву выносил, — очень уж он любил своего певца!

Да только как ни старался купец, а ничего не помогло.
Умер соловей.

Тогда позвал купец слугу и велел ему унести мёртвую птицу подальше от дома. Слуга так и сделал. Отнес соловья за ограду, куда сваливают всякий мусор, и там бросил.

А соловей, чуть только ударился о землю, сразу встрепенулся, ожил и, весело распевая, полетел к себе на родину.

— Спасибо тебе за добрый совет! — крикнул он на прощанье купцу.

Ведь это купец, сам того не понимая, рассказал соловью, как вырваться из неволи. А чего не понял купец, о том догадался соловей.

ТРИ ДОЧЕРИ

(Татарская сказка)

Жила-была женщина. День и ночь она работала, чтобы накормить и одеть трёх своих дочерей. И выросли три дочери быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну. Одна за одной вышли замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжко заболела старуха-мать, и посыпает она к своим дочерям рыжую белочку.

— Скажи им, дружок, чтоб ко мне поспешили.

— Ой,— вздохнула старшая, услыхав от белочки печальную весть,— ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

— Почистить два таза?! — рассердилась белочка.— Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дома большой черепахой.

Постучалась белочка ко второй дочери.

— Ой,— ответила та,— я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста наткать.

— Ну и тки теперь всю жизнь, никогда не останавливайся, — сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паучиху.

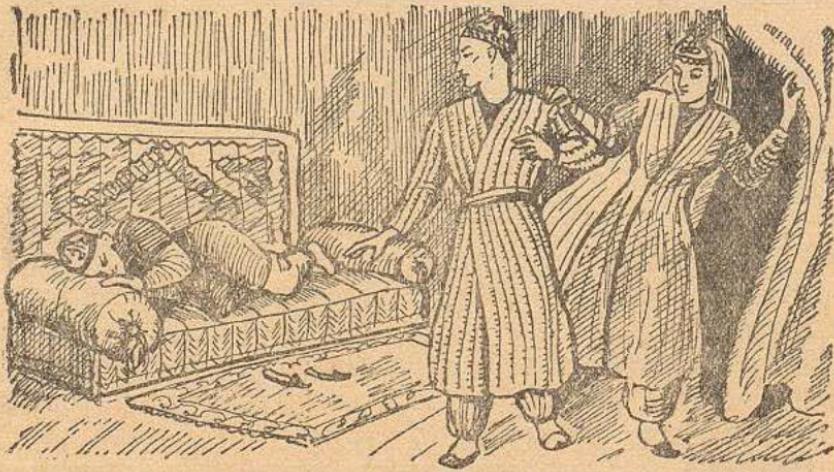
А младшая месила тесто, когда белочка постучалась к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтерла рук, побежала к своей матери.

— Приноси же ты всегда людям сладость и радость, моё дорогое дитя, — сказала ей белочка, — и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуоков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все её любили. А когда пришла ей пора умереть, она превратилась в золотую пчёлку.

Всё лето день-деньской собирает пчёлка мёд людям, и передние лапки всегда в сладком тесте. Зато зимою, когда всё вокруг гибнет от холода, пчёлка спит в тёплом улье, а проснётся — ест только мёд и сахар.

ДЖИГЕРДЖИ-ПЕЧЁНКА

(Татарская сказка)

Жил когда-то на свете богатый старик. И был он такой скупой, так дрожал над каждой копейкой, что никогда даже мяса на обед не покупал, а одну только печёнку, потому что стоила она на целый пятачок дешевле. За то и прозвали старика Джигерджи, а это значит — печёнка.

На базар он всегда сам ходил, жене денег никогда не доверял. Что он купит, то жена на обед и готовит. Что жена на обед готовит, то старик на три обеда разделит.

Беднее бедного жили. Во всём себе отказывали.

А уж о том, чтобы гостей позвать и угостить их, об этом и говорить нечего. Джигерджи скорее бы удавился, чем кому-нибудь дал крошку со своего стола. Правда, и охотников до его угощения не находилось. Соседи от него, точно от злого шайтана, шарахались. Да что соседи! Соседские собаки, и те обходили его дом стороной. А Джигерджи и рад тому.

Одна только забота у него на сердце. Ведь как ни ловчись, как ни вертись, хочешь не хочешь, а всё равно

деньги из сундука вынимать приходится. Взять, например, печёнку, — она, правда, дешевле мяса, а всё равно денег стоит, хоть раз в неделю покупай её, хоть раз в месяц.

И вот додумался Джигерджи, что если покупать печёнку не на базаре, а прямо на скотобойне, можно каждый раз выгадывать, по крайней мере, целую копейку.

Скотобойня была далеко за городом, но чтобы не переплачивать лишней копейки, отправился Джигерджи в путь за дешёвой печёнкой.

Идёт он по пыльной дороге час, идёт два часа, идёт три часа. Пот с него ручьём льёт. Ноги подкашиваются. Совсем из сил выбился, бедняга. Нет-нет и остановится, чтобы дух перевести. А как подумает, что ещё одна сбережённая копейка останется лежать в сундуке, сразу у него на душе делается веселее и ноги быстрее идут.

Наконец, пришёл он на скотобойню.

Выбрал печёнку, стал прицениваться. Да вот беда — только полкопейки уступает мясник. И сколько ни торговался с ним Джигерджи, ничего не выторговал. Твёрдо стоял мясник на своём.

Ну, а Джигерджи не привык деньгами сорить. Не для того он сапоги по дороге стоптал, чтобы свои полкопейки мяснику оставить. Стал он расспрашивать народ, не знает ли кто, где можно купить печёнку ещё хоть на полкопейки дешевле.

Посмеялись над скрягой люди и посоветовали ему пойти в дальнюю деревню.

— Там, — говорят, — пожалуй, уступят тебе.

Опять пустился в путь Джигерджи.

Шёл он, шёл, и только когда тень его стала вдвое больше, чем он сам, добрался до деревни.

На этот раз повезло Джигерджи, и выгадал он на одной печёнке целую копейку.

Уложил Джигерджи свою покупку в сумку, спрятал сбережённую копейку в шапку и поплёлся домой.

А к тому времени совсем темно стало.

Того и гляди, подстережёт в пути недобрый человек, отнимет печёнку, заберёт копейку, да ещё и прибьёт.

Вот и пришлось Джигерджи заночевать в первой попавшейся кофейне.

Платить за ночлег ему очень не хотелось, — не отдавать же копейку, сбережённую с таким трудом! — и стал Джигерджи просить, чтобы хозяин кофейни пустил его переночевать в сарай.

Хозяин оказался человеком добрым. Он и слышать не хотел о деньгах.

— Да простится тебе, что ты так плохо обо мне подумал, — сказал он. — Разве место гостю в сарае? Достоин презрения тот, кто не даст приюта запоздалому путнику. — И, низко поклонившись Джигерджи, хозяин широко открыл перед ним дверь своего дома.

Удивился Джигерджи такому гостеприимству. Но ещё больше удивился он, когда вошёл в дом. Точно ханский дворец была убрана простая придорожная кофейня. Все стены сверху донизу затянуты пёстрыми шелками, пол устлан пушистыми коврами, с потолка свешивалась янтарная лампа, на полках красовалась узорная, расписная посуда.

Но самым лучшим украшением дома была молодая хозяйка. Так хороша была она, что разве только луна на четырнадцатый день после своего рождения могла бы поспорить с ней в красоте.

Смотрит Джигерджи вокруг и глазам своим не верит.

«Что за чудеса? — думает. — Откуда это у простого человека такое богатство? Может, хозяин вор и грабитель? Верно для того и пустил меня ночевать, чтобы ночью, когда я засну, ограбить и зарезать».

И решил Джигерджи перехитрить хозяев — не спать всю ночь.

Положил он возле себя сумку с печёнкой, шапку со сбережённой копейкой, лежит, прислушивается, ждёт, что будет.

И вот, ровно в полночь, в доме послышался шорох и чьи-то шаги. Крадучись по ковру, мимо Джигерджи прокользнул хозяин кофейни, а следом за ним его красавица-жена.

Дрожа от страха, Джигерджи вскочил со своей постели, схватил в охапку сумку с печёнкой, нахлобучил шапку и выбежал в сад. Там спрятался он за деревом и, когда глаза его привыкли к темноте, увидел он такое, что сам себе не поверил.

В углу возле ограды возвышался могильный холм. По обеим сторонам могилы стояли хозяева кофейни и что было сил колотили по ней палками. Колотили и приговаривали:

- Вот тебе!
- На тебе!
- Получай!
- Получай!
- Сгинь!
- Исчезни!
- Пропади!
- Из земли не выходи!

Так барабанили они по могиле, пока палки их не отсчитали сотню ударов. Тогда, счастливые и довольные, вернулись они в дом и спокойно улеглись спать.

Следом за ними пробрался в дом и Джигерджи. Но не лежалось ему на месте. Всю ночь ворочался он с боку на бок, точно это по его спине сто раз прошли палки.

Утром, чуть только хозяин встал, обратился к нему Джигерджи с такими словами:

— Прости мне, добрый человек, моё любопытство, но не можешь ли ты сказать, что это за могила у вас в саду?

— Да будет милостив к тебе аллах, но не пойму я, о чём ты говоришь, — как ни в чём не бывало ответил хозяин. — Может, ты дурной сон видел?

— Э, нет, — сказал Джигерджи. — Не во сне я видел, как вы с женой колотили палками по могиле. Вон и палки стоят, которыми вы покойника поминали.

Понял хозяин кофейни, что не отвязаться ему от назойливого старика, и, усадив его на бархатные подушки, начал свой рассказ.

— Слушай меня, о, благочестивый старец, — сказал он, — и внимай моим словам. Не укрылось от моих глаз, что удивительным и странным показалось тебе богатство моего дома. Ты угадал, не мною оно нажито. Но сама судьба сделала меня, бедного человека, хозяином всех этих сокровищ. Ещё год не сменился новым годом с тех пор, как жил я в этом доме простым слугой. А хозяином дома и сада, всех кладовых, погребов и сараев был один богатый старик. Но не столько своим несметным богатством прославился он, сколько своей великой скрупульностью. Ты верно, не поверишь, что бывают на свете такие скряги. Да и кто поверит! Ведь смешно сказать: так дрожал он над каждой копейкой, что никогда даже мяса не покупал, а ел одну только печёнку, потому что стоила она на пятаков дешевле. В жизни своей не поделился он ни с кем крошкой хлеба, не подал нищему медного гроша. Да что там нищему! Свою красавицу-жену чуть не заморил он голодом. О себе я уж не говорю. Врагу своему не пожелаю жить у такого хозяина.

«И вот, когда наступил, наконец, его смертный час и должен был скряга покинуть этот мир, обуяла его такая жадность, так жалко ему стало расставаться со своим богатством, что велел он похоронить себя возле самого дома, чтобы даже после смерти не расставаться с тем добром, которое он нажил при жизни. Воля его была исполнена. Ты видел, о, почтенный старец, его могилу. Но судьба воздала по заслугам старому скряге. Недолго плакала о нём его молодая жена. Когда истекли сроки, положенные для вдовьих слёз и печали, выбрала она себе другого мужа. Ты, верно, догадываешься, что это

был я. И жить бы нам, не зная горя и забот, да проклятый старик даже после смерти не давал нам покоя.

«Чуть только наступит ночь, старый скряга вылезет из гроба, усядется на могильный холм и давай жесть печёнку, жуёт, а мёртвыми глазами из стороны в сторону так и водит, так и водит,—свои владения оглядывает. И уж как увидит, что мы едим, или пьём, или вещи его трогаем,— начнёт зубами скрипеть, охать, стонать... Какие только мольбы ни возносили мы аллаху, какие только обеты ни давали,— всё напрасно. Чуть пробьёт полночь, старый скряга уже тут как тут.

«И вот однажды вошёл к нам в кофейню какой-то странник. Поведали мы ему о нашей беде и стали просить, не научит ли он нас, как избавиться от проклятого старика. А странник и говорит: «Ваш старик не кто иной, как шайтан. Потому он и силу такую имеет — выходить из могилы. Если хотите,— говорит,— избавиться от него, делайте вот что: как пробьёт полночь, берите-ка палки покрепче и колотите по его могиле, да так, чтобы не мог он не то что подняться, а даже шевельнуться. Бейте, а сами приговаривайте: «Сгинь — пропади! Сгинь — пропади!» Так угощайте его сто ночей подряд, каждую ночь сотней хороших ударов, и тогда избавитесь от шайтана».

«И вот с тех пор, — продолжал хозяин, — мы с женой каждую ночь совершаляем у могилы этот обряд. Сегодня мы совершили его в последний раз. Теперь старый шайтан никогда уже не выйдет из могилы, и тело его сгниёт под землёй, как сгнила ещё на земле его душа».

Ни жив, ни мёртв слушал Джигерджи рассказ хозяина кофейни. И когда тот замолчал, наскоро собрал Джигерджи свои пожитки и поторопился покинуть гостеприимный кров.

Чуть не бегом бежал он по дороге и, пока не скрылась кофейня из виду, всё оборачивался, словно боялся, что хозяин кофейни примет его за жадного, скупого шайтана, догонит и палками вобьёт в землю.

Проходя мимо скотобойни, Джигерджи подозвал первую попавшуюся собаку и бросил ей печёнку, на которой с таким трудом сберёг копейку. А у ворот города отдал нищему ту самую копейку, ради которой прошёл чуть не сотню вёрст.

Потом, не заходя домой, отправился он на базар.

Ходит Джигерджи из лавки в лавку, от лотка к лотку, и что ни увидит, то и купит.

Рис увидит — мешок рису купит, халву увидит — ведро халвы купит, баарину увидит — целого баарана купит.

А денег при себе у него нет — всё в долг забирает.

Жмутся торговцы. Страшно ведь такому скряге поверить. Денег-то у него полный сундук, это всякий знает, да ведь всякий знает, что не любит Джигерджи свой сундук открывать.

Только — что уж тут поделать! — если в долг не поверишь, так и товара не продашь.

А Джигерджи столько всего накупил, что сам даже донести не мог. Нанял он носильщика и послал его со всеми покупками вперёд. А сам опять отправился по лавкам.

Пришёл носильщик к жене Джигерджи, постучался, а она его даже на порог не пускает.

— Ты, — говорит, — наверно, ошибся домом. Не может быть, чтобы тебя послал мой муж.

И сколько ни спорил с ней носильщик, сколько ни клялся, сколько ни призывал в свидетели аллаха, она и слушать ничего не хотела. Да и не мудрено! Ведь бедная женщина никогда в своём доме не видела даже горсточки риса, даже баарьей косточки.

Пришлось носильщику сложить всю поклажу у ворот и ждать, пока придёт хозяин.

А тем временем Джигерджи велел другому носильщику нести домой целую корзину с хлебом, а третьему — прикатить полную бочку вина.

Удивляется народ на базаре.

— Что это с Джигерджи сделалось! Уж не рехнулся ли он?

— Эй, Джигерджи, — кричат ему, — смотри не объешься!

— Уж не собираешься ли ты пир устраивать?

— Смотри, не забудь и нас пригласить!

— Печёнки побольше припаси!

В другой раз Джигерджи с палкой набросился бы на всякого, кто посмел бы так говорить, а тут точно и не слышит, что над ним смеются.

— Да, почтенные мои друзья, — говорит Джигерджи, — я и вправду хочу устроить пир, хочу разом отпраздновать все пропущенные праздники. А вас всех я прошу пожаловать ко мне в гости. Ведь и праздник не в праздник, когда в доме нет гостей.

Ещё больше удивляются люди, слушая такие речи. Смотрят друг на друга, плечами пожимают, не знают — верить или не верить.

А Джигерджи снова пошёл по базару и, наконец, когда увидел, что покупать больше нечего, отправился домой.

Дома встретила его перепуганная жена.

— О, мой благочестивый муж, — робко сказала она, — да не падёт твой гнев на мою голову, но эти носильщики говорят, будто всё это добро купил ты. Верно, они ошиблись или же просто хотели меня обмануть, чтобы выманить у меня деньги. Сотая часть этих припасов была бы слишком велика для нашего скромного дома.

— Нет, благочестивая моя жена, — сказал старик, — они не ошиблись и не обманули тебя. Всё это купил я. И всему этому хозяину теперь ты.

С этими словами вошёл он в дом, раскрыл заветный сундук и отсыпал каждому носильщику по целой пригоршне золота за товары, да по пригоршне золота за услуги.

— А теперь, жена, — сказал Джигерджи, — готовь скорее плов, да пожирнее, да побольше. Наливай в кувшины вино, ставь тесто, зови соседей. Для всех добрых людей будут теперь открыты двери нашей хижины, потому что не хочу я — ни на том, ни на этом свете — превращаться в шайтана.

МОРОЗ И МОРОЗЕЦ

(Литовская сказка)

Жил-был на свете старый седой Мороз. И был у него молодой сын.

Ну и любил же он похвастаться, этот молодой Морозец!

Только, бывало, и твердит: «Отец уже стар, плохо своё дело делает. А вот я — молодой да сильный. Я как возьмусь, так сразу всё заморожу».

Вот раз видит Морозец — едет в город толстый пан в меховой шубе.

«Ну, — думает Морозец, — покажу я на этом пане всю свою силу. Старику-то моему его ни за что не пронять, а я разом проберу».

И верно, всю дорогу бежал он за паном, насквозь его пробрал, с головы до ног. Да и на обратном пути от него не отставал, до самого дома проводил.

Как приехал пан домой, так богу душу и отдал.

Расхвастался Морозец перед отцом.

— Где тебе, старому, такого толстого пана, да ещё в такой толстой шубе, заморозить! А вот я, так сразу донял!

— Молодец! — говорит старый Мороз. — Шуточное ли дело — этакого пана, да ещё в шубе, одолел! А ну-

ка, заморозь теперь вон того мужика. Видишь? В лесу дрова рубит.

Посмотрел на мужика Морозец, и смешно ему стало: шубёнка на мужике дырявая, сам он тощий — одна кожа да кости.

Засмеялся Морозец и говорит:

— Ну, это разве работа? Мне на него только раздохнуть, он и готов.

Налетел Морозец на мужика, да как начал его пробирать — то с одного бока, то с другого, то в лицо дохнёт, то за шиворот заберётся, изо всех сил старается.

А мужику хоть бы что, только сильней топором машет да пот со лба вытирает.

— Ух, — говорит, — жарко.

Устал, наконец, Морозец.

«Ладно, — думает, — я тебя всё равно перехитрю. Ещё узнаешь меня!»

И забрался мужику в рукавицы: мужик-то до того разжёгся, что снял их и на дрова кинул.

Вот нарубил мужик дров, увязал их, шапку поглубже нахлобучил и взялся за свои рукавицы. Смотрит, а они насеквоздь промёрзли, не гнутся даже, точно ледяные.

Взял он топор и давай обухом рукавицы колотить да разминать. Так Морозцу бока намял, что тот насилиу до дому доплёлся.

А старый Мороз как увидел сынка с отбитыми боками, засмеялся и говорит:

— Вот тебе, дураку, наука! Будешь знать, как со мной тягаться.

ДВА БРАТА И НЕСЧАСТЬЕ

(Литовская сказка)

Жили-были два брата. Они жили раздельно. Один был богатый, а другой бедный, горемыка.

Одн раз поехали оба брата в город. Богатый запряг хорошего, упитанного коня и наложил в телегу разного товару, а бедный натрепал льну, положил в телегу, запряг плохонькую кобылку и поехал.

В городе богач сейчас же продал свой товар и набил деньгами целый мешок. А бедняк остановился на базаре, пошёл в сторонку о ценах разузнать, обернулся назад, глядь — а лошадь его с телегой исчезли куда-то. Кинулся он туда-сюда — лошади точно не бывало! Где тонко, там и рвется... Пошёл он к богатому брату; рассказал про свое несчастье, просит его дать хоть двадцать копеек, — лапти купить, но брат и слышать об этом не хочет.

И пошёл горемыка, вздыхая, из города пешком. Подошёл к лесу, стало смеркаться. Видит он — навстречу идёт высокий человек. Вздрогнул он, но оправился от страха и пошёл дальше. Когда подошёл близко к

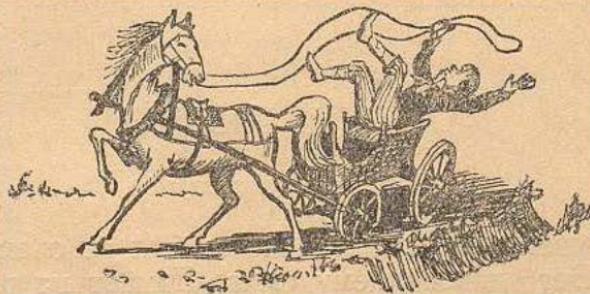
человеку, спрашивает его: «Кто ты такой?» Тот отвечает: «Я твоё несчастье». — «Моё несчастье? — удивился бедняк: — ой, какой ты большой! Хоть бы ты меньше стал. Не мог бы, а?» — «Почему же нет? Могу». И уменьшился тот наполовину. Бедняк ещё просит, чтобы он уменьшился, и несчастье стало ростом с ребёнка. Но бедный всё просит ещё уменьшиться. Несчастье стало величиной с орех. Бедняк вынул из кармана табакерку, приоровился и хлоп! — захлопнул своё несчастье. Положил он табакерку в карман и идёт дальше. Подошёл к водяной мельнице, вынул табакерку и бросил её в запруду. Сам зашёл на мельницу, попросился на ночлег и заночевал. Разговорившись с мельником, рассказал про несчастный случай в городе и про все свои беды. Утром, когда он собрался домой, мельник подарил ему десять красненьких да в придачу ещё и коня доброго. Придя домой, он купил всё необходимое для хозяйства; и с тех пор ему повезло, он стал с каждым днём богатеть. А через несколько лет поравнялся он в достатке с богатым братом.

Однажды богатый брат спросил его, откуда ему богатство привалило. Тот ему и рассказал, как он своё несчастье запер в табакерку и в запруду кинул, как мельник ему помог и как с тех пор ему повезло.

Богатый брат задумал его погубить. Отправился он к мельнику, в запруду которого бедняк кинул табакерку, сказал, что в запруду он уронил табакерку с деньгами, и попросил мельника спустить воду, обещая за это дорого заплатить. Мельник согласился и спустил много воды. Богач нанял несколько человек, которые бродили по воде; поискали они и нашли табакерку. Обрадовался богатый и говорит, думая о своём брате: «Недолго ты будешь ровней мне, я опять выпущу твоё несчастье!» Схватил он табакерку, приоткрыл её и — шмыг! — оттуда выскоцило несчастье и сделалось очень большим. Отряхнулось, оправилось и говорит: «Ах, какой твой брат негодный, запер меня в табакерку

и хотел, чтобы я в ней задохся. Очень тебе благодарен, что выпустил меня: буду теперь твоим верным другом и с тобой никогда не расстанусь». Услышав эти слова, богач испугался, побледнел, но Несчастье стало невидимым.

По дороге домой сейчас же приключилось у богатого первое несчастье: конь испугался, выронил его из телеги, и сломал он себе ногу. А подъезжая к дому, увидал, что всё его имение в пламени. Сгорели все его деньги, сгорело имущество, и стал он бедняк-бедняком.

ДАМАРТ И ПИРОГИ

(Литовская сказка)

Жил один крестьянин, Дамарт; был он очень зажиточный. Бог даровал ему сына. Дамарт на радостях устроил пир, созвал на него всех своих родных.

Соседом его был человек небогатый; ничего у него не было, кроме бобов.

Родственники Дамарта, идя на пир, понесли в подарок пироги, сыры и всякое добро, а сосед его захватил мешочек бобов.

— Иди ты в пекло со своими бобами, — сказал ему рассерженный богач.

— А где я найду это пекло? — спрашивает бедняк.

— Иди на запад и найдёшь.

Пошёл бедняк на запад, шёл, шёл, вошёл в большой лес и встретил там старика-нищего. Тот спрашивает:

— Куда идёшь?

— В ад.

— Лучше сделаешь, если не пойдёшь.

Дал он бедняку три камня и сказал:

— Неси их домой; а придёшь, так положи один в первый закром, другой — во второй, а третий — в третий закром.

Бедняк так и сделал. А на следующее утро увидел, что первый закром наполнен деньгами серебряными, второй — золотыми, третий — пшеницей. Обрадовался бедняк и вся его семья.

Послал он свою дочь к Дамарту меру одолжить. Та пришла к богачу и говорит ему:

— Отец мой собирается мерой деньги мерить.

А богач, усмехаясь, говорит:

— Вероятно, отец твой где-либо мякины получил.

Когда дочь понесла меру обратно богачу, бедняк засунул несколько монет за обручи. Приняв меру, Дамарт захотел узнать, что перемерял бедняк — мякину или зерно; стукнул мерой оземь, а оттуда высыпалось несколько монет.

Тогда Дамарт сказал самому себе: «Ого, да этот молокосос пошёл в ад, бобами закусывая, и нашёл там так много денег. Ну, а если я пойду, пирогами угощаясь, сколько же я там найду?»

Размыслия так, зашёл богач к соседу и спрашивает его:

— Каким образом получил ты в аду деньги?

Сосед не рассказал, что с ним произошло, а только коротко ответил:

— Как прогнал ты меня с этими бобами, я и пошёл в ад и там получил деньги.

Распрощался Дамарт с соседом и, придя домой, вел жене напечь пирогов. Когда пироги были готовы, он наелся досыта, набил ими большой мешок, карманы, пазуху и распрошавшись с женой и детьми, пошёл в ад. Идёт да всё пироги жуёт. В лесу встретил он того же старика нищего. Старик спрашивает:

— Куда идёшь?

А Дамарт отвечает: «А тебе какое дело?» И пошёл дальше. А как вошёл в пекло, назад уж и не вернулся. И теперь никто не знает: в аду ли он ещё, или так где-либо по свету блуждает. Только пословица про него и осталася:

«Ушёл и пропал, как Дамарт с пирогами».

ВОЛШЕБНАЯ ОВЕЧКА

(Литовская сказка)

Давным-давно у одного озера стояла избушка, а в ней жили рыбаки — старики и их сын.

Однажды отец отпустил сына рыбачить одного. Рыбачил, рыбачил сын, уже и вечер пришёл, стало темнеть. Вдруг видит он — подходит к озеру девушка-красавица и просит она рыбака перевезти её на другую сторону. Ну и красивая же она была, такая красивая, что рыбак сейчас же бросил сети и побежал, чтобы перевезти её через озеро. Перевозит и глаз всё время с неё не сводит.

Вот перевёз он её на другой берег, девушка его поблагодарила, вышла из лодки и хотела уходить. Но рыбаку она так понравилась, так понравилась, что он не хотел с нею расставаться. Стал он просить её выйти за него замуж. А девушка ему и говорит:

— Найди то, чего нет на свете, тогда я пойду за тебя.

Тот кинул всё и пошёл на розыски. Шёл, шёл, набрёл на какую-то избу и вошёл в неё. Нашёл он там какую-то старуху, которая пряла пряжу. Спрашивает она его:

— Куда ты, дитятко, идёшь?

— Иду, — говорит тот: — искать то, чего нет на свете.

Дала ему старуха овечку и сказала:

— Такой овечки нет на свете. Только смотри, как бы кто у тебя не украл её. Если тебе понадобятся деньги, или есть захочется, ты скажи ей только: «Овечка, овечка, тряхни ножкой!» И получишь всё, чего захочешь! Иди теперь домой.

Поблагодарил старуху рыбак и пошёл домой.

Наступил вечер. Зашёл он на постоянный двор переночевать. Захотелось ему поесть, он и говорит: «Овечка, овечка, тряхни-ка ножкой!» Как только овечка тряхнула ножкой, сейчас же появились разные кушанья и напитки.

Хозяин двора всё это видел и, когда рыбак заснул, он взял эту овечку, а вместо неё другую поставил.

Утром захотелось рыбаку позавтракать. Велел он овечке тряхнуть ножкой, а та хоть бы что. Опечаленный рыбак вернулся к старухе и говорит, что овечка его не слушает. Старуха дала ему полотенце и сказала:

— Если что понадобится, тряхни этим полотенцем, и всё найдётся.

Пошёл рыбак домой. По дороге опять застал его вечер, и пришлось ему зайти к тому самому человеку переночевать. Захотел он поужинать, тряхнул полотенцем и сейчас же появились перед ним кушанья и напитки. Хозяин опять все это подглядел и, как только рыбак заснул, сейчас же подменил полотенце. Утром рыбак захотел позавтракать, тряс, тряс полотенцем, но ничего не вытряс. Упал рыбак духом, побрёл опять к старухе. Старуха ему и говорит:

— Тебя уж два раза обокрал этот человек. Постойка. Я дам тебе три колышка. Если тебе что понадобится, ты стукни коротеньким колышком, сейчас же всё явится. Потом короткий голышек спрячь, оставь только длинные.

Поблагодарил рыбак старуху и ушёл. Наступил вечер, и опять он зашёл к тому же хозяину на ночлег. Перед сном вынул рыбак короткий колышек и, как только о стул постучал, сейчас же появились перед ним кушанья и напитки. Потом он коротенький колышек спрятал, а длинные оставил на лавке. Поел и лёг спать.

Хозяин сейчас же взял длинные колышки и постучал. Но как только постучал он ими, они его — бац! и стали оба его колотить! Кричит хозяин, а колышки знай бьют да бьют его по спине!

Услышал крики рыбак, проснулся и, увидев, что происходит, понял, для чего были даны эти колышки.

Взмолился о помощи хозяин, а рыбак говорит ему:

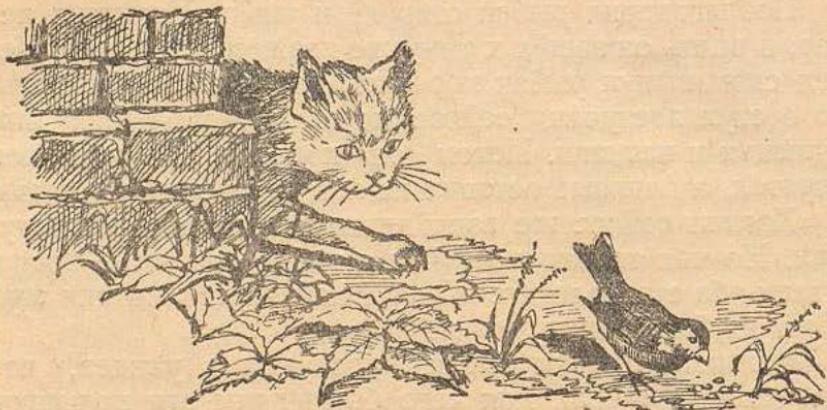
— Отдавай украденные тобой овечку и полотенце, тогда перестанут тебя колышки колотить.

Хозяин сейчас же принёс всё и только просил, чтоб его бить перестали. Тогда рыбак воскликнул: «Довольно!» и колышки перестали бить хозяина.

Захватив с собою всё, полученное от старухи, пришёл рыбак домой. Вместо своей полуразрушенной избушки он, с помощью овечки, построил красивый дворец и повенчался с красивой девушкой.

Весёлая была их свадьба. Много народу собралось, и всем было весело и радостно. Долго про неё забыть не могли.

ПОЧЕМУ КОТ МОЕТСЯ ПОСЛЕ ЕДЫ

(Литовская сказка)

Однажды залетел воробей на крестьянский двор и стал клевать зерно.

Прыгает воробей по траве, зёрнышко за зёрнышком подбирает, а хозяйский кот на него из-за угла посматривает.

Смотрел кот, смотрел, да как прыгнет на воробья! Схватил его за крыло и говорит:

— Неплохо я сейчас позавтракаю!

— Что вы, что вы, пан кот! — зачирикал воробей. — Неужели вы собираетесь меня съесть?

— А что мне, любоваться тобой, что ли? — фыркнул кот и приготовился свернуть воробью голову.

— Да постыдитесь же, пан кот! — опять зачирикал воробей. — Ведь вы забыли умыться! А разве вы не знаете, что все уважающие себя господа моются, а потом завтракают.

— И то правда! — сказал кот и поднял лапу, чтобы хорошенько потереть себе мордочку.

А воробей, недолго думая, прыг в сторону! Взмахнул крыльями и улетел.

Очень рассердился кот.

— Ну нет, теперь уж меня не обманешь! — сказал он. — Пусть люди делают, как знают, а я сначала буду завтракать, потом мыться.

С тех пор все коты на свете моются после еды.

ЩЕПА И КОРА

(Эстонская сказка)

Жил-был богатый крестьянин. Хозяйство у него было большое, земля хорошая. Всё бы ладно, да вот беда — не приживались у него работники. Месяц поживут, другой поживут — и уходят. Очень уж скуп был крестьянин на еду. Вместо супа давал работникам пустую водицу, вместо мяса — кости да жилы, вместо хлеба — сухие корки. Ну, голод и гнал работников со двора.

До того дошло, что ни в своём селе, ни в соседних сёлах не мог он сыскать больше ни одного работника. А время было горячее. У других уж и пашут, и сеют, а у него дело стоит. Как тут быть?

Решил крестьянин отправиться в дальнее село.

«Там-то меня никто не знает, — думает он, — может, кого и заманю к себе в батраки».

Вышел он ни свет ни заря. Шёл быстрым шагом, а всё-таки ночь застала его в дороге. И как раз в большом лесу. Он сел у перекрёстка на пенёчке. Сидит — вздыхает.

Вдруг поблизости зашумело что-то, будто кто кузнечные мехи раздул.

Крестьянин поднял голову, видит — меж деревьев не то большая птица, не то просто тень какая-то качается. И чей-то голос спрашивает:

— Что, братец, вздыхаешь? Или беда пришла?

— Уж такая беда,— отвечает крестьянин,— что и сам старый хозяин, лесной дед, не поможет.

— А вдруг поможет! Скажи, что надо.

— Надо бы мне такого работника, который бы по-меньше ел-пил, да побольше работал.

— Ну, это дело нетрудное. Приходи в четверг, ровно в полночь, на этот перекрёсток и свистни погромче. Выйдет к тебе старый лесной хозяин, может, вы с ним и поладите. Только прихвати с собой чёрного зайца. За чёрного зайца он что хочешь тебе отдаст.

Опять что-то загудело в ветвях, ну точь-в-точь, как в кузнице, когда подмастерье нажмёт на мехи. И затихло.

А крестьянин досидел на пенёчке до рассвета и побрёл домой.

Вот дождался он четверга и собрался в лес, на тот самый перекрёсток.

«Только, — думает, — где же мне чёрного зайца раздобыть? Ну, ничего, снесу я вместо зайца чёрного кота. В темноте, может, будет неприметно».

Он поймал чёрного кота, сунул в мешок и отправился в дорогу. На перекрёстке остановился и свистнул. Никто не отозвался. Он ещё раз свистнул. Опять никого. Он в третий раз свистнул. Тут вышел из-за дерева сам старый лесной хозяин.

— Что тебе надо? — спрашивает он у крестьянина.

Крестьянин говорит:

— Принёс я чёрного зайца продавать.

— А что за него хочешь?

— Хочу за него работника и работницу. Таких, чтобы служить мне служили, а есть не просили.

— Что ж, это можно, — говорит старый хозяин. — А на сколько лет нанимаешь?

— По мне хоть на всю жизнь, — ответил крестьянин.

— Нет, так дело не пойдёт, — говорит старый хозяин. — Заключим условие на семь лет. А через семь лет принеси мне седьмую часть того, что работник и работница тебе наработают. Принесёшь, — ещё на семь лет оставлю их у тебя. Ну, как — согласен?

— Согласен-то, согласен! Да вот надо бы посмотреть работников. Зачем же кота в мешке покупать... — сказал крестьянин и тут же прикусил себе язык: вспомнил, кто у него-то в мешке сидит.

— Постой, постой, — забеспокоился старый хозяин, — ты это к чему кота приплёл?

— Да нет, это я так, к слову, — отвечает крестьянин. — Говорю: подойдут ли ещё твои работник с работницей? Поглядеть бы на них сначала...

— Ну, за этим дело не станет, — сказал старый хозяин и исчез за деревом.

Через минуту он снова показался — с мешком за спиной.

— Вот тебе работник, — сказал он и вытряхнул из мешка щепку величиной с прялку.

Только крестьянин рот раскрыл, хотел сказать: «Смейшься ты надо мной, что ли?» — смотрит, а перед ним уже стоит дюжий парень, косая сажень в плечах.

Тут старый хозяин опять встряхнул мешок, и оттуда выпал кусок коры величиной с веретено.

— А вот тебе и работница, — сказал он.

Сказал — и перед крестьянином выросла тощая, высокая девица.

— Эх, славные работники! — говорит старый хозяин. — Хоть дрова на них вози, хоть землю паши! А пить-есть никогда не попросят. Разве летом, в самую жару, плесни ты на них ведёрко-другое холодной водицы, чтобы не засохли они, — вот и все с ними хлопоты. Хорошие работники! Ну, так как — подпишем условие?

— Отчего же не подписать? Подпишем, — сказал крестьянин.

Старый хозяин подсунул крестьянину бумагу, крестьянин поставил на ней крест вместо подписи (он ведь не знал грамоты), отдал мешок с чёрным котом и поспешил домой со своими новыми работниками.

Только уж на ходу обернулся он и спросил:

— Звать-то их как?

— А зови их — Щепа и Кора, — сказал старый хозяин.

Стали новые работники у крестьянина работать. С утра до ночи хлопочут и в поле и дома. Есть-пить не просят, а всякое дело так и горит у них в руках. Вот только в самую жару с чего-то начнут у них руки-ноги поскрипывать, ну, крестьянин окатит их водой из колодца, и опять пойдёт у них работа как ни в чём не было.

Работники работают, а крестьянин богатеет. Что ни год, то мешок с золотом прибавляется у него в кладовой. За семь лет накопилось семь мешков золота.

Подошло время расплачиваться по условию. А крестьянину жалко денег. Шутка ли — целый мешок золота отдавать! Как же быть?

Думал он, думал — и надумал.

Насыпал он полный мешок битых черепков и понёс в назначенное время на лесной перекрёсток.

«Авось сойдёт как-нибудь! Не хозяйский глаз у старого хозяина. Тот раз взял мешок и не заглянул в него, может, и в этот раз не посмотрит!»

Ну, принёс он мешок на место, а старый хозяин его уж поджидает.

— Пришёл? — спрашивает.

— Пришёл, как видишь, — отвечает крестьянин.

— Принёс? — опять спрашивает старый хозяин.

— Принёс, — отвечает крестьянин.

— А что принёс? Уж не кота ли в мешке?

У крестьянина душа в пятки ушла. Но не подал он виду.

— Ты к чему это про кота приплёл? — спрашивает.

— Да нет, это я так, к слову, — отвечает старый хозяин. — Давай мешок.

Взял он мешок, встряхнул, так что черепки зазвенели, а развязывать не стал.

— Ладно, — говорит крестьянину, — никто в обиде не будет. Ты со мной рассчитался — и я в долгу не останусь.

Побежал крестьянин домой, ног под собой не чует от радости.

«Эх, — думает, — пронесло. Второй раз самого старого хозяина вокруг пальца обвёл!»

На другой день поутру вышел крестьянин в поле — посмотреть, как работники работают.

А работников-то и нет на месте.

— Что с ними? — удивился крестьянин. — Никак спались сегодня. Пойду разбужу.

Пошёл он на сеновал, где работники всегда спали.

— Эй, — кричит, — вставайте, бездельники!

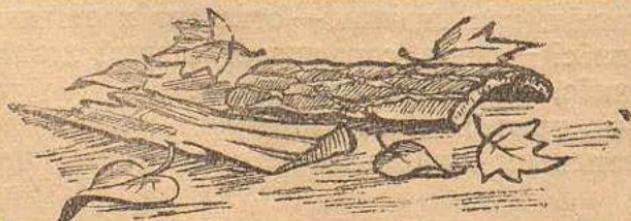
Не отзываются работники.

Крестьянин толкнул двери. Что такое? Пусто на сеновале. Ни работника, ни работницы. Только в углу лежат гнилая щепка и кусок берёзовой коры.

Почесал крестьянин в затылке.

«Экую старый со мной шутку сыграл! Вот уж верно — в долгу не остался! Ну, ничего, всё-таки все семь мешков золота при мне!»

Побежал он в кладовую — золотом полюбоваться, душу отвести. Смотрит, — а в мешках гнилая труха да сухие берёзовые листья.

ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЯ СОЛЕНАЯ

(Эстонская сказка)

Жили два брата. Младший — бедный, старший — богатый.

Подошёл большой праздник. Хозяйки на селе варят, жарят, а у бедного в кладовой пусто, мышке — и той поживиться нечем.

Отправился бедный брат к богатому.

— Здравствуй, — говорит.

— Здравствуй, — отвечает богатый.

А у самого лица, как от кислой ягоды, скривилось, — видно, догадался, зачем пришёл к нему бедный брат.

— Не дашь ли ты мне, брат, чего-нибудь — праздник встретить? — просит бедный.

— Отчего не дать? Дам, — говорит богатый. — Только и ты пообещай исполнить мою просьбу.

— Всё сделаю, что ни скажешь, — отвечает брат.

— Ну, так бери копчёный окорок и иди от меня подальше, хоть в чортово пекло.

— И пойду, — говорит бедный. — Я от своих слов не отказываюсь.

Взял он окорок, сунул подмышку и пошёл. Шёл, шёл, целый день шёл, а до чортова пекла не дошёл.

Тем временем наступил вечер, совсем темно стало. Тут увидел бедный брат огонёк невдалеке.

«Должно быть, там-то оно и есть», — подумал он и свернулся на огонёк.

И верно — часу не прошло, а бедный брат уже стоял у самого пекла. Только он порог переступил, — все черти так к нему и бросились. Толпятся вокруг него, на окорок посматривают, облизываются. Очень уж черти до свинины лакомы!

— Продай окорок! — со всех сторон кричат.

— Эх, — говорит бедный брат, — окорок-то я себе к празднику припас. Ну, да если вы уж так просите, — продам. Сколько дадите?

Тут один, самый маленький, облезлый чертёнок дёрнул его за рукав и зашептал в самое ухо:

— Отрежь мне кусочек, я тебе что-то скажу.

Бедный отрезал кусочек свинины и сунул ему. Ну, чертёнок и залопотал потихоньку:

— Не продавай ты окорок ни за золото, ни за серебро, а проси старую мельницу, что стоит за дверью.

Бедный послушался чертёнка.

Черти ему и серебра и золота натащили, а он ни на что и смотреть не хочет.

— Нет, — говорит, — так мы с вами дела не сладим. Отдам окорок только за старую мельницу, что стоит у вас за дверью.

Очень это не понравилось чертям. Старшой чорт и так и этак его уговаривает. А бедный брат всё своё.

— Не дадите мельницы, — говорит, — и окорока вам не видать, как своих ушей.

Вот и сторгуйся с ним! Плонули черти, отдали ему мельницу. И он им отдал окорок, только сначала опять отрезал потихоньку самый жирный кусочек и показал из-под полы облезлому чертёнку. Потом пожелал всем чертям доброго аппетита и пошёл себе прочь из пекла.

Немного прошёл — догнал его облезлый чертёнок.

Бедный брат схватил его за ухо и говорит:

— А не надул ли ты меня, чертёнок? Вместо серебра и золота подсунул какую-то ржавую штуку!

— Чё ты! Чё ты! — завизжал чертёнок. — Да ведь это самая чудесная вещь на свете. Стоит только три раза постучать по её крышке, — она и пойдёт крутиться. Чё прикажешь, то мельница и намелет, только успевай подбирать. А потом постучи три раза по донышку — и делу конец.

— Ну, спасибо тебе, если не врёшь, — сказал бедный брат. — Получай награду.

Чертёнок схватил кусочек окорока, а бедный заторопился домой. Да как ни торопился, только к полуночи добрёл до своего села.

— Где пропадал? — набросилась на него жена. — У других в доме столы от угощений ломятся, а у нас и не пахнет праздничным супом.

— Эх, жена, было у меня одно важное дельце, и пришлось из-за него дальний путь прошагать, вот и запоздал. Ну, ничего, посмотри, что я зато принес.

Тут бедный брат вытащил из-под полы свою мельницу и принял её тереть да чистить. Натёр до блеска и говорит жене:

— Ну-ка, приказывай, жёнушка, что тебе надоально к празднику.

— Да чего там! — отвечала жена. — Было бы хлеба вдосталь и мяса кусок — и то ладно.

— Слышишь, мельница, что тебе говорят?! — крикнул бедный брат и постучал три раза по крышке.

Скрипнула мельница и как пошла крутиться!

Каравай за караваем попадали на стол, потом большущий кусок мяса вывалился. Мясо жареное, присолёное, припечёное, — ешь да похваливай.

Сели муж и жена за стол и отпраздновали праздник.

На другой день опять намололи они вкусных кушаний побольше и созвали на пир всех родных и соседей.

Едят гости, пьют, хозяев похваливают, только богатому брату кусок в горло не лезет от зависти.

— И где ты всё это раздобыл? — спрашивает он у бедного брата.

— Да нигде, у меня за дверью добрая кладовушка есть, — отвечает брат.

Только уж под вечер от сладкой еды и крепкого питья вскружилась у бедного брата голова, и захотелось ему похвастать перед людьми.

— Ну-ка, посмотрите, — говорит, — кто вас напоил и накормил!

Он принёс мельницу, поставил на стол и велел ей того-другого намолоть.

Тут уж богатый вовсе покой потерял. И так и этак кругом брата ходит, — продай ему мельницу да продай. Не соглашается бедный брат. Рассердился богатый и говорит:

— Ну, не иначе, как ты эту штуку в самом чортовом пекле раздобыл!

— А и правда, — отвечает бедный. — Ты это откуда знаешь?

— Откуда знаю, тебе до этого дела нет. А вот ты мне скажи: не я ли тебя в пекло послал?

— Ну, ты. Так что из этого?

— А то, что если бы не я, — не видать бы тебе этой мельницы. Значит, она всё равно, что моя, — сказал богатый брат, схватил мельницу и побежал домой.

На другой день он встал пораньше и говорит жене:

— Ты иди с работниками сено ворошить, а я уж сегодня сам позабочусь об обеде.

В полдень он поставил мельницу на стол и приказал ей:

— Хочу селёдок солёных и молочного супу!

Как пошла мельница крутится! Богатый только посуду подставляет. Вот и кастрюли все полны, и горшки полны, и ушаты, а мельница всё крутится и крутится.

Богатый и так и этак трясёт мельницеу, и ногами на неё топает, и кричит.

А всего-то и надо было три раза постучать по донышку. Только самому богатому и на ум не пришло, а бедный с обиды ничего ему не сказал.

Мелет мельница и мелет. Потёк молочный суп по кухне, селёдки в молочных лужах плавают. Вот уж не лужа, а целое озеро набежало, по колени богатому, по пояс, по горло... Того и гляди захлебнётся!.. Закричал тут богатый:

— Спасите! Тону!

И бросился из дома вон. А молочное море хлынуло за ним, по всей деревне разлилось, селёдки так и прыгают в белых волнах. Прибежал богатый к бедному брату.

— Уйми ты эту чортову штуку! — просит. — Гляди, что делается! Всё село зальёт.

А бедный говорит ему:

— Я чужим добром не могу распоряжаться. Вот если бы ты её мне совсем отдал, — другое дело.

— Да бери ты её, пожалуйста, только пусть молоть перестанет!

— Вот теперь стоит и потрудиться! — сказал бедный.

Вытащил он из-за печки корыто, спустил в окно, прихватил с собой удочку и поплыл в корыте к братину дому.

А дом уже по самую крышу в молочном супе. Бедный зацепился шестом за флюгер, закинул удочку через трубу и выудил мельницу. Потом постучал три раза по её донышку, — мельница и перестала крутиться.

Понемногу всё молочное море стекло в настоящее море. Только селёдки застряли в траве и плетнях, мальчишкам на радость. Целый день они рыбу удили на сушке.

А младший брат хорошо зажил с тех пор. Скоро он выстроил себе новый дом, куда больше и красивее, чем у старшего брата. Дом стоял на пригорке над морем и

от самого погреба до флюгера на крыше был снаружи выложен гладкими черепками и разноцветными стёклышками. Ну и блестел же он в солнечный день и в лунную ночь! Рыбакам это очень пришлось по душе: им дом служил вместо маяка.

По всей стране и даже по чужим странам пошла слава про младшего брата и его чудесную мельницу.

Услышал эти вести один торговец солью, и захотелось ему посмотреть на чудесную мельницу. Вот он снарядил свой корабль и отправился к младшему брату. А тому лестно — вон какой к нему гость издалека пожаловал! Постучал младший брат три раза по крышке мельницы, приказал ей намолоть всяких вкусных блюд и угостили гостя — лучше не надо.

Гость ест-пьёт и всё на мельницу поглядывает.

— Правда ли, что твоя мельница что угодно может намолоть? — спрашивает он младшего брата.

— Правда, — тот отвечает.

— И соль может намолоть?

— И соль может.

Тут у гостя так и разгорелись глаза. Ему-то за солью приходилось через море плавать, в чужие страны.

Стал торговец солью просить младшего брата, чтобы тот ему продал мельницу. Долго не соглашался младший брат. Наконец за три бочки золота всё-таки отдал своё сокровище. Гость так обрадовался, что схватил мельницу и, ни слова не сказав, ни слова не спросив, побежал с ней на свой корабль и сейчас же велел поднимать якорь.

Чуть только они отплыли подальше, торговец солью велел поставить перед собой мельницу, постучал три раза по крышке и сказал:

— Мели соль!

Стала мельница молоть. Весь трюм наполнила, всю палубу засыпала.

Сначала торговец песни с радости пел, потом прымолк, потом слезами засился. Видит он — корабль от

такой тяжести вот-вот потонет, а мельница всё мелет и мелет соль. А как её остановить — не знает торговец.

По самые борта осел корабль и всё глубже и глубже в воду погружается. Захлестнули его волны, и пошёл он ко дну.

А мельница и на дне соль мелет. По сей день крутится.

Оттого и вода в море солёная.

БАРИН И ЧОРТ

(Латышская сказка)

Жил на свете барин. Лютого нрава был. Чуть что не по нём, сразу за палку берётся. Зато и любили его крестьяне, как собака палку.

Вот однажды шёл этот барин по дороге и повстречал чорта.

— Здорово! — говорит чорт.

— Здорово! — говорит барин.

— Как живёшь? — спрашивает чорт.

— Благодарение богу, живу его милостями и не жалуюсь, — говорит барин. — А ты как?

— Ну, мне бога благодарить не за что, — говорит чорт. — Что люди дадут, тем и живу. Да ты куда так торопишься?

— На поле, — говорит барин. — Народ-то теперь какой, знаешь? Последнюю совесть потерял. Кроме чорта да палки никого не боится... Слушай, друг, не пойдёшь ли и ты со мной? Мужики, как тебя увидят, от страха за десятерых работать станут. А то ведь от рук отбились, сладу с ними нет.

— Что ж, пойдём, — говорит чорт. — Только уж ты не обижайся, если кто скажет: чорт, мол, с тобой.

Вот идут они вместе и видят — возле дороги паренёк свиней пасёт. Да на беду один боров отился от стада и забрался в картофельное поле. С борозды на борозду перебегает, всю ботву помял, всю землю изрыл.

Наконец, не выдержал он, заругался:

— А чтоб тебя чорт забрал, проклятый боров!

Тут барин подтолкнул чорта под локоть и говорит:

— Слышишь? Это ведь тебе пастух борова отдаёт. Что же ты не берёшь? Дали бы мне такого, так я бы одного сала целый пуд натопил.

— Так-то оно так, — говорит чорт. — Только жаль мне этого паренька. Небось, ты с него шкуру снимешь за этого борова. И обещан-то он мне не от души. Просто привычка такая у людей — надо не надо, меня поминают.

Смолчал барин. Пошли они дальше.

Вот идут мимо крестьянского поля и слышат — ребёнок плачет. А мать тут же рядом рожь жнёт.

Не поднимая головы работает, бедная. На ребёночка ей и взглянуть нельзя, не то что утешить его.

А тот всё плачет и плачет, так и заливается слезами.

Нестерпела мать, сорвалось у неё недоброе слово.

— Чтоб тебя чорт побрал! Зерно всё осыпается. Отец на барском поле спину гнёт. Уж не знаю, как одна справлюсь с работой. А тут ещё ты сердце надрываешь!

Барин опять чорта под бок толкает.

— Слышишь, — говорит, — это ведь тебе баба ребёнка отдает. Что ж ты не берёшь? Дали бы мне, так я бы его уж вышколил! Был бы мне даровой батрак!

— Так-то оно так, — говорит чорт, — ты на даровое сам не свой, это я знаю. А только мне этого ребёночка не взять, потому как не от души слова были сказаны, не от чистого сердца. А с языка мало ли что сорваться может!

Опять промолчал барин.

Пошли они дальше.

Шли, шли и дошли до барского поля.

Как увидели крестьяне барина, стали они и плеваться-
ся и чертыхаться.

— Тыфу, — говорят, — опять принесла его нелёгкая.
Да чтоб его нечистый забрал! Да шёл бы он к чорту в
пекло! Спасения от него нет!

Тут уже чорт барина в бок подталкивает.

— Слышишь, что они про тебя говорят?

Испугался барин. Руками замахал.

— Что ты, что ты! Разве же они от души говорят?
Ведь это не люди — собаки. Брешут себе языком, а что
к чему — сами не знают.

— Э, нет, — отвечает чорт. — Меня-то уж ты не
проведёшь. На этот раз от всей души слова были ска-
заны. Так что теперь ты мой!

И без лишних разговоров схватил чорт барина за
шиворот и засунул его в свою торбу. Торбу крепко-
накрепко завязал, потом закрутил вихрь до самого неба
и потащил барина прямо в ад.

О ЗЛОЙ ХОЗЯЙКЕ И ЧУЧЕЛЕ КОСМАТОМ

(Латышская сказка)

Нанялся работник к одной хозяйке. Был он парень покладистый, работящий, а хозяйка попалась ему злая. Ух, какая злая! И то ей не так, и это не так. Как работник спину ни гнёт, как руки ни мозолит, — она всё своё: «лентяй да бездельник, лодырь да лежебока». А то ещё похуже обругает: «чучело, — скажет, — косматое, образина неумытая!»

Ушёл бы работник, да не пускает хозяйка и денег заработанных не отдаёт.

Терпел работник, терпел, наконец надоело ему. Задумал он проучить хозяйку.

Раз утром посыпает его хозяйка в лес по дрова. Собрался он, взял топор, верёвку и говорит:

— А не дашь ли мне, хозяйка, мешок? Я вчера в лесу клад нашёл. Целую кучу золота.

Разгорелись у хозяйки глаза.

— Что же ты молчал?! — кричит. — Уж не задумал ли ты, образина этакая, всё золото себе забрать? Мой ты работник — и золото моё.

— Не шуми, хозяйка, — говорит работник, — там столько золота, что на двоих хватит. Давай, что ли, мешок.

— Нет уж, — говорит хозяйка, — иди, лодырь, по дрова. Сама мешок принесу.

Ладно. Пошёл работник в лес. Только раз топором размахнулся, а хозяйка уж тут как тут.

— А ну, — говорит, — показывай, где твой клад.

— Пойдём, покажу, — говорит работник.

И повёл её к старому высохшему колодцу.

— Вот, — говорит, — здесь он, в этом колодце лежит. Мешка два золота чистого, а то и больше.

Хозяйка заглянула в колодец — темно, глубоко, а на самом дне грязь да тина блестит. А хозяйка думает — золото.

— Как же, — говорит, — мы клад оттуда достанем?

— А так, — говорит работник, — сначала я сам на верёвке спущусь, а потом и ты влезешь.

— Э, нет, — говорит хозяйка, — спусти-ка сперва меня.

Ну, работнику только того и надо. Спустил он хозяйку на верёвке в колодец. Потом верёвку вытянул, в карман сунул — и прочь от колодца. Опять за топор взялся. Не теряет зря времени — валит дерево за деревом.

И хозяйка времени зря не теряет. Шарит по дну колодца, шарит, по пояс в грязь зарылась. Нет никакого золота! Нет клада! Тут она и догадалась: обманул её работник!

Ох и заругалась баба!

Уж как она работника своего не кляла, какими только словами его не браница, какой беды ему не желала!

А работнику что? Он далеко в лесу. Стучит себе топором, и не слышно ему, как хозяйка в колодце шумит.

Наготовил немало дров и думает:

«Теперь уж, верно, умаялась хозяйка в колодце. Да и время к вечеру, пора домой».

И пошёл к колодцу. Слышит — хозяйка ещё ругается, но, видно, уж из последних сил: вовсе охрипла.

Бросил работник в колодец конец верёвки и кричит:

— Эй, хозяйка, цепляйся! Вытащу, что ли!

Потянул верёвку — что-то уж сильно тяжело.

«С чего бы это?! — думает. — Будто, когда спускал, хозяйка вдвое легче была. Неужто и впрямь клад нашла?»

Отдохнул немного и опять стал тащить. Изо всех сил тянет. Вот уж и голова над срубом показалась. Только что за голова! Чёрная какая-то, лохматая!

«Ой, что это с хозяйкой сделалось? — думает работник. — И на себя не похожа!»

Потянул ещё немного верёвку, да так и ахнул. Не хозяйка вовсе из колодца лезет, а какое-то чудище страшное, косматое. Голова — с бочку, руки — с грабли, глаза — что плошки.

Работник чуть верёвку не выпустил, а чудище ему говорит:

— Ой, не бросай верёвку, прошу тебя. Я тебя ввек не забуду, доволен будешь.

Ну, что ж, вытащил работник чудище.

— Да ты кто такой? — спрашивает. — Откуда взялся?

— Как откуда? — отвечает чудище. — Из колодца. Жил я там много лет и ещё бы больше прожил, если б не злая баба. Свалилась, что снег на голову, целый день лается, собачится, сил нет терпеть. Спасибо, хоть ты меня от неё избавил. Я тебе за это полцарства подарю. Хочешь?

— Хочу, — говорит работник. — Полцарства — это не плохо.

— Ну, так слушай. У меня-то никакого царства нет, разве что под землёй, так ведь и оттуда меня злая баба выгнала. А вот в соседнем царстве живёт богатый царь, и есть у него красавица-дочь. Мы вот как сделаем. Я

проберусь во дворец и наведу на царскую дочь болезнь. Станет её после этого корчить, ломать да трясти. Ну, царь, как водится, пообещает полцарства тому, кто её вылечит. Тут-то ты и берись за дело. Иди прямо в то государство и скажи: «Ведите меня к царевне, я её вылечу». Поведут тебя к ней, а ты как войдёшь в её комнату, крикни погромче: «Убирайся прочь!» — и меня по имени назови.

— А как тебя звать? — спрашивает работник.

— А зови меня хоть Чучело Косматое. Так меня злая баба в колодце целый день ругала. Как крикнешь: «Убирайся прочь, Чучело Косматое!» — я и уйду. Она выздоровеет, а ты полцарства получишь. Только помни: эту царевну вылечишь, а к другой не подступайся. Я, может, после той к другой царевне проберусь, и та заболеет. Тебя позовут её лечить, а ты не иди. А не послушаешь меня, пойдёшь, тебе самому конец. По самую смерть ломать, корчить да мучить тебя стану.

Ну, ладно. Побрело Чучело Косматое в соседнее государство, а работник пошёл в хозяйкин дом.

Не стал он злую хозяйку из колодца тащить.

«Пускай, — думает, — там, в колодце поживёт!»

Прошло немного времени, и разнеслась повсюду весть: в таком-то государстве, у такого-то царя заболела дочь. Кто эту царскую дочь вылечит, тому царь полцарства отдаст и своим зятем назовёт.

Ну, работник, как про всё это услышал, сейчас же собрался и пошёл в соседнее государство.

Прибыл он в это государство, прямо в царский дворец, и говорит:

— Ведите меня к царевне, я знаменитый доктор: в один миг её вылечу.

Повели его к царевне, а царевна лежит в постели жёлтая, что луковица.

Корчит её всю, трясёт, ломает; смотреть — и то жалко. Верно, вовсе извело её то чудище из колодца.

Работник подошёл поближе, да как крикнет:

— Эй, Чучело Косматое, убирайся прочь!

И вмиг затихла царская дочь, лежит на подушках спокойно так, улыбается, румянец на щеках играет. Будто никогда и не была больна.

Ну, что царю делать? Отдал он работнику полцарства и дочь свою впридачу.

Стал работник царевичем и зажил со своей женой тихо и счастливо.

А то Чучело перебралось в другое царство и стало там царскую дочь мучить. Опечалился царь — её отец. Всяких докторов назвал. Лечат царевну заморскими лекарствами. Ничего не помогает, ещё больше её корчит. А тут кто-то и скажи царю про знаменитого доктора.

Царь сейчас же посыпает гонцов в соседнее государство. А работник не идёт, помнит, что Чучело говорило, боится.

Царь новых гонцов посыпает. Велит им сказать: если не явится знаменитый доктор и не вылечит его дочь, он войной пойдёт на соседнее царство, всё до камушки разорит, всех до одного перебьёт.

Что теперь делать? Пойти — самому смерть, не пойти — всему царству гибель.

Думал, думал работник и решил наконец:

«Лучше уж мне одному погибнуть, чем сотням да тысячам».

И пошёл.

Встретил его с почётом царь чужого государства и повёл сейчас же к больной царевне. А он, как ступил на порог царевниной спальни, крикнул громким голосом:

— Эй, Чучело Косматое, убирайся прочь!

Тут чудище как вскочит да как бросится к работнику!

А работник, хоть и задрожал со страху, да всё-таки не растерялся. Отскочил в сторону и зашептал:

— Берегись, Чучело! Злая баба из колодца вышла.
Сейчас сюда явится. Прыгай скорей в окно!

Чучело — к окну... Только на бегу и успело крикнуть:

— Вовек меня теперь к людям не заманишь! Уйду в мой колодец и буду в нём жить.

А уж как они там — Чучело Косматое да злая баба — в колодце ужились, нам про то неизвестно. Только ни Чучела, ни злой бабы никто на земле так больше никогда и не видывал.

МУДРАЯ НЕВЕСТКА

(Абхазская сказка)

Жил когда-то на свете владетельный князь. И был у него сын по имени Ахмат.

И вот, когда Ахмат вырос, а князь состарился, решил отец испытать своего сына и единственного наследника.

Призвал он к себе Ахмата и сказал ему так:

— Сын мой, завтра на рассвете мы отправимся в горы. Позаботься же, чтобы всё было готово для дальнего пути.

— Хорошо, отец, — сказал Ахмат.

С вечера велел он слугам приготовить в дорогу хлеба, вина и сыру, а сам еще до рассвета оседлал двух самых лучших коней и в назначенный час подвёл их к крыльцу.

Отец осмотрел коней и остался доволен. Потом взглянул на сумку с едой и говорит:

— На что нам еда? Оставь её, сын мой.

Ахмат не стал спорить с отцом и покорно отвязал сумку от седла.

Потом отец и сын вскочили на коней и тронулись в путь.

Долго ехали они. Солнце поднялось из-за гор — они были в дороге. Солнце ударило им в глаза — они были в дороге. Солнце стало над головой — они всё ещё были в дороге. А куда ведёт эта дорога и зачем они едут по ней, не знал Ахмат. И гор этих никогда он не видел, и про ущелья эти никогда не слышал.

Наконец, доехали они до места, где дорога расходится вправо и влево.

Остановил тут князь своего коня и говорит сыну:

— Ахмат, сын мой, сколько часов уж мы в пути, а конца ему не видно. Голод мучает меня, и усталость сковала моё тело. Не найдётся ли у тебя чего-нибудь, чтобы утолить мой голод, и не сократишь ли ты хоть немного наш путь?

Очень удивился сын, услышав такие слова.

— Как же я могу утолить твой голод? — говорит он отцу. — Ты ведь сам велел мне оставить сумку с едой. И как я могу сократить наш путь? Я даже не знаю, куда мы едем. Да не обрушится твой гнев на мою голову, но ты требуешь от меня невозможного, отец.

— Горе мне, — печально сказал старый князь. — Лучше бы мне совсем не иметь сына, чем видеть, что сын мой лишён разума.

И, повернув коня, он поскакал домой.

Следом за ним тронулся и Ахмат.

«Горе мне, — думал он, пастёгивая коня. — Видно, на старости лет отец совсем из ума выжил. Сам не знает, чего хочет. Нет у меня ковра-самолёта, чтобы длинную дорогу сделать короткой, и не знаю я такого слова, чтобы из-под земли еду-питьё доставать. Это только в сказках бывает».

Вернувшись домой, расседлал Ахмат коней, попил, поел и пошёл спать. А князю не спится.

«Я уже стар, — думает князь. — Скоро умирать мне пора. Ну, как он один, своим умом, княжить будет? Как

народом управлять будет? Надо скорее женить его. Достанется ему толковая жена, — может, научит она его уму-разуму».

И как решил, так и сделал.

На другой же день послал он во все концы княжества сватов — искать своему сыну невесту.

Недолго искали сваты, а невесту нашли — лучше и не надо! И разумна, и приветлива, и собой хороша.

Не откладывая дела, сыграли свадьбу. Гостям на пиру счёта не было, ели-пили доотвала, плясали до упаду.

А через неделю снова позвал князь своего сына и снова велел ему готовиться в дорогу.

Опять, как в первый раз, с вечера приготовил Ахмат сумку с едой, на рассвете оседлал коней и в назначенный час привёл их к крыльцу. И опять, как в первый раз, приказал князь оставить сумку с едой, вскочил на коня и поехал прежней дорогой. А куда — и на этот раз не сказал.

Доехали отец и сын до того самого места, где дорога расходится, и снова обратился отец к сыну с теми же словами:

— Сын мой, я устал в пути, и голод мучает меня. Не утолишь ли ты мой голод и не сократишь ли нашу дорогу?

Что тут придумаешь? Не знает Ахмат, как и ответить. Понурив голову, молчит. Разгневался отец.

— Ах ты ишак! — воскликнул он и сгоряча стегнул сына плёткой. Потом повернул коня и поскакал назад.

Невесёлый вернулся Ахмат домой. И больно ему, и стыдно, и обидно. И хоть ни слова не сказал он жене, сразу увидела она, что неладное что-то случилось с мужем.

— Скажи, друг, что с тобой? — спрашивает она Ахмата. — Какая забота у тебя на душе?

— Зачем говорить? — отвечает ей Ахмат. — Всё равно ты мне ничем не поможешь.

— Кто знает, может быть, и помогу, — говорит жена.

И рассказал ей Ахмат всё, что с ним было: как поехал он с отцом в горы, — в первый раз и во второй раз, — как не позволил ему отец брать с собой сумку с едой, — и в первый раз и во второй раз, — куда едут — не говорил, зачем едут — не говорил, а потом сам же обрушивал на него свой гнев за то, что не мог Ахмат накормить отца и найти короткую дорогу.

— Да что он, рассудка лишился, что ли! — воскликнула жена. — Где же это видано, чтобы человека можно было накормить без еды, а дорогу сократить, не зная пути!

А в это время старый князь стоял возле дома своего сына и, приложив ухо к стене, слушал, о чём говорили муж с женой.

Услыхал он слова невестки, вздохнул печально и пошел прочь.

А на утро позвал он соседей, при них выделил невестке её долю имущества и отоспал её в родительский дом.

— Довольно, — говорит, — и того, что у меня сын недалёкий, не хочу, чтобы и невестка была глупа.

Прошло ещё немного времени, и решил князь, что поедет он сам искать невесту своему сыну.

Не откладывая дело, велел он подать себе коня и отправился в путь.

Ехал он, ехал, и когда солнце ушло за горы, а тень от гор покрыла землю, решил князь остановиться где-нибудь на ночлег.

А как раз в это время молодой пастух гнал по дороге стадо овец.

— Привет тебе, чабан, — сказал князь, подъезжая к стаду. — Не скажешь ли ты, далеко ли до ближнего селения?

— Привет тебе, господин, — ответил пастух. — Селение совсем недалеко. Вон за тем холмом. Видишь — народ толпится.

— Вижу, вижу, — сказал князь. — А не знаешь ли ты, что делают эти люди в такой поздний час?

— В нашем селении умер один человек, — ответил мальчик. — Вот они его и хоронят.

— Что же, этот человек совсем умер или не совсем? — опять спросил князь.

Удивился мальчик. Сразу даже не нашёлся, что ответить. А потом и говорит:

— Ну, конечно, совсем умер.

— Ну, если совсем, — сказал князь, — тогда и жалеть его некому.

Ещё больше удивился мальчик, но ничего на этот раз не сказал. А про себя подумал: «Видно, старик этот не в своем уме».

Наконец, добрались они до селения.

— Скажи мне, дорогой, — спросил тут князь, — в чей дом могу я войти гостем, чтобы переночевать и отдохнуть после долгого пути?

— Да будет светлым твой приход, — сказал пастух. — В нашем доме ты найдёшь и кров, и отдых, и добрую встречу. Вот наш дом, первый при въезде.

И загнав стадо во двор, он помог князю спешиться и повёл его в дом.

Сам хозяин встал князю навстречу, а его дочь Салымхан взяла из рук князя плеть и сняла с него бурку.

Князя усадили на самом почётном месте, около очага, дочь хозяина поставила перед ним еду и сладкое питье, а хозяин повёл с ним добрую беседу.

Потом на подушках и коврах подготовили князю постель, и, когда улёгся он, Салымхан унесла его чувяки и ноговицы, чтобы почистить их и починить.

Лежит князь на мягкой постели и слышит всё, что делается за стеной. А за стеной брат и сестра разговаривают.

— Да простятся мне эти слова, — говорит брат, — но кажется мне, что гость наш не в своём уме. Увидел,

как нашего соседа хоронят, и спрашивает: «Что, совсем умер этот человек или не совсем?» Я чуть в лицо ему не рассмеялся. Уж не думает ли он, что мы людей заживо хороним!

— Вот сразу и видно, что мал ты и ещё не набрался ума-разума, — отвечает ему сестра Салымхан. — Если уж смеяться над кем-нибудь, так это над тобой. А гость наш — человек, умудрённый годами, он дело тебя спросил, только ты не понял его слов.

— А что ж его слова значат? — спрашивает брат.

— То значит, что хотел наш гость узнать, остались ли после покойного наследники или не остались? Поэтому что, пока течёт кровь умершего в жилах его детей, он ещё не совсем умер.

Услышал князь слова девушки и подумал: «Благодаренье аллаху, что он привёл меня в этот дом! Вот кого посватаю за своего сына. Эта девушка будет достойна княжеского рода».

И как решил, так и сделал.

На следующий день вернулся он домой и послал своих сватов к Салымхан.

Скоро и свадьбу сыграли. Богатый был пир. Вино рекой лилось, столы от лакомств ломились, гости доустали веселились.

Но вот прошло немного времени, и опять говорит князь своему сыну:

— Сын мой, завтра поутру мы отправимся с тобой в горы. Позаботься же, чтобы всё было готово для дальнего пути.

Что тут делать Ахмат?

— Хорошо, отец, — сказал он послушно, — воля твоя — для меня закон.

На рассвете оседлал Ахмат двух коней и подвёл к крыльцу.

Еды на этот раз он и не припасал, — ведь всё равно отец не позволит взять. И поехали они опять прежней дорогой.

И опять на прежнем месте остановил князь коня и сказал сыну те же самые слова:

— Сын мой, я устал и проголодался. Прошу тебя, утоли мой голод и укороти нашу дорогу.

Чуть не заплакал Ахмат.

— Как же я накормлю тебя, отец, — говорит он, — если мы ничего с собой не взяли. И как я укорочу дорогу, когда я не знаю, куда мы едем!

Не стерпел тут князь:

— Эх ты, безмозглый глупец!

И он принял хлестать сына, да так, что воздух кругом засвистел. Потом повернул коня и поскакал домой.

Темнее тёмной ночи вернулись отец и сын.

Наскоро расседлал Ахмат коней и пошёл к себе в дом.

Сел возле очага, не ест, не пьёт, с женой не говорит.

— Друг мой, какая забота легла тебе на сердце? — спрашивает его Салымхан.

— Ах, что пользы говорить, только слова даром тратить, — отвечает ей Ахмат.

— Нет, скажи мне, — просит его Салымхан. — Кто знает, может быть, я помогу тебе.

— Никто не поможет мне, — печально сказал Ахмат. — Который уж раз берёт меня отец в поход. Куда едет, не говорит, брать еду не велит. А среди дня проголодается, с дороги собьётся и начинает меня ругать и бить — почему я голод его утолить не могу, и почему короткий путь не найду.

Выслушала его Салымхан и рассмеялась.

— Ах ты, бедняга, — говорит. — Ну, как это ты не понял слов отца!

— Понять легко, — говорит Ахмат, — выполнить трудно.

— Да если бы ты понял, — говорит Салымхан, — так и выполнить было бы нетрудно. Ведь отец не требовал от тебя ничего невозможного. Когда пожаловался он на голод, надо было тебе достать трубку, набить табаком

и дать ему закурить. Закурил бы он, — и забыл о голоде. Ведь не всегда у воина при себе сумка с едой, зато трубка и табак — всегда при нём. А когда попросил тебя князь укоротить дорогу, надо было тебе повести рассказ о славных делах, об испытанных людях, о том, что ты сам видел и что от других знаешь. Заслушался бы тебя князь, — и не заметил, как время идёт. Умная беседа сокращает путь.

А в это время старый князь стоял у стены дома и слушал, о чём говорят муж с женой. Услыхал он слова Салымхан и вздохнул с облегчением. «Не обманулся я в своей невестке, — подумал он. — Теперь, что бы ни случилось со мной, я могу не бояться за свой дом и свой народ».

И зажили они все в мире и покое. Да недолго длился мир и покой.

Напали на владения князя разбойники-чужеземцы, самого князя в плен взяли, сёла разорили, скот угнали.

Долго томился князь в темнице. И стал он просить своих сторожей, чтобы разрешили они ему повидаться с их предводителем Джиятиаром. Привели князя к Джиятиару.

— Ты хотел видеть меня? Что тебе нужно? — спросил Джиятиар.

— У меня есть просьба к тебе, — сказал князь.

— Говори! — приказал Джиятиар.

— Ты храбр и могуществен, — начал свою речь князь. — Ты властелин богатых селений и славного народа. Но ты молод. Послушай же старого человека. Мало что прибавится к твоему богатству и славе, если я буду сидеть у тебя в темнице. Но если ты освободишь меня, я дам тебе богатый выкуп.

— Чем же ты, несчастный, хочешь откупиться? Что есть у тебя такого, чего нет у меня? — спросил Джиятиар.

— Если ты освободишь меня, — сказал князь, — я дам тебе пятьсот баранов с кривыми рогами и пятьсот с

прямymi, пятьсот быков с прямыми рогами и пятьсот без рогов.

— Кто же поверит тебе, — засмеялся Джиятиар, — что ты приведёшь мне такое стадо? Что-то я не слыхал, чтобы на свете были бараны с прямыми рогами, а быки без рогов. Я хоть и молод, а не глуп.

— Если ты не веришь мне, — спокойно сказал князь, — давай сделаем так: я останусь здесь, а ты пошли своих гонцов к моему сыну. Пусть они скажут ему, какой выкуп должен он за меня дать.

— Хорошо, — согласился Джиятиар, — я пошлю своих гонцов. А ты останешься у меня заложником.

— Только не забудь сказать своим гонцам, — вспомнил вдруг князь, — что, когда придут они в мой дом, пусть первым делом возьмут топор, что лежит у самого входа, хорошенъко наточат его на осёлке и срубят средний столб, — тот, который подпирает крышу дома. Так было у нас условлено: если попаду я в беду и пришлю за выкупом, только тому верить, кто срубит средний столб посреди дома. Это и будет знаком, что мне нужна помощь, что если не выручат меня, — останется мой народ и моя семья без опоры, так же, как осталась без опоры крыша дома.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — засмеялся Джиятиар. — А если и после этого не пришлют за тебя выкуп, я отрублю тебе голову.

И, сказав так, он приказал своим гонцам отправляться в путь.

Приехали гонцы к дому князя и, не говоря ни слова, взяли топор, отточили хорошенъко и принялись рубить средний столб.

Увидел это Ахмат и чуть было не бросился на гонцов. Но во-время удержала его Салымхан. Терпеливо выждала она, пока пришельцы кончат свою работу, а потом пригласила их в дом, дала им помыть руки и усадила за стол.

Поели гости, подиши и тогда только сказали, зачем пришли.

Всю ночь ломал Ахмат голову, всё думал, как бы спасти отца. Да разве спасёшь его? Невозможного требуют гонцы.

На утро решил он созвать весь народ.

— Если не найдёте, — говорит, — пятьсот баранов с прямыми рогами и пятьсот баранов с кривыми рогами, пятьсот быков с прямыми рогами и пятьсот быков безрогих, не видать вам больше вашего князя.

Не знал народ, что и делать.

Быков с прямыми рогами и баранов с кривыми рогами найти не трудно. А вот где взять баранов с прямыми рогами, а быков без рогов? Таких и на свете нет. Может, согласится Джияткиар взять вместо них коров — они бывают безрогими, или коз — у них рога прямые.

Пошёл Ахмат к гонцам. А те и слушать ничего не хотят.

— Ваш князь, — говорят, — сам пообещал за себя такой выкуп. Уж, наверное, он знал, что говорит.

Так прошло три дня. Но ни одного барана с прямыми рогами, ни одного быка без рогов не нашлось во всем княжестве. Да и откуда им взяться? Нет таких на всем свете.

Тогда сказала Салымхан мужу:

— Позволь мне поговорить с твоим народом. Может быть, помогу я невозможное сделать возможным.

Опять собрал Ахмат своих подданных.

Вышла Салымхан к народу и сказала так:

— Да не обрушится ваш гнев на мою голову. Да простятся мне, слабой женщине, слова, с которыми я обращаюсь к вам, мужчинам. Я хочу помочь вам трудное сделать лёгким, невозможное — возможным. Вижу я, как бьётесь вы, чтобы выручить старого князя. Только нет вам удачи, потому что не можете вы найти ни баранов с прямыми рогами, ни безрогих быков. Но,

благодарение аллаху, нашему князю этого и не надо. Не об этом он просит. Просит он, чтобы собрали вы храброе войско, и чтобы пятьсот воинов были вооружены ружьями, — вот вам бараны с прямыми рогами, чтобы пятьсот воинов были вооружены саблями, — вот вам бараны с кривыми рогами, и чтобы ещё пятьсот воинов были вооружены копьями, — вот вам быки с прямыми рогами. И пусть это войско нападёт на Джияткиара и освободит князя силой. А когда наши враги будут побеждены, ещё пятьсот человек должны войти в их селение и отнять у них всё, что награбили они в наших домах. Этим оружие не нужно, — вот почему называет их князь безрогими быками. А чтобы могли вы напасть на разбойников нежданно-негаданно, чтобы не ушли они от вас, велит князь схватить всех гонцов. Тогда не удастся им предупредить Джияткиара, и будут они также бесполезны, как бесполезен срубленный ими столб.

Обрадовался народ, услыхав слова Салымхан.

Часа не прошло, как уж собралось в поход войско.

Дня не прошло, а уж вернулось оно с победой.

Впереди войска шёл сам князь, а позади шли пленные со своим предводителем Джияткиаром.

ДЖАМХУХ-СЫН ОЛЕНЯ

(Абхазская сказка)

Давно это было.

Жил на свете охотник по имени Хапар.

Однажды отправился Хапар со своими друзьями на охоту. Долго ходили охотники по лесу, а никакая добыча им не попадалась. Но с пустыми руками нет охотникам обратной дороги, вот и шли они всё дальше и дальше в лес, пока не дошли до зелёной лужайки.

Видят — посреди лужайки лежит, греется на солнце олениха с оленятами.

Обрадовались охотники. Осторожно, чтобы ветка не хрустнула, чтобы лист не зашуршал, стали подбираться к оленю. В обход зверя идут. Хапар — впереди всех.

И вдруг увидел Хапар среди оленят мальчика. Маленького голого мальчика.

С оленятами он играл, будто сам был оленёнком, и оленята, видно, не считали его человеком, а старая олениха кормила его своим молоком, словно он был её родным детёнышем.

Очень удивился Хапар, увидев такое диво, и захотелось ему поглядеть поближе на этого мальчика.

Приказал он охотникам не стрелять, а сам, не таясь и не скрываясь, вышел на полянку.

Завидя человека, олениха с оленятами стрелою понеслись в глубь леса. Побежал с ними и мальчик. Быстрые ноги были у него, а всё же две ноги с четырьмя не сравняются, — отстал он от оленей. Догнал его Хапар и увёл к себе домой.

Дом у Хапара был хоть и богатый, да пустой — ни жены, ни детей, ни другой какой родни.

Скучно было Хапару жить одному, вот и решил он оставить мальчика у себя.

Отца-мать своих мальчик не знал, роду-племени своего не ведал, языка человеческого не слышал. Вскормил его олень, лес был его домом, земля — постелью.

Хапар одел его в человеческое платье, научил человеческому языку, дал ему имя Джамхух, что значит — сын оленя.

И пошла слава про Джамхуха — сына оленя по всем горам и ущельям, потому что был он смелый и красивый, ум имел быстрый, сердце — храбре, глаз — острый, руку — точную.

Очень полюбил старый охотник Джамхуха, роднее родного сына стал он ему, и жили они в мире и дружбе до конца дней Хапара.

Перед смертью подозвал старый охотник к себе Джамхуха и сказал ему так:

— Пришел мой последний час, Джамхух. Возьми ключи от всех моих сундуков и ларей, будь теперь хозяином моего дома. Всё, что есть у меня, всё твоё. Одного только сундука не открывай, прошу тебя, — того, что стоит в подземелье. Там хранится изображение красавицы, сестры семи братьев-великанов, что живут в восточной стороне. Кто посмотрит на неё, — всё на свете забудет, а кто пойдёт искать её, — за своей

смертью пойдёт. Было у меня три сына, — все сложили за неё свои головы. Ты мне всё равно что родной сын. Послушайся же моего совета, не открывай сундука, не приближай дня своей гибели.

Сказал так старый охотник и умер.

И вот остался Джамхух хозяином его сокровищ. Только ни на что даже смотреть он не хотел, ничего ему не нужно было, кроме того сундука, где хранилось изображение красавицы.

«Может, и пропаду я, если взгляну на эту красавицу, — подумал Джамхух, — да ведь если не увижу ее, тоже пропаду».

Подумал так, спустился в подземелье и открыл зажетный сундук. На горе себе открыл он этот сундук. Такую красавицу увидел, что обо всём на свете сразу позабыл. И дал он себе клятву найти её, где бы она ни была.

Заткнул Джамхух за пояс свой кинжал и пошёл через леса и горы, через реки и долины — прямо на восток, туда, где в замке семи братьев-великанов жила красавица.

Много дней шёл Джамхух, много ночей шёл.

И вдруг попался ему на пути человек. Шёл этот человек по полю и лопатой выворачивал землю. Выворотит целую глыбу — и в рот. Выворотит — и в рот. И сколько ни ест, всё ему мало.

— Ох, совсем я с голоду ослаб, — стонет. — Совсем не жирная земля, — плачет. — Один песок с глиной.

Удивился Джамхух, глядя на него, и говорит:

— Первый раз в жизни встречаю такого ненасытного человека. Скажи пожалуйста, кто ты такой?

— Не понимаю, чему ты удивляешься, — сказал неизнакомец. — Я самый обыкновенный Объедало, и не так уж много я съел — всего половину поля. Вот если бы ты встретил Джамхуха — сына оленя, тогда и вправду было бы чему дивиться.

— Джамхух — сын оленя, — это я — сказал юноша, —

но я даже комка земли не мог бы проглотить, а ты съел половину поля.

— Если ты Джамхух, — сказал незнакомец, — позовь мне быть твоим товарищем и спутником, куда бы ты ни шёл, какое бы дело ни задумал.

И, проглотив последний комок земли, он отправился вместе с Джамхухом в путь.

Скоро дошли они до реки. Видят — стоит в воде человек, раскрыл рот — и вода ему прямо в горло льётся.

Всё мельче и мельче становится река. А он всё пьёт и пьёт, и никак напиться не может.

— Ох, совсем горло пересохло, — жалуется. — Где бы ещё воды достать?

— Неужто тебе мало этой реки? — удивился Джамхух. — Кто ты такой, что целую реку выпил, а напиться не можешь?

— Я самый обыкновенный Опивало, и удивляться тут нечего, — ответил человек. — Вот если бы ты увидел Джамхуха — сына оленя, тогда и верно было бы чему дивиться.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша. — Только мне и ведра воды было бы много, а тебе целой речки мало.

— Если ты Джамхух, я готов быть твоим товарищем, куда бы и зачем бы ты ни шёл, — сказал Опивало. И, допив речку до дна, он вышел на берег.

Втроём пошли они дальше.

Шли, шли и видят — пасётся на горном склоне заячье стадо. Тут же, около стада, пастух прохаживается. К ногам пастуха привязаны тяжёлые мельничные жернова, а он их словно не замечает. И чуть какой заяц бросится в сторону, пастух только шаг сделает — и уже догнал беглеца.

— Вот чудак! — воскликнул Джамхух. — Зачем ты привязал к ногам такую тяжесть?

— Разве это тяжесть? — усмехнулся парень. — Без этих жерновов я и минуты не устоял бы на месте, ноги

сами унесли бы меня на край света. А какой же это пастух, если он от своего стада убегает? Да ты не удивляйся. Я ведь Скороход, самый обыкновенный Скороход. Таких, как я, много. А вот говорят люди, что есть на свете Джамхух — сын оленя. Вот его бы увидеть, тогда было бы чему удивляться.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша, — но я не смог бы и шагу ступить, если бы к моим ногам привязали такие тяжелые жернова.

— Если ты Джамхух, позволь мне быть твоим товарищем и помощником, — сказал Скороход. И он двинулся вместе со всеми в путь, прицепив к ногам ещё по одному жернову, чтобы не забегать вперёд.

Шли они, шли и видят — стоят на дороге два человека и смотрят в небо.

— Что это вы в небе высматриваете? — спрашивает их Джамхух.

— А разве ты не видал, как там, на седьмом небе, коршун за голубем гонялся? Мой товарищ подбил его, и теперь мы ждём, пока добыча упадёт на землю. Да это что! Голубя и слепой увидит. А вот вчера комар в лесу крыльшко потерял, так я это крыльшко нашёл, а мой товарищ его на место вправил, и летает этот комар опять как ни в чём не бывало.

Удивился Джамхух.

А человек говорит:

— Что ж тут особенного? Не был бы я Остроглазый, а он Ловкорукий, если бы мы не могли справиться с такими делами. Тут удивляться нечему. Видно, ты ничего не знаешь про Джамхуха — сына оленя, если удивляешься, глядя на нас.

— Джамхух — сын оленя — это я, — сказал юноша, — но я не могу похвальиться ни такими острыми глазами, ни такими ловкими руками.

— Если ты Джамхух, мы будем твоими руками и глазами, — сказали они и вместе со всеми двинулись в путь.

Опять идут. Через леса и горы идут, через долины и реки идут.

И вдруг видят — лежит на дороге человек, приложив ухо к земле, и что-то слушает.

— Что ты делаешь тут? — спросил его Джамхух.

— Подожди, подожди, — замахал руками человек. — Ты мешаешь мне слушать. Далеко под землёй спорили два муравья. Я хотел узнать, из-за чего у них спор вышел.

— Что за удивительный человек! — воскликнул Джамхух. — Мы не слышим, о чём говорят люди в соседнем доме, а он слышит, о чём спорят муравьи под землёй.

— Ну что тут особенного, — сказал человек. — Просто у меня большое ухо. А вот если кто достоин удивления среди живущих, так это Джамхух — сын олена.

— Джамхух — сын олена — это я, — сказал юноша, — но я не стал бы состязаться с тобой в твоём искусстве.

— Если ты Джамхух, — сказал Большеухий, — позовь мне быть твоим товарищем и спутником.

И, не дослушав, чем кончится муравьиный спор, он вскочил на ноги и пошёл со всеми.

Теперь уже семеро идут — Джамхух и его товарищи: Объедало, Опивало, Скороход, Остроглазый, Ловкорукий и Большеухий.

Вперёд и вперёд идут, прямо на восток, туда, где в замке братьев-великанов живёт красавица.

И вот, наконец, увидели они этот замок. Дорога к нему человеческими костями вымощена, ограда вокруг него человеческими черепами украшена. Но не испугались Джамхух и его товарищи, не повернули назад, а смело вошли в замок.

А как раз все братья-великаны в сборе были. Все за столом сидели, точно поджидали Джамхуха.

И с ними вместе сидела их сестра.

Сердце замерло у Джамхуха: так она была прекрасна.

Стоит Джамхух, взора отвести от неё не может.

А великаны смотрят на Джамхуха и его товарищей и облизываются.

«Хороший будет у нас сегодня ужин, — думают, — каждому братцу по молодцу».

Наконец, поднялся старший великан навстречу гостям и говорит:

— Пусть будет счастлив ваш приход, дорогие гости. Кто вы, откуда и куда путь ваш лежит?

Тут поклонился Джамхух великанам и говорит:

— Привет вам. Я — Джамхух — сын оленя, а это мои товарищи, верные мои спутники. Пришёл я свататься к вашей сестре. Говорите, какой выкуп желаете получить за неё?

Усмехнулись великаны.

— Выкупа нам не надо. Богатства у нас своего довольно. Только не можем мы выдать нашу единственную сестру за первого встречного-поперечного. Покажешь свою силу-ловкость, сестра твоей будет, а мы к тебе в служение пойдём, не покажешь — милости просим и тебя и твоих товарищ к нам на ужин.

— Ладно, — говорит Джамхух. — Пусть будет по вашему. Говорите, в чём хотите меня испытать.

Тут старший великан и говорит:

— Вот в углу лежит камешек, — и показывает на обломок скалы в три обхвата. — Если расколешь его своим кинжалом, значит достоин ты нашей сестры.

Услышала красавица слова брата, и жаль ей стало Джамхуха. «Ах, — думает, — не разрубить этому прекрасному юноше камня, пока не обмотает он своего кинжала волоском из моей косы».

Не успела красавица и в мыслях своих сказать это, а Большехуй уже услышал её слова, а Ловкорукий уже выдернул из её косы волосок и дал Джамхуху. Обвил Джамхух этим волоском свой кинжал, размах-

нулся и с одного раза расколол камень, словно яйцо разрезал.

Растерялись великаны, не знают, что и сказать.

Наконец, старший говорит:

— Что до меня, вижу я, что ты и вправду молодец. Не знаю вот, что братья скажут.

Стали тут братья испытывать Джамхуха на все лады, каждый по-своему. Один говорит:

— Хочу я посмотреть, будет ли нам Джамхух достойным сотрапезником. Принесите-ка ему кабанью тушу, пусть съест.

Принесли слуги тушу кабана. Да не успели оглянуться, а её уже нет. Объедало её целиком проглотил.

Тогда другой брат-великан говорит:

— Видим мы, что ты умеешь поесть, а вот покажи-ка теперь, как ты пьёшь! — И приказал поставить перед Джамхухом бочку вина.

Вкатили слуги огромную бочку. Да не успели открыть её, а она уже пустая — Опивало её одним глотком осушил, — только губы себе обмочил.

Совсем перепугались братья-великаны. А виду не показывают.

— Ну, — говорят, — пить-есть ты герой. Покажи-ка нам теперь, какой ли ты быстрый на ноги, как на еду. Тут недалеко озеро есть. Простому человеку туда не деля ходьбы, ну, а ты, верно, до заката солнца успеешь и на озере побывать и к нам вернуться.

— Что ж, — говорит Джамхух, — я готов. Только скучно мне бежать одному. Кто из вас со мной побежит?

Смотрят великаны друг на друга, не знают, что и ответить. Не хочется им бежать с Джамхухом.

— Мы с тобой пошлём нашего слугу Быстрохода, — говорят наконец.

— Ладно, — говорит Джамхух. — Только тогда уж и я вместо себя своего слугу пошлю. Не пристало мне с вашими слугами состязаться, вперегонки с ними бегать.

Ничего не поделаешь, пришлось великанам согласиться.

А тем временем Скороход снял жернова с ног, сделал шаг — и только его и видели! Быстроход за ним бегом бежит, и вприпрыжку, и вприскочку, а догнать не может. Прибежал к озеру чуть живой, еле дышит, на ногах не стоит.

А Скороход, как ни в чём не бывало, по берегу прогуливается, его поджидает.

— Ты чего это, — говорит Скороход Быстроходу, — так медленно плетёшься? Я пока ждал тебя, уже выкупаться успел.

Понял тут Быстроход, что без обмана никак не обойтись, и говорит:

— Вот что, друг. Мне за тобой, конечно, не угнаться, а тебе спешить некуда. Давай посидим, отдохнём, а потом в обратный путь двинемся.

Скороход и поверил ему. Лёг на бережку, на солнышке греется, птиц в небе считает. А хитрый Быстроход вытащил из кармана колдовскую дудочку, сел рядом со Скороходом и давай в самое ухо ему наигрывать. Играли, играл, пока Скороход под эту музыку не заснул.

Тут Быстроход как даст ходу! Без оглядки бежит, боится, как бы не проснулся Скороход.

А тем временем в замке братьев-великанов хозяева и гости на солнце посматривают, своих посланных ждут.

И вдруг насторожился Большехуй, недоброе что-то почуял. Вышел во двор, лёг на землю, слушает. Так и есть! Спит Скороход крепким сном, даже похрапывает. А Быстроход через леса и горы шагает. Всё ближе и ближе шаги его слышны.

Кликнул тут Большехуй своих товарищей — Остроглазого и Ловкорукого. Один высмотрел, где лежит Скороход, а другой взял камешек, прицелился, да и метнул в него.

Вскочил Скороход, точно кто встряхнул его во сне. Видит — Быстрохода и след простыл, а солнце уже к закату клонит. Понял он тут, что обманули его, да горевать некогда, надо время навёрстывать.

Отряхнул он песок с пяток, чтобы ни одна песчинка его не задерживала, весу ногам не прибавляла, и пустился шагать. От быстрой ходьбы ноги у него как огонь стали. На горы ступит — искры из камней сыплются, в воду ступит — пар к небу поднимается.

У самых ворот догнал он хитрого Быстрохода, перешагнул через него и вбежал в замок. Ухватился за выступ стены, едва на месте стоит. Уж до того разошлись у него ноги, что сами так ходуном и ходят, вперёд несут.

А следом за Скороходом, Быстроход тащится. На хозяев даже взглянуть не смеет. Знает, что несдобровать ему. И верно — мрачнее чёрной ночи стали великаны. От их гнева потемнело всё вокруг. Только сестра их, красавица, от радости вся точно сияет.

Сидят великаны, думают, как бы им от Джамхуха избавиться. Думали, думали, и, наконец, надумали.

— Должен ты, — говорят они Джамхуху, — пройти ещё одно испытание. Видишь, посреди двора стоит шест? Так вот поставь на голову чашку с водой и взберись-ка на этот шест. Если прольёшь хоть одну каплю, не видать тебе ни сестры, ни белого света. Не прольёшь — ступай на все четыре стороны и бери с собой молодую жену.

— Ладно, — говорит Джамхух. — Согласен.

Поставил он чашку с водой на голову и полез на шест. До самого верха добрался, ни одной капли не уронил. А шест высокий был. Как на ладони видны оттуда все горы и ущелья.

И вдруг увидел Джамхух далеко-далеко в горах олениху, вскормившую его. С целой стаей волков билась олениха. Храбро билась, да одолели её волки, повалили на землю и растерзали в клочья.

От горя сжалось у Джамхуха сердце, и слёзы пошлились из его глаз. А великаны увидели капли, упавшие на землю, и обрадовались. «Ну, — думают, — теперь-то мы отделались от тебя!»

И не успел Джамхух спуститься на землю, обступили великаны его со всех сторон и говорят:

— Хоть и смел ты, и умён, и ловок, а всё-таки придётся тебе расстаться с жизнью. Не наша вина, что пролил ты воду!

— Неправда, — говорит Джамхух, — ни одной капли воды я не пролил, полна чаша до краёв!

— А это что-же? — спрашивает старший брат-великан и показывает Джамхуху тёмные влажные пятна на песке.

— Не вода это, — говорит, — это слёзы из моих глаз.

— Сейчас узнаем, — говорит великан.

Нагнулся он, взял щепотку мокрого песку и положил себе в рот. И сразу точно передёрнуло его — горьким и горячим был этот песок, потому что горькими и горячими слезами плакал Джамхух.

— Твоя правда, — говорит великан, — твоё счастье. Вижу я, что нам тебя не переспорить. Бери же нашу сестру себе в жёны, а мы будем твоими слугами. А сейчас давайте пировать, обручение твоё праздновать.

Семь дней шёл в замке пир. До отвалу все ели, до отказу пили. Только Объедало голодным из-за стола встал, да Опивало напиться не успел.

ЖАДНЫЙ КНЯЗЬ

(Эвенкская сказка)

В тайге услышал бедный охотник крик. Поднялся на гору и увидел: жёлто-пёсткая змея дерётся с медведем. Медведь стал просить охотника:

— Помоги! Я тебя вечно кормить буду...

Змея зашипела:

— Мне помоги! За твою помощь — чудесное покажу!

Охотник подумал: «Помогу змее, невиданное увижу». Медведя застрелил.

— Садись на мою спину, я тебя под воду свезу и покажу чудесное, — сказала змея.

Охотник сел, змея полетела с ним в своё подводное царство. Вошли они в пещеру, всё вокруг сияло алмазами и золотом. Закрыл охотник глаза рукой и закричал:

— Ты меня, змея, ослепила!

Она ответила:

— Возьми подарок, беги!

Схватил охотник подарок, сунул его за пазуху и убежал.

В пути стал рассматривать подарок — золотую табакерку. Открывал, открывал её, открыть не мог, рас-

сердился и бросил на землю. Табакерка ударила о пень, раскрылась, появился стол, а на нём — дорогие кушанья. Охотник наелся, взял табакерку, спрятал её в мешок и пошёл. «Теперь я всегда буду сыт» — подумал он. Дома он рассказал о своём счастье. Услышал злой князь, призвал охотника, ногами на него затопал.

— Зачем бедняку золото? Давай сюда!

Табакерку отобрал, а охотника выгнал. Ушёл охотник в далёкую тайгу, сел на пенёк и заплакал. Упала одна слеза в мох — выросли золотые ягодки, упала другая в траву — выросли серебряные ягодки. Съел он золотую ягодку, и на его голове выросли рога. Тогда он съел серебряную ягодку, и рога стали уменьшаться и отпали. Набрал охотник золотых ягод и пришёл ко князю.

— Возьми золотые ягодки! Зачем бедняку золото!

Обрадовался князь, золотые ягодки забрал, а охотника выгнал. Прошло много лет. На голове князя выросли большие рога и к земле его придавили. Несколько раз посыпал он своих слуг, чтобы отыскали они того бедного охотника. Долго они по тайге ходили, охотника искали, кое-как нашли и привели к князю. Он рогатой головой качает и спрашивает охотника:

— Не знаешь ли, как вылечить — рога снять?

— Отдай мою табакерку — излечу!

— Возьми, только вылечи!

Дал охотник князю горсть серебряных ягодок, он схватил их и с жадностью все съел. Рога отпали вместе с головой князя. Взял охотник табакерку и ушёл в тайгу, а князь плачет: у него вместо головы пенёк от рога торчит...

КАМЕННАЯ ЧАША

(Эвенкская сказка)

Жил-был могучий богатырь, славный эвенк Маклача. Сильнее его не было на земле. Идёт по тайге Маклача и путь левой рукой расчищает. Стоит сосна столетняя, дёрнет её за вершину Маклача, и валится она к его ногам. Стоит гора, белой шапкой облака подпирает, каменными ногами в землю вросла, а Маклача подойдёт, толкнёт её плечом, и гора перед ним упадёт ровной поляной. Течёт река, зелёной волной о берег играет, пески золотые несёт по дну. Подойдёт Маклача к той реке, свалит в неё скалу, и отойдёт с плачем река в сторону.

Увидел сила-богатырь Маклача красавицу Алачар и загорелись его глаза, как два солнца. Поклонился Маклача низко и сказал красавице:

— Алачар, я хочу, чтоб твоя щека прильнула к моей щеке, чтоб твои глаза смотрели в мои глаза, чтоб тонкие пальцы заплетали в тугую косичку мои чёрные волосы...

И сказала та красавица, равной которой на свете никто не видал:

— Сила-богатырь, славный Маклача, разрежь своим ножом вот эту гору, в ней спрятано счастье эвенков!

Схватил нож Маклача и вонзил его в самое сердце горы. Скрипнул нож, огненные искры метнулись злой молнией. Не мог Маклача разрезать гору, только кромку от неё срезал. И заплакала та гора слезой, прозрачной, как небо. А Маклача схватил отрезанный кусок горы, поднял его над головой и бросил вниз. Ударился кусок горы о землю, громом охнула по тайге, и образовалась каменная чаша. Алачар сказала:

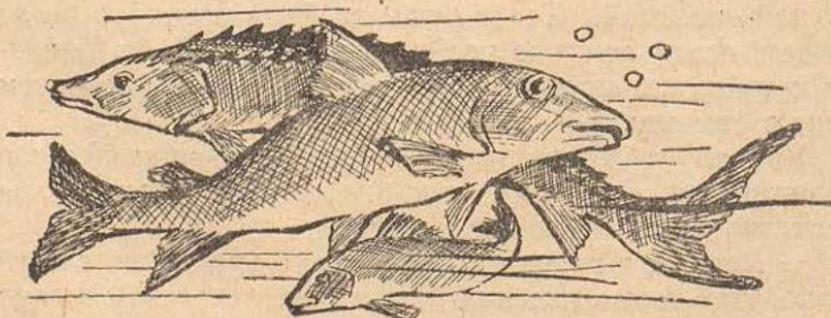
— Видно, очень глубоко спрятано счастье эвенков. и есть на земле богатырь сильнее тебя...

Маклача побелел, как берёста, схватил красавицу Алачар, прижал её к своему сердцу и бросился вместе с ней с высокой горы прямо в каменную чашу.

Пряталось солнце, и каменная чаша наполнялась кровью Алачар и Маклача.

Сильный был богатырь Маклача, но один не мог дать счастье эвенкам. Приходили богатыри и сильнее его и тоже не могли ничего сделать. Собрались эвенки со всей тайги и столкнули гору в море. Каменная чаша стала Белым озером, переполнилась рыбой.

Зажили эвенки счастливо.

МАНГИ ДОРОМГО

(Эвенкская сказка)

Это было очень давно, когда вновь созданная земля лишь впервые заселялась её обитателями.

Ни тех людей, которые заселяют нашу землю, ни тех животных, на которых охотятся люди, ещё не было на вновь созданной земле, а жили особенные люди — великаны, и такие же, непохожие на теперешних животных, звери.

Великаны охотились на этих чудовищных зверей и жили по берегам больших рек и озёр. Они легко достигали до края земли, где в неё упирается хрустальный свод неба, находили «хангар» — отверстие, по которому выходил на небесный свод всемогущий. Место нахождение этого отверстия знал лишь он да его враг Орумо и огромная птица Дегивки, а также могли находить его и герои-великаны.

В то отдаленное время на земле жил один великан со своим семейством: с женой и дочерью. Жили они хорошо и спокойно и ждали появления на свет нового члена семьи. Вот настало время и великансша

родила особенного сына, с тремя глазами на лбу. Сына назвали Манги Доромго.

Мальчик рос не по дням, а по часам и в раннем своем детстве проявил все качества хорошего охотника. Сочетая в себе быстроту и сметливость, он способен был ловить не только зверей, но и птиц: поймает зверя или птицу, подкрутит добыче голову и в таком виде приносит домой, — зверь или птица от этого не умирает, а поэтому и не портится, а добывать соль великаны ещё не умели. Отец с матерью не нарадуются сыном.

Однажды сестра попросила своего брата взять её с собою на охоту:

— Я хочу видеть, как ты ловишь зверей.

— Хорошо, я возьму тебя, но сомневаюсь — поймёшь ли ты это искусство! — сказал брат.

Отправились они на охоту. Тщетно брат объяснял сестре свои охотничьи приёмы, — она никак не могла понять. Брат решил показать это на ней самой: подкрутил ей голову и вместе со своей добычей принёс к родительскому жилищу. Мать, разбирая добычу сына, увидала среди дичи нечто похожее на свою дочь, подозвала отца и сказала:

— Смотри: это как будто походит на нашу дочь!

Отец признал дочь, освободил ей голову, и дочь пришла в чувство. Отец пообещал строго наказать сына. Сын слышал всё это и решил бежать из родительского дома.

Он пошёл к краю земли; очень скоро достиг хрустального свода; нашёл «хангар» и взобрался на небо. Пройдя на своих лыжах по небесному своду, он напал на след лосихи с телёнком, и тут же увидел следы охотников. Догнал их: один из них был с котелком и очень уже хвастал, как он первым убьёт лосиху и лосёнка и к приходу остальных наварит мяса; другой был скромнее своего товарища и опасался, что им в эту ночь не удастся увидеть добычу, к тому же они были без лыж.

Посоветовавшись, охотники отправились. Тем временем Манги Доромго быстро пересек на своих лыжах небесный свод и перед полночью увидал лосиху с левой стороны; натянул свой лук, оснащённый двухконечной стрелою, и пустил стрелу под левую лопатку лосихи. Лосиха упала, а лосёнок с испугу бросился бежать, угодил в отверстие небесного свода, упал на землю и от него пошли на земле теперешние лоси. Манги Доромго освежевал зверя и только после этого пришли те два охотника. Они наелись лосины, а затем расстались с удалым охотником — Манги Доромго.

И теперь люди могут видеть на небе след от лыжни этого великаны (млечный путь), лосиху (четыре звезды Большой медведицы), лосёнка (пятую звезду созвездия), двух охотников (шестую и седьмую звёзды созвездия), а самого трехглазого охотника Манги Дорогомы мы видим на другой стороне небесного свода (созвездие Ориона).

* * *

Охотясь за ценными зверями и сгоняя их к отверстию небесного свода, Манги Доромго населял земные леса их обитателями. Однажды, находясь недалеко от середины неба, он увидал шатёр. Вошёл в него, а там жила старушка — владычица земли со своей дочерью.

Манги Доромго женился на дочери этой старухи и счастливо зажил на небе.

Долго жил и охотился на небе Манги Доромго и, наконец, соскучился по земной жизни; захотелось увидеть место, где он родился, увидеть родителей и сестру, но он боялся оскорбить свою тёщу и оставить красавицу жену. Тоска по земле была настолько сильна, что он, уходя на охоту, ложился к отверстию и подолгу смотрел на землю и при этом горько плакал. Тёща заметила, что неладное творится с её зятем; она увидела красные от слёз глаза.

Однажды тёща спросила, что у него с глазами. Зять сказал, что когда он охотится, то вершины земных

деревьев хлещут его по глазам, и оттого они у него красные. Тёща взяла ремни и пошла наказывать земные деревья. Деревья взмолились и открыли всю правду.

— Мы не виноваты, это он свешивается здесь у отверстия и плачет по земле.

Возвратившись в шатёр, тёща упрекнула своего зятя, что он скрыл от неё причину своей тоски.

— Возьми осьминогого коня с копьевидными копытами и завтра же съезди на землю.

Неспокойно спал ночь Манги Доромго, едва дождался рассвета. Как только занялась заря, он поймал осьминогого коня, оседлал его и, громыхая, помчался по небесному своду. Достиг земли, но здесь для небесного коня путь оказался трудным: его копьевидные копыта глубоко увязали в землю.

На месте стоянки родителей росли вековые деревья и врос в землю родной балаган. Манги Доромго прикутил к сосне цепью своего коня и тихонько подошёл к балагану. Здесь он увидал нечто необычайное: его сестра превратилась в великаншу, съела своих родителей и их челюстями ворожила о приходе брата, чтобы отомстить ему за случай на охоте. Если челюсть падала зубами вверх, то она, как безумная, хохотала и радовалась, а если челюсть падала зубами вниз, то она сердилась и плакала.

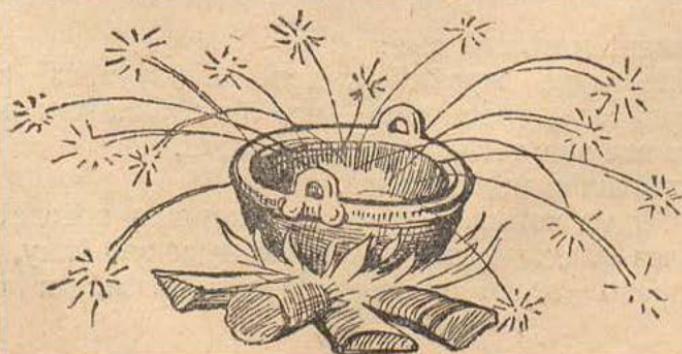
Манги Доромго вошёл в балаган. Сестра обрадовалась появлению брата, она подумала: наконец-то её заветная мечта о мести будет осуществлена,—и подготовила ему обед. Долго длилось угощение. Сестра постелила постель, предложила брату отдохнуть с дороги, а сама положила себе под голову большой камень и стала ждать, когда он заснёт. Брат спал двумя глазами, а третьим следил за сестрой. Перед утром сестра заснула, а брат нашёл в балагане рыбий клей, завёрнутый в берёсто, подогрел его около огня и легонько мазнул kleem по глазам сестры, а сам быстро вышел. Отвязал поспешно своего коня и поехал

обратно. Сестра проснулась, с трудом прордала глаза и бросилась в погоню за братом. Вот уж близок край земли, осьминогий конь выбивается из сил под тяжестью седока, а сзади, пожирая пространство, за ним гонится сестра. Примчался измученный конь к отверстию в небе, заскочил на небесный свод и, далеко позади оставил великаншу (она с трудом в своих унтах шла по скользкому своду).

Манги Доромго подъехал к шатру и сообщил тёще, что за ним гонится его сестра-великанша; если не принять мер, то будет плохо. Тёща успокоила зятя, приказала по дороге к шатру разложить костры и в больших котлах расплавить металлы: золото, серебро, медь, олово, свинец, а сама пошла навстречу великанше.

Три дня и три ночи боролась владычица земли с великаншей. На четвёртый день они приблизились к котлам с расплавленными в них металлами. Тут владычица земли повалила великаншу в котёл с расплавленным золотом, великанша дико вскрикнула и ослабла, а владычица земли воспользовалась этим и поочередно погрузила её во все котлы. Великанша, не помня себя, вырвалась из рук владычицы земли, добежала до отверстия, спрыгнула на землю и разбрзгала на мелкие куски, которые разлетелись в разные стороны, разбросав по всему лицу земли все металлы.

Вот почему золото, серебро, медь, свинец и олово люди находят не в одном месте, а в разных местах.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК ЯГ-МОРТ

(Сказка народов Коми)

Было у одного охотника три сына. Вот пошёл отец с сыновьями на охоту — белок и рябчиков бить.

Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий. Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда — не стало у них огня.

Морозы стоят крепкие, сварить мясо не на чём, спать холодно.

— Давайте жребий кидать, — говорит отец сыновьям. — Кому выпадет, тот и пойдёт домой за огнём.

А домой итти далеко, и снегу выше колена навалило.

Говорит младший сын:

— Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю — нет ли поблизости жилья. Если нигде нет, тогда надо домой итти.

Похвалил отец младшего.

— Ты толковый, — говорит, — хорошо посоветовал.

Полез младший сын на самую высокую ёлку, смотрит вправо — влево, смотрит вперёд — назад и видит:

далеко в лесу, словно волчий глаз, светится огонёк.

Слез он с ели и говорит братьям:

— Вот там-то и там-то огонь светится, — наверно, жильё есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Смотрят, — правда, светится вдалеке огонёк.

Слезли они с дерева и стали спорить, кому за огнём итии.

Отец говорит:

— Пусть старший идёт, он самый сильный, он скорее всех огонь принесёт.

Хорошо. Взял старший ружьё и пошёл. Напрямик пошёл, а целый день в пути был.

— Вдруг видит — лежит на дороге чугунный горшок.

— Ты куда идёшь? — спрашивает горшок.

— За огнём.

— Вернишь лучше, не ходи, — говорит горшок. — Обожжёт тебя огонь.

— Авось не обожжёт, — говорит старший охотников сын. И пошёл дальше.

Попадается ему на дороге берестяной шердын.

— Ты куда идёшь? — спрашивает шердын.

— За огнём.

— Вернишь лучше, не ходи, — говорит шердын. — Обожжёт тебя огонь.

— Авось не обожжёт, — говорит старший охотников сын. И дальше пошёл.

Лежит на дороге толчей.

— Ты куда идёшь? — спрашивает толчей.

— За огнём.

— Не ходи лучше, вернишь, — говорит толчей. — Обожжёт тебя огонь.

— Авось не обожжёт, уберегусь, — говорит старший охотников сын.

Он опять пошёл дальше.

Лежат на дороге грабли.

— Ты куда идёшь? — спрашивают грабли.

— За огнём.

— Не ходи лучше, вернись, — говорят грабли, — обожжёт тебя огонь.

— Авось не обожжёт, цел буду, — говорит старший охотников сын.

И опять пошёл дальше.

Шёл, шёл, видит — стоит избушка. Дверь открыта. В каменке огонь едва-едва теплится. А хозяина нет.

Начал старший охотников сын дрова подбрасывать, огонь раздувать.

И вдруг над самым его ухом проговорил кто-то хриплым голосом:

— Ты что здесь делаешь?

Вскочил парень, — смотрит — перед ним старик стоит: борода до полу, зубы словно колья торчат, руки точно крючья висят. Ну прямо леший! А это он самый и был — лесной человек Яг-морт.

— Ты зачем мой огонь трогаешь?

— Хочу себе взять, — говорит старший охотников сын.

— А тебе горшок по дороге попался? — спрашивает лесной человек Яг-морт.

— Попался.

— А шердын попался?

— Попался.

— А толчея попалась?

— И толчея попалась.

— А грабли попались?

— И грабли попались.

— А что они тебе говорили?

— Говорили, чтобы я вернулся.

— А ты почему их не послушался? Знаешь, что это за горшок? — спрашивает Яг-морт и зубами скрипит.

— Горшок как горшок, чтобы мясо варить, — отвечает старший охотников сын.

— Вот и врёшь,— говорит лесной человек Яг-морт.— А что за шердын, знаешь?

— Простой шердын,— отвечает охотников сын,— чтобы муку держать.

— Вот и врёшь,— говорит лесной человек Яг-морт.— А что за толчея знаешь?

— Как не знать! Толчея и есть толчея — зерно толочь,— отвечает старший охотников сын.

— Вот и врёшь,— говорит лесной человек Яг-морт.— А что за грабли, знаешь?

— Чего тут не знать! Эка невидаль — грабли!

— Ничего-то ты не знаешь,— говорит ему лесной человек Яг-морт.— Ну, за это я тебя сейчас пропучу.

Схватил он старшего охотникова сына за волосы, пригнул к полу, зажал между ногами и вырезал у него из спины ремень шириной в ладонь.

Едва вырвался от лешего старший охотников сын, а уж как вырвался,— бросился бежать без оглядки. Про головню и думать забыл.

Пришёл к отцу и братьям едва живой.

— Огонь принёс? — спрашивает отец.

— Какой там огонь! Сам едва жив остался. Чуть не задушил меня леший.

А про спину молчит, только поёживается.

Рассердился отец, послал среднего сына за огнём.

Проходит день, и этот без огня возвращается, да и без пальцев на ноге. Оторвал ему пальцы лесной человек Яг-морт.

Только про это молчит средний охотников сын, а как ступит на ногу, весь скрючится.

Смеётся младший брат над старшими.

— Ну что вы за охотники,— говорит.— Лесного человека испугались. Вы бы прибили его, а потом и огонь унесли.

— Вот ты сам и сходи,— говорят братья.— И тебе достанется.

— Что ж, пойду, — говорит младший.

Взял ружье, взял топор и отправился в путь.

Шёл, шёл, видит — лежит на дороге горшок.

— Ты куда идёшь? — спрашивает горшок.

— За огнём.

— Вернись лучше, не ходи, беду наживёшь, — говорит горшок.

— Не пугай, не боюсь, — отвечает младший охотников сын.

И дальше пошёл.

Попадается ему на дороге шердын.

— Ты куда идёшь? — спрашивает шердын.

— За огнём.

— Вернись, не ходи, обожжёт тебя огонь, — говорит шердын.

— Был бы только огонь, а уж я с ним управлюсь, — отвечает младший охотников сын.

И дальше пошёл.

Попадается ему на дороге толчея.

— Ты куда идёшь? — спрашивает толчея.

— За огнём.

— Не ходи, вернись, а то худо будет, — говорит толчея.

— Без огня ещё хуже, — говорит младший охотников сын.

И дальше пошёл.

Попадаются ему на дороге грабли.

— Ты куда идёшь? — спрашивают грабли.

— За огнём.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь, — говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь, — отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошёл.

Дошёл до избушки, входит, там сам лесной человек Яг-морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живёшь-поживаешь, добрый человек, — говорит младший охотников сын. — Не пустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришёл. Ты горшок на дороге видел?

— Видел, — говорит младший охотников сын. — И шердын видел, и толчею видел, и грабли.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Что за шердын, что за грабли, что за толчая, знаешь?

— Знаю, — отвечает младший охотников сын. — Горшок — твоя голова, шердын — твоё тулово, грабли — твои руки, толчая — твои ноги. Если не пустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

— Ну, вижу я, что ты больно умный, — говорит лесной человек. — Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них всё небывалое, а бывалое скажешь — волосы выдеру.

— Ладно, слушай, — говорит младший охотников сын. — Только если перебьешь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

— И то ладно, — говорит лесной человек Яг-морт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец, долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. «Почему же это вы вверх ногами ходите?» — спрашиваю у них. А они мне говорят: «Потому вверх ногамиходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет». А я им говорю: «Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы ещё лучше щетины». И велел им у всех леших волосы вырвать. А сам к тебе пришёл за волосами.

Услышал это лесной человек Яг-морт и обеими руками за голову схватился.

— Не дам волосы рвать! — кричит.

— Даешь не даешь, а раз сказал, вырву, — говорит младший охотников сын. — Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы и, сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съёжился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Вот сшил я всем сапоги и пошёл гулять по небу. Вижу — мужик на гумне овёс лопатой веет. И из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил верёвку и стал той верёвкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные за ними сами идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же обманываешь? — говорит. — Никого тут нет.

— А как же мне не обманывать, когда сам ты велел, — говорит младший охотников сын. И опять руку в волосы ему запустил, — да сколько волос захватил, столько и выдернул.

Совсем притих лесной человек Яг-морт, сидит, голову потирает. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Пошёл я как-то на охоту. Дошёл до озера, стою и думаю, как бы мне на другой берег переправиться. Вдруг вижу — сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, на ниточку привязал, и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет, — ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю — идёт медведь. Поднял я ружье, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: «Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?» Опустил я ружье, говорю: «Разводи огонь, замёрз я». А медведь отвечает мне: «Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь,

садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть». Сел я на медведя, и понёс он меня по лесам, по болотам, через реки, через озёра и к тебе принёс. А ты огня не даёшь.

— Эй, Мишка! — крикнул тут в окно младший охотников сын. — Иди в избу, задуши этого лешего!

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-морт.

— Что хочешь, — говорит, — бери, только уведи медведя.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — пусть задушит тебя, чтобы не оставлял ты людей без огня. — И опять в окно кричит: — Мишка, иди сюда!

— Ой, не пускай медведя, — плачет леший, — всё тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Когда ни ударишь этой железкой по камню, всегда у тебя будет огонь. Возьми сумку с дробью, из неё сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружье самострельное. Всё бери, только оставь живым.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — мне этого мало. Отдавай ремень, который ты из спины старшего брата вырезал, и пальцы, что с ноги среднего брата оторвал.

— Бери, — говорит леший, — и это бери.

Повёл он младшего охотника сына в кладовую, а там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи, весь пол человеческими пальцами выложен.

— Выбирай, — говорит лесной человек Яг-морт, — какие тебе больше нравятся.

Выбрал младший охотников сын кожу поновее и пальцы посвежее и говорит:

— Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь, зачем пальцы с человеческих ног собираешь?

— А это, — говорит лесной человек Яг-морт, — я счёт веду вашим людям, тем, которых я напугал. А таких, что меня напугали, ещё не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с желез-

кой в карман, поменял своё простое ружье на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху кожаный ремень и отрезанные пальцы, а лесной человек Яг-морт ещё целебной травы ему даёт.

— Бери, бери, — говорит, — пригодится.

Потом распрошались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

— Где же твой огонь? Что-то не видно его!

— А он вот здесь у меня запрятан, — отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался.

Глазам своим не верят братья.

— А ну-ка, дай и нам попробовать, к камню этому примериться.

— Что ж, попробуйте, примеряйтесь, — говорит младший брат. — А мне дайте-ка ваши спины да ноги посмотреть, кожу да пальцы к вам примерить.

И достаёт из-за пазухи ремень из человеческой кожи и пальцы с человеческой ноги.

Стыдно стало братьям, а сказать нечего.

Приложил младший брат кожаный ремень к спине старшего брата, приложил пальцы к ноге среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросло всё к своим местам.

— Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! — говорит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой...

А лесной человек Яг-морт с тех пор так и остался без всего — ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

ЛЕВ И БЫК

(Алтайская сказка)

В давнее прошлое время жила на склоне северных гор львица со львёнком.

Однажды бродила львица в поисках добычи и выследила стадо коров.

Неслышная поступь у львицы, а всё-таки услышали её коровы. Почуяв тревогу, громко замычали они и всем стадом бросились бежать в глубь леса.

Только одна корова не успела убежать, — та, которая паслась со своим телёнком.

В три прыжка настигла её львица, перегрызла ей горло и поволокла в свою пещеру.

Бежит львица по горам и долам, тащит за собой коровью тушу, а телёнок сам за львицей идёт, по запаху своей матери идёт.

Вот добралась, наконец, львица до своего логова, наелась мяса, напилась крови и заснула крепким сном.

Львица спит, а львёнок и телёнок смотрят друг на друга и не знают — то ли драку затеять, то ли игру.

Смотрели-смотрели, потом подошли друг к другу, понюхали один другого и стали играть.

Так вместе играли они и прыгали, а когда захотели
есть, принялись вместе сосать львицу.

С тех пор стал телёнок жить у львицы, словно род-
ной её детёныш, и росли они оба, львёнок и телёнок,
как родные братья.

Но вот случилось как-то, что во время охоты льви-
ца поранила себе лапу. Три дня не вылезала она из
своего логова, а на четвёртый день позвала она обоих
своих сыновей и вот что сказала им:

— Дети мои, запомните хорошенько мои слова, жи-
вите всегда в дружбе. Против врага всегда боритесь
вместе и не слушайте никогда вражьих наветов.

Сказала так — и умерла.

Прошло время. Львёнок превратился в льва, телё-
нок — в быка, но попрежнему жили они, как братья.
Днём лев охотился в лесах и долинах, бык пасся на гор-
ных лугах, а вечером они сходились у водопоя,
вместе пили студёную воду, вместе играли и отды-
хали.

И никто из зверей не смел им ни в чём перечить.
Все знали: если тронуть льва, — не уйдешь от быка, если
задеть быка, — не спасёшься от льва.

Лев и сам был силён, бык и сам был храбр, а вместе
были они сильнее всех, храбрее всех.

Не по вкусу пришла эта дружба лисе.

«Житья никакого нет,—думала лиса.—Лев ни с кем
даже знать не хочет с тех пор, как завёл дружбу с
этим быком. А раньше мне частенько перепадало что-
нибудь от львиной охоты. И была я сыта. Ведь за льви-
ной долей я и не гонюсь, с меня хватит моей лисьей
доли. Но теперь лев и думать обо мне позабыл, ничего
больше мне не оставляет».

И решила лиса поссорить льва с быком.

Вот как-то подстерегла она льва после удачной охо-
ты и тихонько подкралась к нему. Сытый и довольный,
грелся лев на солнце, а тут же рядом валялись остатки
недоеденной им лани.

«Сейчас самое подходящее время», — подумала лиса и вышла из-за кустов. Хвост опустила, уши повесила, на мясо даже не глядит.

— Что это с тобой случилось, лиса? — спрашивает её лев. — Почему ты такая грустная? Возьми, съешь кусочек мяса, это тебя утешит.

— Ах, ничто не может меня утешить, — печально сказала лиса. — Я прямо сама не своя хожу, не ем и не пью с тех пор, как узнала, в какой опасности ты живёшь. Тебе и во сне не снится, какой есть у тебя страшный враг. А кто же станет беспокоиться о тебе, сироте, если не я? Ведь, как-никак, я твоя родная тётка.

— Разве? — удивился лев. — Но всё-таки ты ошибаешься, у меня нет никакого врага. Возьми лучше съешь кусок мяса — я угощаю тебя сегодня — и не беспокойся попусту.

— Если ты не послушаешься любящей тётки, — сказала лиса, — ты потом горько раскаешься. Но будет поздно.

— В таком случае, говори, кто же мой враг? — воскликнул лев.

— Здешний бык, — сказала лиса. — Я сама слышала, как он говорил: старая львица убила мою мать, теперь я убью льва.

— Но этого не может быть! Мы с ним самые лучшие друзья.

— Это ничего не значит, — сказала лиса. — Нет более коварных врагов, чем друзья. Ты очень молод и не знаешь жизни. Бык никогда не простит тебе, что твоя мать съела его мать.

— Лиса, я вижу, что ты и вправду любящая тётка, — сказал лев. — Но скажи мне, когда же бык собирается убить меня?

— Это будет в тот день, — сказала лиса, — когда, встав поутру, он начнёт рыть землю рогами, мычать, вытягиваться всем телом и выгибать хвост. Когда ты

увидишь, что он так делает, знай, что он хочет тебя убить.

— Хорошо, — сказал лев, — я буду настороже.

«Ну, половина дела сделана», — подумала лиса и отправилась к быку.

Она нашла его на южной стороне гор. После сытного обеда бык лежал на лугу и отдыхал.

С громким плачем, хлопая ушами и ударяя хвостом по земле, подошла к нему лиса.

— Лиса, что с тобой случилось? — спросил бык. — Из-за чего ты так убиваешься?

— Ах, дорогой мой племянник, — сказала лиса, — как же мне не убиваться, когда я знаю, какая опасность грозит тебе, бедному сироте. Ведь, как-никак, я тебе не чужая, а твоя родная тётка.

— Да разве? — удивился бык. — Но всё-таки ты ошибаешься: у меня нет врагов.

— На северной стороне этих гор живёт лев, — сказала лиса. — Он притворяется твоим другом, но на самом деле он злейший твой враг. Я сама слышала, как он говорил: моя мать съела мать этого быка, теперь я съем его самого.

— Ну ты, замолчи! — вскричал бык. — С этим львом мы как родные братья; я не поверю, чтобы он мог так говорить.

— Ты можешь не верить мне, — сказала лиса, — но потом ты пожалеешь об этом.

«А вдруг она говорит правду», — подумал бык. — Ведь, как-никак, она моя тётка».

— Скажи-ка, лиса, — сказал он, — когда же лев собирается меня убить?

— Когда ты увидишь, что лев, встав поутру, потягивается, встряхивая гривой, а когтями скребёт землю, знай — он хочет напасть на тебя и убить.

— Хорошо, я буду настороже, — сказал бык. — Благодарю тебя за то, что ты меня предупредила.

— Это был мой долг, — сказала лиса и, очень довольная, удалилась.

Вечером лев и бык, как всегда, сошлись на водопое, но ни тот, ни другой ни словом не обмолвился о встрече с лисицей.

На следующее утро лев и бык, как всегда, проснулись с восходом солнца. Выйдя из своего логова, лев по привычке потянулся, встряхнул гривой, чтобы сбросить с себя сон, и заскрёб лапами по земле, чтобы отточить когти.

А бык, как всегда, потёрся рогами о землю, вытянулся всем телом, выгнул хвост и громко замычал, прочищая после ночного сна голос.

Но когда лев увидел, что делает бык, а бык увидел, что делает лев, гнев охватил и того и другого.

Одним прыжком лев набросился на быка и вцепился ему в шею. Но бык, обливаясь кровью, всё-таки стряхнул его со спины и со всей силы вонзил свои рога льву в живот. И оба они, лев и бык, тут же упали замертво.

А лиса пришла, увидела, что оба они лежат мёртвые, и усмехнулась:

— Вот как я их ловко провела! Каждый из них боялся, что его съест другой, а теперь я съем их обоих! И принялась за еду.

ЖАДНЫЙ КУПЕЦ

(Удмуртская сказка)

Жил на свете жадный купец. Ел, пил, много спал, сам не работал, а нанимал батраков работать на себя. И сильно досадовал купец на то, что день короток. Отправился он искать мудреца, который научил бы его день удлинить. Искал, искал и нашёл мудреца — бедняка по имени Лопшо Педунь.

— Какая забота в мой дом привела тебя, богатый гость? — спрашивавт Педунь.

— Днём недоволен, — отвечает купец. — Даже летом он короче заячьего хвоста. Не успеют работники за топоры взяться, а уж курицы на насест садятся. Начни меня, мудрец, удлинить ясный день лета.

Посмотрел Лопшо Педунь на купца хитрыми глазами и сказал:

— Оденься в семьдесят семь теплых одежд, сверху тулуп и шапку надень, а на ноги обуй валенки с тёплыми онучами. На плечи взвали большой кузов со всякой едой для себя. Потом возьми деревянные вилы и полезай на самую верхушку высокой берёзы, поддень вила-

ми солнце и держи его на одном месте, как золотой блин. Тогда солнцу не сесть, дню не кончиться.

Отблагодарил купец мудреца ста рублями и пошёл домой летний день удлинять. Надел на себя семьдесят семь тёплых одежд, как сказал мудрец, сверху тулуп, шапку, обул валенки с онучами, на плечи взвалил кузов с едой, взял вилы и полез на берёзу. Поддел вила-ми солнце и сидит.

— Эй, работнички, — кричит, — без моего приказу не бросать работу!

Сидит купец час — жарко, сидит другой — душно, сидит третий — пот бежит по телу ливнем. Устал купец, истомился, еле вилы держит.

— Ну, — кричит с берёзы, — работнички, вы сегодня здорово долго поработали. Идите спать!

Руки у купца онемели, ноги затекли — двинуться с места не может. Вилы выпустил из рук — застяли они в ветках; хотел он слезть, да бух на землю. Хорошо, что на кузов, хорошо, что семьдесят сем мягких одежд и тулуп овчинный! Ушибся малость, но зато научился день удлинять. И ему хорошо, и работникам неплохо, а Лопшо Педуню и подавно.

ЗОЛОТОЙ КУВШИН

(Адыгейская сказка)

Кто скажет — было то или не было, только верно, что жил на свете хитрый и жестокий царь. В жизни своей ни с кем не обошёлся он по-хорошему, не было такого человека, которого бы он пожалел, не было такой собаки, которую бы он приласкал.

Все — от мала до велика — боялись царя, а сам он боялся только одного — старости.

Целыми днями сидел царь в своих покоях и рассматривал себя в зеркало.

Заметит седой волос — подкрасит краской.

Заметит морщинку — разгладит рукой.

«Нельзя мне стареть, — думал царь. — Сейчас все меня боятся, никто перечить не смеет. А сделаюсь старым и дряхлым, — народ сразу и перестанет меня слушаться. Как я с ним тогда справлюсь?»

И, чтобы никогда не вспоминать о старости, приказал царь убивать всех стариков.

Только поседеет голова у человека, тут ему и конец.

Царские стражники с топорами и секирами хватают его, ведут на площадь и рубят ему голову.

Со всех концов страны приходили к царю женщины и дети, юноши и девушки — все приносили царю богатые подарки, все проливали горькие слёзы, все молили царя пощадить их отцов и мужей.

Наконец, надоело царю слушать каждый день жалобы и причитания. Позвал он своих гонцов и велел им по всем городам и сёлам, на всех дорогах и площадях объявить народу о своей великой милости.

Вот оседлали гонцы коней и разъехались в разные стороны. На всех дорогах и улицах, на всех перекрёстках и площадях трубили они в трубы и громко выкрикивали:

— Слушайте все! Слушайте все! Царь дарует свою милость. Кто достанет со дна озера золотой кувшин, тот спасёт жизнь своего отца, а кувшин получит в награду. Такова царская милость! А кто не сможет достать кувшин, тот и отца не спасёт, и сам голову потеряет. Такова царская милость!

Не успели гонцы обехать и половину страны, как стали сходиться и съезжаться к озеру храбрые юноши.

Берег озера был обрывистый, и с высоты его, сквозь чистую, прозрачную воду, ясно виден был прекрасный золотой кувшин с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

И вот прошло девяносто девять дней.

Девяносто девять храбрецов пытали свое счастье.

Девяносто девять голов отрубил жестокий царь, потому что никто не мог достать кувшин со дна озера, — точно его заколдовал кто.

Сверху посмотреть — кувшин всякому виден, а в воде — никто найти его не может.

А в то самое время, в той самой стране жил юноша по имени Аскер. Очень любил Аскер своего отца, и когда увидел он, что отец становится стар, что на лице его

появляются морщины, а волосы становятся серыми от седины, увёл Аскер отца далеко в горы, в глухое ущелье, построил там хижину и в этой хижине спрятал своего старика.

Каждый день, когда солнце уходило за горы, юноша тайком пробирался в ущелье и приносил отцу еду.

Вот однажды пришёл Аскер в ущелье, сел возле отца и задумался.

— Какая забота у тебя на сердце, дитя моё? — спросил старик. — Может наскучило тебе каждый деньходить сюда?

— Нет, отец, — ответил юноша, — чтобы видеть тебя здоровым и невредимым, я готов трижды в день ходить через эти горы. Другая забота у меня на сердце. Ни днём, ни ночью не выходит у меня из головы царский кувшин. Сколько ни думаю я, никак не могу понять, почему это, когда с берега смотришь в прозрачную воду, кувшин виден так ясно, что, кажется, протяни только руку — и он твой. А стоит кому-нибудь прыгнуть в воду, вода сразу мутнеет, и кувшин точно сквозь дно проваливается.

Старик молча выслушал сына и задумался.

— Скажи мне, мой сын, — сказал, наконец, старик, — не стоит ли на берегу озера, в том месте, откуда виден кувшин, какое-нибудь дерево?

— Да, отец, — сказал юноша, — на берегу стоит большое, раскидистое дерево.

— А вспомни-ка хорошенько, — снова спросил старик, — не в тени ли дерева виден кувшин?

— Да, отец, — сказал юноша, — от дерева падает на воду широкая тень, и как раз в этой тени стоит кувшин.

— Ну, так слушай меня, дорогой мой сын, — сказал старик. — Взберись на это дерево, и ты найдёшь среди его веток царский кувшин. А тот кувшин, который виден в воде, — это только его отражение.

Быстрой стрелы помчался юноша к царю.

— Ручаюсь головой, — закричал он, — я достану твой кувшин, милостивый царь.

Засмеялся царь.

— Только твоей головы мне и не хватает для ровного счёта. Девяносто девять голов я уже отрубил, — твоя будет сотой.

— Может так, а может и не так, — ответил юноша. — Но боюсь я, что на этот раз не сравнять тебе счёта.

— Что ж, попытай своё счастье, — сказал царь и приказал слугам поострой наточить секиру.

А юноша пошёл к берегу и, не задумываясь, полез на дерево, которое росло над самым обрывом.

Народ, собравшийся на берегу, так и ахнул от удивления.

— Аллах да помилует его! Верно он от страха лишился рассудка! — говорили одни.

— Может быть, он с дерева хочет прыгнуть в воду, — говорили другие.

А юноша тем временем взобрался на самую вершину и там среди ветвей нашёл золотой кувшин — с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

Только висел кувшин на дереве вверх дном, чтобы всем казалось, что стоит он в воде, как и подобает, вверх горлышком.

Снял юноша кувшин с дерева и принес его к царю.

Царь так и развёл руками.

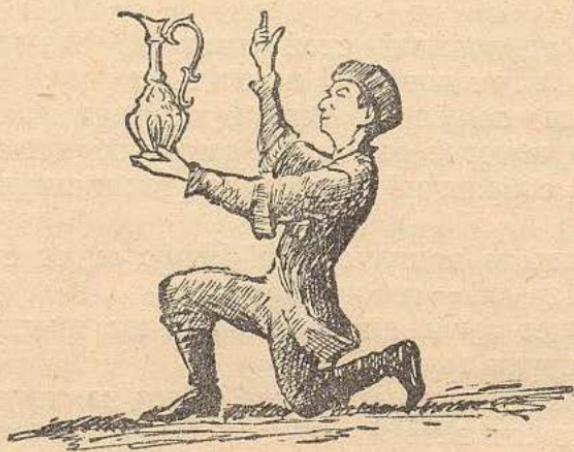
— Ну, — говорит, — не ждал я от тебя такого ума. Неужто ты сам додумался, как достать кувшин?

— Нет, — сказал юноша, — я бы сам не додумался. Но у меня есть старик-отец, которого я укрыл от твоих милостивых глаз, он-то и догадался, где спрятан кувшин. А я только послушался его совета.

Задумался царь.

— Видно, старики умнее молодых, — сказал он, — если один старик угадал то, что не могли угадать девять-много девять юношей.

С тех самых пор в той стране никто пальцем не смеет тронуть старииков, все чтят их седины и мудрость, а когда встречают старого человека на пути, уступают ему дорогу и низко кланяются.

ДОБРЫЙ УМАР

(Туркменская сказка)

В давние времена жил молодец со своей слепой матерью. Звали его Умар. Они были очень бедны. Умар собирал в степи саксаул и продавал его на базаре за два гроша. На один грош он покупал хлеба, на другой — мяса. Так они и жили.

Однажды, возвращаясь с базара, Умар увидел, как мальчишки мучили котёнка.

— Вот вам грош на леденцы, — сказал Умар. — Отдайте котёнка мне.

Мальчишки с радостью согласились. Умар сунул котёнка за пазуху и подумал: «Авось проживём один день без мяса».

Дома мать похвалаила сына за доброе дело и разделила хлеб на три части: сыну, себе и котёнку.

На следующий день Умар снова набрал саксаул и продал его на базаре за два гроша. На грош он купил хлеба и пошёл за мясом. Вдруг ему попались мальчишки, которые тащили на верёвке кудлатую собачонку.

Сердце Умара не выдержало, отдал он оставшийся грош за щенка. Дома он тихонько опустил собачонку на пол. Она тявкнула, а слепая мать услыхала и спросила:

— Это ты, сынок, принёс собачку?

— Я, матушка. Придётся нам и сегодня посидеть на одном хлебе.

— Ничего, сынок. У иных и хлеба-то не бывает.

Старушка разделила хлеб на четыре части: себе, сыну, котёнку и щенку.

Утром Умар снова набрал саксаул, продал его на базаре за два гроша. На один купил хлеба и пошёл покупать мясо. Навстречу ему попалась орава мальчишек. Один из них держал палку, в расщепленном конце которой извивалась змея.

— Что вы хотите с ней сделать? — спросил Умар.

— Мы хотим бросить её в огонь.

Умар пожалел змею и отдал за неё свой последний грош.

В тот вечер старуха разломила хлеб уже на пять частей.

Рано утром Умар собрался в горы.

За ним выползла змея и стала просить взять её с собой.

— Возьми меня, Умар, в горы: я тебе пригожусь.

Умар положил змею за пазуху и пошёл. У подножья высокой горы змея спросила Умара:

— Знаешь ли ты, что такое страх?

— Нет, он незнаком моему сердцу, — ответил Умар.

— Тогда следуй за мной, — сказала змея, выскользнув из-за пазухи, и поползла по едва заметной тропинке.

Умар с трудом поспевал за нею. Наконец, змея остановилась на лужайке и сказала:

— Ты спас меня от верной смерти, и я хочу достойно отблагодарить тебя. Мой отец — повелитель змей. Сейчас сюда соберутся змеи. Ты не бойся, они тебя не

тронут. Мой отец будет просить, чтобы ты отпустил меня, но ты не соглашайся. Предложит золото — не бери, проси только камушек, который лежит у него под языком. Этот камушек обладает чудесной силой: если положить его под язык, любое желание мгновенно исполнится.

Змея засвистела. И вскоре вся поляна была усеяна змеями.

Вдруг раздался звон серебряного колокольчика. Змеи расступились, и на средину полянки выполз повелитель змей. В знак своей власти он носил на шее серебряный колокольчик. Умар поклонился ему до самой земли.

Повелитель змей обратился к Умару:

— О, велиcodушный незнакомец! Ты спас от смерти мою единственную дочь. Чем тебя наградить?

— Дай мне тот камушек, что лежит у тебя под языком.

— На что тебе этот камушек? У меня в подвалах лежат мешки, полные драгоценных камней. Выбирай любой.

— Не нужно мне драгоценных камней, а дай только тот камушек, что у тебя лежит под языком.

— Так и быть, — сказал повелитель змей и вынул из-под языка камушек. — Береги его пуще глаза. Много на него найдётся охотников.

И повелитель змей отдал камушек Умару.

Умар простился со змеями, положил камушек под язык и пошёл домой. Шёл, шёл и устал. Присел на камень и подумал:

«Хорошо бы сейчас лежать дома на мягком сене!»

Не успел он и глазом моргнуть, как очутился дома на мягкой подстилке из сена.

— Вот так камушек! — обрадовался Умар.

Мать, услышав голос сына, спросила:

— Что-то ты нынче долго, сынок? Я уж проголодалась, тебя дожидаюсь. Да и звери наши скуют от голода.

— Ну, матушка, — весело сказал Умар, — я нашёл счастье. Заживём мы с тобой в своё удовольствие. Скажи мне, матушка, чего тебе хочется больше всего на свете?

— Хотелось бы мне, сынок, один раз поесть досыта.

— А чего хочешь ещё?

— Хотелось бы мне, сынок, хоть раз шёлковое платье надеть.

Вышел Умар на улицу, положил камушек под язык и сказал:

— Хочу, чтобы для меня и для моей матери явились самые вкусные кушанья и богатые наряды.

И тотчас всё появилось.

Умар спрятал наряды под халат и пошёл с подносом в комнату.

— Ну, матушка, отведай-ка!

Старуха попробовала всего понемногу. Насытившись, накормила котёнка и собачонку.

— А теперь, матушка, приоденься.

Старуха нарядилась и, ощупывая себя, с грустью сказала:

— Жалко, что не могу увидеть себя в таком богатом наряде.

— Хочу, чтобы моя мать прозрела! — вскричал Умар, положив чудесный камушек под язык.

И сейчас же старуха открыла глаза.

— Сынок, милый мой, как хорошо! Я всё вижу!

— Ну, мать, поди теперь к хану, скажи: пускай отдаст за меня замуж старшую дочь.

Хан принял старуху, сидя на золотом троне.

— Зачем ты пришла? — спросил хан.

— Сын мой хочет жениться на вашей дочери. Заплачу, говорит, за неё любой калым¹.

¹ Калым — выкуп за невесту, который жених платит отцу своей невесты.

Желая посмеяться над бедной старухой, хан сказал:

— Если завтра утром я увижу на этой горе дворец в десять раз лучше моего, я выдам свою дочь за твоего сына.

Старуха пошла домой и рассказала сыну всё, что сказал ей хан.

— Ну, матушка, ложись спать. Завтра придётся тебе встать пораньше: вечером моя свадьба.

Старуха легла спать, а Умар дождался темноты, положил камушек под язык и сказал:

— Хочу, чтоб на той горе был дворец в десять раз лучше ханского и чтоб утром нам с матерью проснуться в том дворце.

С первыми лучами солнца проснулась старуха. Оглянулась она по сторонам и руками развела: лежит она на пуховой постели, одеяла шелковые, подушки парчёвые, а на полу голубой ковёр.

Соскочила старуха с постели, разбудила сына, и пошли они в ханский дворец.

Вечером устроили свадебный пир, и молодые зажили в счастье и довольстве. Умар долго упрашивал мать поселиться с ними во дворце, но старушка не согласилась и осталась жить в своей старой хижине.

Однажды Умар уехал на охоту, а жена его Зюбейда осталась дома и села у окошка. Скоро ей наскутило сидеть одной, и она позвала свою любимую подругу Гаяне. Приказав подать угощенье, Зюбейда стала рассказывать:

— Мой муж очень любит меня. Он для меня всё сделает...

— Так узнай у него, как он сумел за одну ночь построить такой дворец, — коварно улыбнулась Гаяне. — Только, пожалуй, он тебе не скажет.

— Сегодня же ночью я узнаю эту тайну! — вскричала оскорблённая Зюбейда.

Вечером, когда Умар вернулся с охоты, Зюбейда ласково спросила:

— Скажи мне, дорогой муж мой, как сумел ты за одну ночь построить наш прекрасный дворец?

И Умар рассказал ей про чудесный камушек.

Как только Умар уехал на охоту, Зюбейда послала за Гаяне и передала ей рассказ Умара.

— На твоём месте, — завистливо воскликнула Гаяне, — я бы взяла у мужа волшебный камушек. Вдруг он его потеряет или кто-нибудь украдёт его.

— Ты права, — сказала Зюбейда.

Когда Умар вернулся, Зюбейда стала просить чудесный камушек.

— Ты каждый день ездишь на охоту и можешь потерять его. Или злые люди узнают твою тайну и отнимут чудесный камушек. Отдай его мне. Я положу в сундук.

Умар поддался уговорам и отдал чудесный камушек жене. Утром он уехал на охоту, а Зюбейда достала камушек и, положив его под язык, сказала:

— Хочу, чтобы сюда пришла Гаяне.

Вмиг дверь отворилась, и в комнату с поклоном вошла Гаяне. Зюбейда от радости захлопала в ладоши.

— Смотри, вот он, чудесный камушек! С виду он ничем не отличается от кусочка смолы.

Гаяне взяла у Зюбейды из рук камушек и положила его себе под язык.

— Что ты делаешь? — воскликнула Зюбейда.

— Я хочу, чтобы ты стала старой жабой, — прошипела завистливая Гаяне. — А дворец вместе со мной пусть перелетит на другой берег моря.

И вмиг красавица Зюбейда превратилась в старую жабу, а дворец очутился на другом берегу моря.

Вечером вернулся с охоты Умар, а дворца нет. Вместо него разлилось топкое болото. Умар, не веря глазам, подошёл ближе. Навстречу ему прыгнула огромная серая жаба. Умар отшвырнул её ногой и грустно побрёл к своей старой матери. На пороге его встретила радостным лаем кудлатая собачонка, а котёнок прыгнул к нему на плечо.

Заплакал Умар горькими слезами и рассказал матери о своём горе.

— Не печалься, добрый Умар, — сказал котёнок, — мы тебе поможем.

Умар лёг спать, а кошка с собакой побежали на берег моря. Кошка вскочила собаке на спину, и та, быстро перебирая лапами, поплыла.

Наконец, они добрались до противоположного берега и, отряхнувшись, быстро побежали во дворец.

Но дворец был обнесен кругом высокой каменной стеной, а у каждого входа стояла стражица, вооружённая с головы до ног. Кошка с собакой хотели юркнуть в ворота, но стражица заметила их и прогнала.

Опечалились звери и решили подождать, пока стемнеет. Ночью кошка с собакой опять подкрались тайком к воротам. Но ворота были заперты, а по высокой стене взад и вперёд ходила зоркая стражица.

— Неужели нам придётся вернуться к Умару с пустыми руками? — горевала собака.

— Никогда не надо отчаяваться! — успокаивала её кошка.

Вдруг откуда-то из-под земли выскочила большая серая мышь, а за нею маленький мышонок. Недолго думая, кошка с размаху бросилась и сцепила мышонка. Увидев мышонка у кошки в лапах, старая мышь взмолилась:

— Не троньте моего мышонка, госпожа кошка! Съешьте лучше меня.

— Я не трону твоего мышонка. Только исполни одно мое поручение. Узнай, где хранит злая Гаяне чудесный камушек, и принеси его мне. Но если ты меня обманешь, я съем и тебя и всю твою родню.

— Я исполню ваше поручение, госпожа кошка! Я знаю, где прячет злая Гаяне волшебный камушек, — сказала старая мышь и шмыгнула в нору.

А кошка с собакой сели её поджидать.

Мышь пробралась в спальню Гаяне, вскочила на подушку и провела хвостиком по носу Гаяне.

Гаяне чихнула, и камушек выпал у неё изо рта. Мышь подхватила чудесный камушек, юркнула в щёлку и, выбравшись из дворца, отдала камушек кошке.

Кошка с собакой со всех ног бросились бежать и поплыли обратно. Но злая Гаяне послала за ними вдогонку корабль.

Оглянулась кошка, видит, — мчится корабль на всех парусах за ними в погоню.

— Что делать? — жалобно протягивала собака. Кошка вместо ответа положила чудесный камушек под язык и сказала:

— Хочу быть на том берегу моря!

И в ту же минуту они очутились возле старой хижины Умара. Сам Умар стоял на пороге, поджидая их. Кошка, едва переводя дух от волнения, отдала чудесный камушек Умару.

Умар положил его под язык и сказал:

— Вернись, дворец! Вернись, жена!

Вмиг болото исчезло и на его месте появился дворец. Из дворца вышла заплаканная Зюбейда и рассказала мужу о злодействе подруги Гаяне.

— Пусть же она превратится в старую жабу! — воскликнул Умар. Он обнял жену и повёл её во дворец. А кошка с собакой побежали за ними.

Умар и Зюбейда зажили счастливо, не забывая своих верных друзей — собаку и кошку.

ЛОСИННАЯ ГОЛОВА

(Ненецкая сказка)

Однажды вышел храбрый охотник на охоту.

Лучше этого охотника в тайге не было: стрелял он из лука так метко, что ни один зверь от его стрелы спастись не мог.

Вышел он на полянку и видит: огромный лось стоит, о дерево рогами шоркается. Выдернул охотник из колчана самую лучшую стрелу и натянул тугую тетиву. Взвилась стрела, молнией ударила лося в бровь, отскочила и разломилась на две части.

Лось стоит и попрежнему шоркается о дерево.

Схватил охотник вторую стрелу, заветную — с железным наконечником и прицелился прямо в сердце бесстрашному лосю. Опять молнией сверкнула стрела. Ударила лося под лопатку, отскочила и разлетелась на три части.

Все стрелы выпустил тот охотник, а лось стоит, о дерево шоркается, страшные глаза его искры мечут, а из ноздрей пар валит и собирается над тайгой в густые тучи.

Лось стоит. Охотник дрожит от страха. Вдруг лось взревел, да так, что ветки с деревьев посыпались и вершины деревьев закачались и заходили, как в бурю. Кинулся свирепый лось на охотника. Охотник бросил лук и залез на дерево. Растоптал лось лук в мелкие щепочки, поднял голову, разбежался да как ударит лбом о дерево. Застонало дерево, повалилось на землю, а охотник едва успел уцепиться за вершину другого дерева.

Посмотрел лось, а человек опять на дереве сидит, сшиб и это дерево; охотник опять успел уцепиться за вершину другого дерева. Лось повалил множество деревьев, сделал целую просеку, а человека сбить не мог.

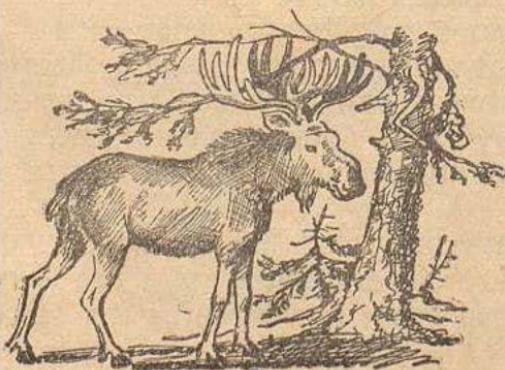
Заплакал лось от горя, упал и огромной скалой сделался. Скала стала называться Лосиной головой.

Не знал тот храбрый охотник, что лось был заветный.

С того времени охотники стали сильнее лосей, но счастье людское унёс лось с собой и скончался под огромной скалой.

Долго ходили люди вокруг своего счастья и не могли его добыть. Уж очень глубоко было оно спрятано!

Но пришло время, люди тайги сумели силы свои собрать вместе. Скалу подняли, вскинули на плечи, отнесли и утопили в большом озере. А под скалой и нашли своё счастье.

ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОДЕЦ

(Киргизская сказка)

Жил когда-то на свете могущественный хан, покоритель северных гор и южных, властелин зелёных пастбищ и снежных вершин.

Много сокровищ было у него во дворце, но самым драгоценным сокровищем была его дочь Сарын-Гырыл.

Кто под луной поспорил бы с ней в красоте? Никто.

Глаза у Сарын-Гырыл как два солнца сияют, на щеках алые розы цветут, тяжелые косы, словно чёрная ночь, на землю падают.

На всей земле не было красавицы такой, как Сарын-Гырыл. Хан любил её больше своей жизни, гордился ею больше, чем своей славой.

И вот пришло время выдавать Сарын-Гырыл замуж.

Но как найти жениха, достойного прекрасной царевны?

Есть на свете знатные юноши, но как узнать — кто самый знатный?

Есть на свете храбрые юноши, но как угадать — кто самый храбрый?

Есть на свете красивые юноши, но как выбрать самого красивого?

Как узнать, с кем найдёт прекрасная Сарын-Гырыл своё счастье?

Думал, думал хан и вот что придумал.

Перед самым дворцом велел он вырыть колодец, а потом послал своих глашатых во все концы царства, чтобы объявили они повсюду его ханскую волю: кто хочет получить ханскую дочь в жёны, пусть доверху наполнит ханский колодец золотом и самоцветными камнями.

Одно только скрыл от всех хан: что колодец этот — волшебный. Не так-то просто было наполнить его. Не всякому было это дано, а только достойнейшему из достойных.

И вот стали съезжаться к ханскому дворцу смелые воины, знатные юноши, прекрасные царевичи, — все, кто хоть раз слышал о чудесной красоте Сарын-Гырыл.

Множество драгоценных даров было брошено на дно колодца, но никому не выпало на долю получить руку прекрасной царевны, потому что никто даже на половину не засыпал ханский колодец золотом.

Так и возвращались все женихи ни с чем — и без невесты и без своих богатств.

А в то самое время жил на свете другой хан. Все земли — от восхода солнца и до заката — были покорны его власти. Но не богатством своим гордился хан, — поистине было оно несметно! — а гордился он своим единственным сыном.

Да и как было не гордиться им!

Был царевич красив и смел, отважен и силен. Всё дала ему в дар щедрая судьба. Ни в чём не знал он неудачи.

И вот дошла до царевича слава о прекрасной Сарын-Гырыл, и захотел он попытать своё счастье.

Золота у него было без счёта. Но как угадать, сколько мешков понадобится, чтобы доверху засыпать

ханский колодец? Думал, думал царевич и вот что придумал: в своём саду приказал он вырыть глубокий колодец — такой глубокий, что даже дна его не было видно, а потом засыпал его до самого верха блестящими монетами и самоцветными камнями. И сколько мешков золота высыпал он в колодец, столько же велел он погрузить на слонов, чтобы везти все эти богатства хану.

«Верно ни от кого ещё не получал хан таких даров», — весело думал царевич, отправляясь в путь.

Впереди него тянулся длинный караван, — сто самых больших слонов медленно шли, раскачиваясь под тяжёлой ношей. А позади него следовала свита, — сто придворных на самых лучших конях сопровождали своего господина.

Много дней и много ночей караван был в пути. И вот, наконец, увидел царевич стены города, где жила прекрасная Сарын-Гырыл.

Перед ханским дворцом царевич приказал каравану остановиться, сам подъехал прямо к колодцу и, перегнувшись с седла, заглянул вниз.

«Ну, этот колодец и не так широк и не так глубок, как мой, — подумал царевич. — Я наполню его своим золотом не то что доверху, а даже с верхом».

И он смело приказал стражникам, стоящим у ворот дворца, пропустить его к хану.

— Я приехал свататься к твоей дочери, великий хан, — сказал царевич. — О богатстве моём не беспокойся, его хватит, чтобы наполнить десять твоих колодцев.

— Я хочу, чтобы ты наполнил только один, — сказал хан.

— Ну об одном нечего и говорить! Не стоит даже пересыпать золото из мешков в колодец. И так видно, что его больше, чем надо. Зачем попусту тратить время?

— Это верно, — сказал хан. — Не надо попусту тратить время, а ты тратишь его в пустых разговорах.

— О, великий хан! — воскликнул юноша. — Взгляни в окно. Сто слонов шатаются под тяжестью золота

и драгоценных камней, которые я привёз тебе в дар. Ничего не стоит наполнить этими сокровищами твой колодец.

— Так наполни же его, и ты получишь то, что хочешь, — сказал хан.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — ответил царевич. И он приказал своим слугам высыпать в ханский колодец золото из мешков.

Но что за чудо! Уже все мешки пустые, а золото даже до половины колодца не доходит.

Тогда царевич приказал продать всех слонов, и вырученное золото тоже бросил в колодец.

Но и этого было мало.

Тогда царевич продал всю свою свиту и снова бросил золото в колодец.

Но и этого было мало.

Колодец всё равно не наполнялся.

Больше царевичу негде было взять золота, и, кинув в колодец последнюю монету, он побрёл прочь от дворца.

Долго скитался он без пристанища, голодный и усталый. Наконец, пришлось ему сменить своё царское платье на простую одежду и взяться за первую попавшуюся работу, чтобы как-нибудь прокормить себя.

Вернуться к себе на родину он даже не помышлял.

Путь туда был долгий, а денег у него было теперь так мало, что карман его бедного платья и то никогда не наполнялся монетами.

Но вот случилось однажды, что прекрасная Сарын-Гырыл пробежала в своей колеснице по городу. А царевич в это время шёл с вязанкой дров за плечами и, заглядывая во все дворы, громко выкрикивал:

— Кому дрова нужны? Кому дрова принести?

И хотя он был одет в жалкое рубище, Сарын-Гырыл сразу приметила его среди других прохожих.

Тотчас приказала она своим слугам подозвать его и, прикрыв лицо покрывалом, обратилась к нему с такими словами:

— Скажи мне, юноша, кто ты такой? Если поглядеть на твоё платье, — ты ничем не отличаешься от всякого подёнщика, но по лицу твоему и рукам сразу видно, что ты непривычен к тяжелой работе. Признайся же мне, кто ты на самом деле?

— Что ж, я скажу тебе правду, — ответил царевич, — я сын Цокто-хана и приехал в эту страну, чтобы свататься к прекрасной Сарын-Гырыл. Весь свет говорит, что никто не сравнится с ней в красоте. Я привёл целый караван с золотом в дар её отцу, но этого золота всё-таки не хватило, чтобы наполнить колодец. Тогда я продал всех своих слонов, продал всю свою свиту. Немало выручил я золота, но всё равно упало оно в колодец, точно капля воды в море. И вот я остался ни с чем, надел это рубище и продаю дрова, чтобы не умреть с голода.

— Мне жаль тебя, царевич, — сказала Сарын-Гырыл, выслушав его рассказ. — Вот ты говоришь, что отдал все свои богатства за то, чтобы получить руку ханской дочери. А ведь ты даже не знаешь, так ли красива эта Сарын-Гырыл, как говорят люди. Может быть её и на свете нет, и хитрый хан просто выманивает чужое золото? Но, послушай, я могу тебе помочь. Раздобудь сегодня несколько монет, а завтра пойди к хану и скажи, что ты хочешь попытать своё счастье. Только хорошенъко запомни, мои слова: прежде чем не увилишь Сарын-Гырыл своими глазами, не бросай монеты в колодец.

— Благодарю тебя за добрые слова, — грустно сказал царевич, — но лучше мне не ходить во дворец. Что пользы, если я своими глазами увижу теперь прекрасную Сарын-Гырыл? Жалкие монеты, которые я выручу за день, не покроют даже дна ханского колодца.

— Напрасно ты говоришь так, — сказала Сарын-Гырыл. — Ведь колодец этот заколдованный. Я открою тебе его тайну: только тот сможет наполнить его золотом до самого верха, кого полюбит Сарын-Гырыл всем своим сердцем. Тогда и нескольких монет для этого хватит. А не то — всех сокровищ мира будет мало, чтобы наполнить ханский колодец. Послушайся же моего совета и сделай так, как я тебе говорю.

— Хорошо, я сделаю всё, что ты сказала — воскликнул царевич. — Но разве может полюбить меня прекрасная Сарын-Гырыл? Чем прельстится она, увидев жалкого поденщика?

— Попытай своё счастье, — сказала царевна. — Ты не пожалел отдать целый караван с золотом, сам не зная, за что, не жалей же теперь нескольких монет. Может быть, они принесут тебе счастье.

Целый день не покладая рук работал царевич, и к вечеру в его кармане звенело несколько монет.

А на утро следующего дня царевич снова пошёл к ханскому дворцу.

Стражники у ворот долго не хотели пускать его.

— Куда тебе к ханской дочери свататься! — смеялись они.

— Твоё золото только в дырявом ведре не унесешь!

— Иди-ка, иди отсюда, пока не поздно!

Но царевич словно и не слышал, что над ним смеются.

— Не вам, — говорит, — моё золото считать, и не к вашим дочерям я сватаюсь. А отдаст за меня хан свою дочь или не отдаст, это он сам скажет.

Наконец пустили его во дворец.

— Великий хан, — сказал царевич, — я хочу просить у тебя руки твоей дочери.

Хан даже спорить не стал. Усмехнулся только.

— Что ж, — говорит, — попытай свое счастье. Только знаешь ли ты, что тот, кто хочет жениться на моей дочери, должен наполнить мой колодец золотом?

— Знаю, великий хан. Но дозволь мне сначала взглянуть на твою дочь. Своими глазами хочу я увидеть, так ли хороша она, как говорят люди, стоит ли она того, чтобы я отдал за неё всё своё золото.

— Видно, не много у тебя золота, что ты так дорожишь им, — сказал хан. — Ну, да пусть будет по-твоему, хотя, если правду говорить, не твоим недостойным глазам смотреть на мою дочь. Много было у неё женихов, — не тебе чета! — а всех постигла неудача. Лучше послушайся моих слов, откажись от сватовства. Зачем попусту тратить время?

— Истину гласят твои справедливые уста, — сказал царевич. — Зачем попусту тратить время? А ты трастишь его в пустых разговорах. Золото моё тобой не считано, а бросать его даром я тоже не хочу. Дозволь же мне, милостивый хан, взглянуть моими недостойными глазами на твою красавицу-дочь.

Нечего делать, приказал хан слугам привести царевну.

Пришла Сарын-Гырыл.

Взглянул на неё царевич, и, словно птица в клетке, забилось его сердце.

«Ах, — думает царевич, — зачем я пришёл сюда, зачем увидел её! Теперь ещё горше будет мне уйти из дворца!..»

А Сарын-Гырыл смотрит на него и улыбается. И чем больше смотрит, тем больше наполняется её сердце любовью.

Усмехается хан, глядя на них.

— Ну, — говорит он царевичу, — я тебе свою дочь показал, показывай теперь ты свои богатства. Или, может быть, недостойна моя дочь твоих подарков?

Ничего не сказал царевич, молча бросил свои монеты в колодец.

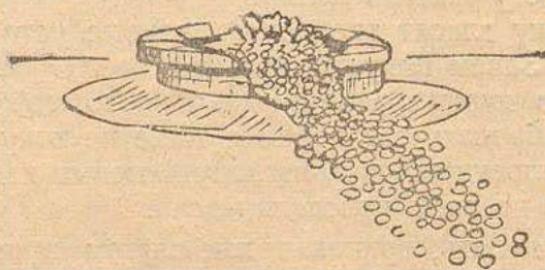
И сразу — что за чудо! — наполнился колодец золотом до самых краёв. Да что — до краёв! Через край сыплется золото! Рекой течёт!

Хан глазам своим не верит.

А царевич смотрит на него и смеётся.

— Видишь, великий хан, не так уж мало у меня золота. Может, и был я бедным поденщиком, а теперь нет человека богаче меня.

Так и женился царевич на прекрасной Сарын-Гырыл. И прожили они без горя и забот до конца дней своих.

БЛИЗНЕЦЫ

(Нанайская сказка)

В одном стойбище у нанайца-бельды родились близнецы. Все жители этого стойбища очень обрадовались. Когда рождаются близнецы, значит этому роду большое счастье будет. Дали близнецам хорошие имена: одному — Удога, другому — Чубак.

Вот живут Удога и Чубак. Понемногу телом растут, А умом очень быстро. Исполнилось им по пяти лет. А они уже на охоту стали ходить. И всё им удавалось. И лесные и водяные духи близнечев очень любили и во всём братьям помогали.

Тот год нехороший был. Зверя мало стало. Рыба плохо шла. Старики между собой стали говорить, что надо место менять. Но Удога сказал старикам:

— Чем место плохое?

Натянул он тетиву своего маленького лука, посмотрел вокруг, потом прямо в солнце выстрелил. Улетела стрела. Потом вернулась, сама Удоге в лучок легла.

Прилетели за стрелой утки, гуси и у ног Удоги легли. Посмотрели старики: все птицы в глаз ранены. Прикинули: если так каждый день будет, не останется стойбище без мяса.

Тогда Чубак сказал старикам:

— Чем место плохое?

Бросил в реку сетки. Потонули сетки сразу.

«Ну, — думают старики, — водяной сетки утащит!»

Подождали немного. Забурлила река, закипела. Сунул Чубак руку в воду. Ухватился за что-то. Вытащил свою сетку. Сколько было узелков в сетке — столько рыбы вытащил Чубак. Посмотрели старики: если так каждый день будет, не останется стойбище без рыбы.

Спросил тогда Чубак женщин:

— В прошлом году на какой стороне у горбуши икры было больше?

— На левой, — отвечают ему.

— Значит, в этом году рыба под левым берегом идёт, — говорит Чубак, — примечать надо! А вы на правом берегу ловили. Вот и показалось вам, что рыба ушла.

Тогда Удога говорит:

— И птица и зверь за рыбой ходят. Надо было охотничать на другом берегу.

Стали в стойбище очень уважать Удогу и Чубака. Советовались с ними. И всё шло хорошо.

Но только опять случилось несчастье. Наехали из чужой страны могучий нойон с солдатами, с пушками. Требует дань платить. С каждого человека по соболю да по выдре.

Запечатались бельды. Вовек никому дани не платили, а тут — против силы не пойдёшь! Надо платить. Но близнецы не согласились на это. Говорят Удога:

— Пошлите нас с братом к нойону!

Женщины в стойбище плач подняли, услыхав это.

— Как можно?! — закричали они. — Нойон злой человек, он обидится, что к нему детей послали, и убьёт вас.

Но всё-таки Удога и Чубак пошли к нойону.

Сидит нойон в большой лодке на широком помосте. Шатер шёлковый над ним колышется. Вокруг стражи стоит. Палач кривой меч точит. Нойон правую руку на подушку положил. Писец с толстой книгой — у ног.

Увидал нойон близнецов.

— Что, — говорит, — здесь нанайским ребятам надо?

Посмотрел писец, поклонился нойону до земли:

— Это прибежали детки сказать, благородный нойон, что идут нанайские старики, несут дань, которую приказал ты с них взять.

Ещё пуще заважничал нойон. Нос кверху задрал. В небо уткнулся, чтобы нанайцев не видеть. Но, однако, шея у него заболела, а старииков всё нет.

Тогда Чубак говорит нойону:

— Благородный нойон, старики не придут! Бельды дани никому не платили. Им смешно платить. Так чтобы тебя смехом не обидеть, они не пришли. А мы маленькие, мы ничего не понимаем. Вот подарки тебе, благородный нойон!

Высыпал Удога из кисета горсть амурской земли:

— Прими, нойон, горсть земли, если тебе своей мало.

Вынул Чубак из чумашки глаз совы:

— Прими, нойон, глаз совы. Тогда ты и ночью сможешь увидать, что на Амуре храбрые люди живут.

Вытащил Удога перо красноклювого орла:

— Прими, нойон, пожелание, чтобы жил ты столько лет, сколько орёл, и чтобы тебя, как орла все боялись.

Высыпал из чумашки Чубак горсть золы:

— Прими, нойон, золу. Пусть обратятся в золу все твои враги.

Удивился нойон тому, как разговаривают нанайские дети. Немного испугался: если дети такие, то какие же старики, — ведь старики мудрость жизни знают. Но виду не показал. Закричал:

— Завтра я пойду с солдатами к бельды и предам огню всех мёртвых, а живых сделаю мёртвыми!

Поклонился ему Удога:

— Твоя воля, благородный нойон, только тебе удача не будет. Лучше сегодня сделай, как сказал!

Не послушался нойон. Но назавтра полил такой дождь, что берега исчезли из виду. Раскисли все дороги. Пошли солдаты нойона, да чуть в грязи не утонули; порох отсырел, пушки не стреляют. Возвратились они назад.

Говорит Удога:

— Солнце в тучу вчера садилось: к ливню!

Прошла непогода. Небо усеялось звёздами. Говорит нойон малышам:

— Ну, завтра поплыту к стойбищу, всех бельды уничтожу. Всех живых мёртвыми сделаю. Мёртвых в землю превращу!

— Твоя воля, благородный нойон, только завтра тебе удачи не будет, лучше сегодня сделай, как сказал!

Не послушался нойон. С утра велел поднять паруса на всех лодках — ехать к стойбищу бельды. Только белое облако с чёрным венцом налетело с запада, и поднялась такая буря, какой никогда в жизни не приходилось нойону видеть. Заплескался Амур. Волны до неба поднимаются, облака до земли опустились. Ветер дунул раз — все паруса порвал, дунул второй раз — все вёсла сломал у лодок нойона. Едва-едва лодки целы остались.

Говорит Чубак:

— Вечером звёзды сильно мерцали: к буре!

Сидит нойон сердитый. Халатом закрылся. Ни на кого не смотрит. Подошли к нему близнецы и говорят:

— Благородный нойон, до сих пор мы тебе говорили. Теперь ты нам скажи. Вот ты видел, что мы свою землю знаем и не зря с неё дань собираем. Как же ты хочешь дань собирать с земли, которой ты не знаешь?

Побледнел нойон. Думает: «Не справиться мне с родом, у которого даже мальчишки такие умные!»

Поехал он назад домой. А сборщикам своим и солдатам не велел род бельды трогать.

Было это очень давно. Так давно, что тогда на берегах Амура ещё два солнца светили, белка к зайцу в гости ходила, медведь оленей пас, а волк ещё шкуру выбирал у хозяина тайги.

БАХТИЯР

(Азербайджанская сказка)

Жил-был старик по имени Бахтияр. Был он очень беден.

Вот однажды встал он рано утром и говорит жене:

— Старуха, положи в дорожную сумку просянного хлеба и творогу, я в путь собираюсь.

Жена говорит:

— Ещё что придумал! Сиди дома. Куда тебе, такому старому, странствовать? Только подметки даром стопчешь.

Старик говорит:

— Старуха, ты в мужские дела не суйся. Я видел хороший сон и пойду искать его.

— Эй, старик, — жена говорит, — ты, верно, на старости лет совсем из ума выжил. Где это видано, чтобы люди за снами ходили?

— Эй, старуха, — отвечает старик, — сказал тебе — не твоего ума это дело. Приготовь, что я тебе велел, и не трать даром слов.

Что ж, приготовила ему старуха еды на дорогу, на-
дел старик сумку за плечи и пустился в путь.

Шёл он, шёл, день да ночь — сутки прочь, а сколько
сугок — и не сосчитаешь.

Наконец вышел в степь. Видит — в степи пастух па-
сёт большое стадо. Тут же при нём и собака сторо-
жевая, и осёл вьючный, и шалаш со всем кочевым хо-
зяйством.

Подошёл старик к пастуху, поклонился.

— Да умножится твое стадо, — говорит. — В наших
краях сказывают: «Проголодался — иди к пастуху». Не
накормишь ли ты меня, добрый человек? Уж не знаю,
сколько дней я в дороге, совсем чёрствым стал мой
хлеб.

Видно, не зря идёт про пастухов добрая молва. За-
сучил пастух рукава, подоил несколько овец и подал
Бахтияру полную миску молока.

Бахтияр накрошил туда хлеба, укрепил, как гово-
рят, свой пояс и собрался дальше в путь.

А пастух и спрашивает его:

— Друг, скажи, откуда ты пришёл и куда путь дер-
жишь? Может, дорога твоя длинна, так я тебе сыру
приготовлю, масло собью.

. — Сын мой, — говорит Бахтияр, — я из таких-то краёв,
из такой-то деревни. А куда дорога моя ведёт, и
длинная она или короткая — я и сам не знаю. В жизни
своей мало видел я хорошего, а вот не так давно слу-
чилось мне увидеть хороший сон, и теперь иду я ис-
кать его.

Удивился пастух таким словам.

— Дядя, — говорит, — разве сон можно найти? Че-
ловек каждую ночь тысячу снов видит. Где уж за ними
ходить!

— Сын мой, — отвечает Бахтияр, — можно тысячу
снов увидеть и никогда потом даже не вспомнить о них.
А тот сон, который я видел, такой, что за ним на край

света пойдёшь. Жизнь не жаль потратить, чтобы этот сон найти.

— Дядя джан, а не продашь ли ты мне свой сон? — спрашивает пастух. — Я тебе хорошо за него заплачу.

Задумался старик, помолчал, а потом и говорит:

— Ну что ж, пожалуй продам. Ты человек хороший, к тому же молодой. Может, ты скорее моего этот сон найдёшь.

Рассказал он пастуху свой сон, а взамен получил все стадо, да ещё собаку с ослом в придачу, да ещё шалаш со всем кочевым хозяйством. Заодно поменялись они и своими именами: пастух стал зваться именем старика — Бахтияром, а Бахтияр стал зваться именем пастуха — Мелик-Мамедом.

И пошли они в разные стороны.

Пастух Бахтияр вскинул сумку за плечи и пошёл, куда глаза глядят, куда ноги ведут. Да будет лёгким его путь!

А старик Мелик-Мамед со своим стадом побрёл по-тихоньку домой.

Вот добрался он до своей деревни, подошёл к своему дому. Увидела его жена и давай охать да причитать:

— Ой-ой, старик! Чьё это стадо ты гонишь? И не стыдно тебе! Все соседи теперь будут пальцем на тебя показывать: «Смотрите, — скажут, — Бахтияр в таком почтенном возрасте в пастухи нанялся».

— Не кричи, баба, — говорит старик. — Ни к кому я в пастухи не нанимался. Стадо это моё собственное. А получил я его в обмен на свой сон. И ещё знай и помни, что зовут меня не Бахтияр. Моё имя — Мелик-Мамед.

Тут уж старуха совсем рот разинула.

«Верно, — думает, — я обозналась, кого-то другого приняла за мужа». И говорит старику:

— Извини, братец, что я с тобой так разговаривала. Очень ты на моего мужа Бахтияра похож, вот я тебя и приняла за него.

Старик и раньше знал, что жена у него глуповата. Ну, а теперь, видно, последний ум старуха потеряла.

— Эй, баба,— говорит старик,— ты совсем одурела. Разве я не муж твой? Говорю тебе: я променял свой сон, а вместе со сном променял и своё имя. Я — это я. Только раньше был я бедняком Бахтияром, а теперь стал богачом Мелик-Мамедом!

Наконец, сообразила жена, что к чему, и принялась считать овец. А старик стоит рядом и приговаривает:

— Видишь, старуха, не зря всё-таки я за сном ходил. Правда, сна-то своего я не нашёл, зато богатство нашёл.

Оставим же их в довольстве и благополучии, а сами пойдём за Бахтияром.

Помаленьку, потихоньку шёл Бахтияр горами и долами и, наконец, дошёл до стен какого-то города. Было это под вечер, и ворота городские были крепко заперты. Сколько ни стучал Бахтияр, сколько ни просил, не пустила его стража в город. Нечего делать, пришлось спать Бахтияру под открытым небом. Ну, да настуку это дело привычное. Свернулся он калачиком, колени к подбородку поджал, голову в плечи вобрал и заснул крепким сном.

Среди ночи услышал Бахтияр, будто зовёт его кто-то:

— Бахтияр! Бахтияр! Проснись, Бахтияр!

Вскочил он на ноги, смотрит направо, смотрит налево, смотрит вперёд, смотрит вверх и видит — стоит кто-то на городской стене и громким шёпотом говорит:

— Бахтияр! Что же ты медлишь? Скоро утро! Бери скорее хурджун¹. Сейчас я к тебе выйду.

Удивился Бахтияр.

«Кто же это, — думает, — может меня знать в чужом городе?»

¹ Хурджун — мешок.

Да раз уж взял чужое имя, надо и судьбу чужую брать.

Подошёл он поближе к стене, подхватил тяжёлый хурджун, стоит ждёт — что дальше будет.

Вдруг открылись городские ворота и кто-то, по самые брови укутанный в плащ, вывел двух коней.

— Привязывай скорее хурджун к седлу, — сказал неизвестный. — Во дворце могут спохватиться, нас поймают и убьют. Сколько раз пришлось мне звать тебя, пока ты проснулся. Садись же на коня! Скачем!

Тут уж Бахтияр совсем перестал понимать, на каком свете он находится. От кого это он должен бежать? И что это за человек? И откуда знает его имя?

Но разговаривать было не время, и, положившись на судьбу, Бахтияр вскочил на коня и поскакал за своим спутником.

До самого утра скакали они без отдыха. И когда совсем рассвело, увидел Бахтияр, что скачет рядом с ним такая красавица, что ни есть, ни пить не захочешь, — только бы ею любоваться.

А красавица взглянула на Бахтияра и тоже от удивления ахнула.

— Юноша, — спросила красавица, — кто ты такой и как твоё имя?

— Ханум, — ответил Бахтияр, — разве ты забыла, кто я? Ведь ночью ты сама позвала меня, а сейчас не помнишь моего имени.

— Значит, твоё имя тоже Бахтияр?

— Ханум, кто же ещё носит это имя? Разве ты не меня звала?

— Нет, я не тебя звала, — сказала красавица. — Знай и помни, юноша, я дочь царя этой страны и зовут меня Зарният-ханум. У векила¹ моего отца есть сын Бахтияр. Мы полюбили друг друга. Но отец не хотел выдать меня за Бахтияра, сына векила. Он хотел выдать

¹ Векил, визирь — советники царя.

меня за сына визиря. А я не хотела идти за сына визиря. Вот мы и сговорились с Бахтияром, сыном векила, что этой ночью, когда во дворце все заснут, мы убежим. Но верно, он побоялся, или, может быть, с ним случилось что-нибудь недоброе. А тебя судьба привела на то самое место, где я ждала его, и ты носишь то самое имя, которым я звала его. И вот, приняв тебя за него, я убежала с тобой из родительского дома. Значит, такова уж моя судьба... Но мы не должны терять ни минуты, пока не минуем владений моего отца.

И сказав так, она стегнула своего коня. Бахтияр стегнул своего, и они снова поскакали так, что ветер засвистел им навстречу.

Тихо скачущего пусть накажет небо!

Солнце уже скрылось за горами, когда они подъехали к столице другого царства. На золото, что было в хурджуне, купили они дом со всеми службами, с садом, цветником и фонтаном. Бахтияр сменил своё пастушеское платье на богатый наряд и стал таким красивым, что сам царь не узнал бы в нём овечьего пастуха.

Казий¹ обвенчал красавицу Зарнияр с Бахтияром, и зажили они в своём новом доме весело и хорошо.

Ещё не исполнился сон, купленный Бахтияром, а уже был он и богат и счастлив, словно во сне.

Только счастье, что птица: сейчас тут, с тобой, а не успеешь оглянуться, — и нет его, пропало.

Так и с Бахтияром.

Захотелось ему как-то, чтобы побрил его не простой брадобрей, а сам царский цырюльник. Пришёл к нему цырюльник. Но случилось, что по ошибке толкнул он не ту дверь и увидел красавицу Зарнияр-ханум. Увидел, да так и зашатался, чуть не упал, ослепленный её красотой.

¹ Казий — священнослужитель.

Кое-как обрил он Бахтияру голову и побежал прямо к царю.

— Царь, — закричал он на весь дворец, — да провалится твой трон! Да обагрится кровью твоё седло! Что ты спиши, о чём думаешь?

— Ну, что ещё случилось? — спрашивает царь.

Тут стал цырюльник рассказывать о красавице, же не чужестранца. Так рассказал, так расписал, что царь взаглаза в неё влюбился, жить без неё не хочет.

Позвал он своего визиря и говорит:

— Визирь, посоветуй, как быть, что делать? Я должен видеть её.

— Да здравствует властелин мира! — говорит визирь. — Что может быть проще? Позови Бахтияра и скажи: «Завтра в полдень жди меня в гости». А сам приди часом раньше. Войдёшь в дом нежданным и увидишь его жену.

Понравился царю совет визиря. Сейчас же велел он послать за Бахтияром, и, когда пришёл Бахтияр, сказал ему царь такие слова:

— Привет тебе, чужестранец! Пусть никто не обидит тебя. Слыхал я, что ты добрый человек, и хочу оказать тебе великую милость. Завтра в полдень жди меня, буду твоим гостем.

Невесёлый вернулся Бахтияр домой — не пьёт, не ест, слова не вымолвит.

— Бахтияр, — говорит ему жена, — да буду я твоей жертвой, скажи, что с тобой? Мне жизнь не в жизнь, когда ты такой скучный. Или я надоела тебе? Что же буду я тогда делать? Пропаду на чужбине.

— О, прекрасная Зарнияр-ханум, — отвечает ей Бахтияр, — раз уж не сумел я скрыть своей печали, открою я тебе, отчего она. Беда грозит нам. Царь хочет оказать мне милость, хочет быть моим гостем. А зачем мне его милость? Мне и без неё хорошо живётся. И зачем царю ходить ко мне в гости? Разве не довольно у него льстецов при дворе?

Услышала Зарнияр-ханум слова мужа, и защемило у неё сердце. Сразу поняла она, что задумал царь разлучить её с Бахтияром.

Но ничем не выдала она своих мыслей и весело сказала:

— Бахтияр, да буду я твоей жертвой! Отчего же всё-таки ты такой скучный? Разве это беда, что царь придёт к нам в гости? Все ещё больше станут уважать тебя, когда узнают, что сам царь приходит к тебе, чтобы провести с тобой время в доброй беседе. Ступай же скорее на базар, купи рису, турачей, фазанов. Царя надо угостить по-царски. А печаль о завтрашнем дне оставь до завтра.

Так они и сделали. На другой день с самого раннего утра принялись они варить и жарить, мыть и убирать, чтобы достойно встретить гостей.

Хозяева ждут гостей к полудню, торопятся ко времени обеда приготовить.

А царь торопится раньше времени в гости попасть, нежданным в дом войти.

И как сказал умный визирь, так и случилось: пршёл царь за час до полудня, толкнул, не постучавшись, дверь, и увидел красавицу Зарнияр-ханум.

Оглянулась Зарнияр-ханум на царя, но ни слова не проронила, только чуть брови сдвинула и в тот же миг словно острая стрела вылетела из её глаз и вонзилась в грудь царя.

Пораженный в самое сердце, упал царь без чувств. Бросился к нему визирь, трясёт его, шепчет на ухо:
— Великий царь! Опомнись! Что с тобой?

Наконец, поднял он царя и кое-как привёл его в чувство.

А тут и обед подали. Через силу попробовал царь того-другого и рас прощался с хозяином. Идёт, одной рукой за сердце держится, другой рукой на визиря опирается.

Дома лёг царь в постель и говорит:

— Визирь! Дай совет, как быть? Эта красавица должна быть моей женой, иначе моё сердце разорвётся.

Визирь в ответ:

— Великий царь! Так просто нельзя у этого человека жену отнять. Что народ скажет? Ты ведь справедливый царь. Надо сперва от Бахтияра избавиться. Только просто так, без причины, казнить его тоже нельзя—народ обидится. Ты ведь милостивый царь. Поэтому совет мой таков: позови Бахтияра и прикажи ему привести тебе райских яблок. А где он найдёт райские яблочки? Нигде. Вот тогда ты и отрубишь ему голову, а жену его возьмешь себе.

Понравился царю совет визиря и приказал он тотчас позвать к себе Бахтияра.

Пришёл Бахтияр.

— Послушай, друг, — сказал ему царь. — Видишь, заболел я. Доктора велели мне съесть яблоко с райского дерева. Будь же так добр, достань мне райских яблочек.

Бахтияр в ответ:

— Да здравствует царь! Я бы и рад послужить тебе, да откуда же мне, чужестранцу, знать, где в этой стране растут райские яблочки? Ты прикажи лучше своим людям, — они скорее раздобудут тебе целебные плоды.

Рассердился царь:

— Много не болтай, — кричит. — Даю тебе сорок дней сроку. Не принесёшь райских яблок, — велю голову тебе отрубить.

Печальный пришёл Бахтияр домой.

— Что случилось с тобой, Бахтияр? — спрашивает его жена. — Почему ты опять такой скучный?

— Пусть змея ужалит нашего царя, — в гневе сказал Бахтияр. — Хочет он, чтобы достал я ему райских яблок. Видно, задумал он извести меня, сжить со свету.

— Не печалься, — сказала Зарнияр-ханум. — Я помогу тебе. Вот, возьми мой перстень и иди прямо на юг. Три дня и три ночи будешь идти и придёшь в царство

дивов. Набросялся на тебя дивы, а ты не пугайся. Покажи им этот перстень, — и не посмеют они даже пальцем тебя тронуть, всё исполнят, что только ни пожелаешь. Ведь перстень этот не простой, на нём печать самого царя дивов!

С этими словами сняла она перстень со своей руки и дала Бахтияру. И отправился Бахтияр в дальний путь за райскими яблоками.

Три дня и три ночи шёл, а на утро четвёртого дня пришёл он в страну дивов. И только ступил на их землю, как набросились на него дивы, схватили его, чуть на части не разорвали.

Едва-едва успел Бахтияр вытащить из кармана перстень.

Увидели дивы этот перстень и в страхе упали ниц перед Бахтияром.

— Приказывай! — говорят дивы. — Мы — твои слуги, ты наш господин.

— Приказываю, — говорит Бахтияр, — достать мне райских яблок.

— Хорошо, — говорит один див, — только для этого надо нам отправиться в страну пери. Садись ко мне на спину. Я перенесу тебя к ним.

Уселся Бахтияр на плечи к диву, и полетели они за облака. Три дня и три ночи летели по небу, а потом сели на землю, на берегу быстрой реки, около столетней чинары.

— Спрячься вот за этой чинарой и жди, — сказал див. — Скоро сюда прилетят прекрасные пери, дочери здешнего царя. Прилетят они в голубиной одежде, а потом обернутся девушками и будут купаться в этой реке. Тут уж ты не теряй времени — спрячь одежду одной из них и до тех пор не отдавай, пока не пообещают они исполнить всё, о чём ты ни попросишь. А когда получишь яблоки, перекинь кольцо с пальца на палец, и я снова явлюсь к тебе.

Сказал так див и пропал из виду. А Бахтияр притаился возле чинары, ждёт прекрасных пери.

Недолго ждал он, видит: летят к реке три сестры — три голубя. Сели они на берегу и повели между собой разговор.

Один голубь говорит:

— Сёстры, раздевайтесь, будем купаться!

Другой голубь говорит:

— Сёстры, я видела плохой сон, не надо сегодня купаться.

Третий голубь говорит:

— О сестра, ведь мы прилетели сюда издалека. Неужто улетим не искупавшись?

Наконец, уговорили старшие младшую, обернулись они девушкиами, скинули одежду и пошли в воду.

Тут выбежал Бахтияр из-за дерева, схватил платье, — то, что лежало поближе, — и снова спрятался за чинарой.

А сёстры искупались, поплавали и вышли на берег.

Старшая оделась — голубем обернулась, средняя оделась — голубем обернулась, а младшая, та, что плохой сон видела, не может своей одежды найти. Искали, искали сёстры её платье, — нет его, точно и не было.

Тогда сказала старшая сестра громким голосом — так, чтобы и в южной стороне было слышно, и в северной, и в восточной, и в западной:

— Эй, откликнись тот, кто унёс одежду нашей сестры! Заклинаем тебя тем, во что ты веришь, — выйди и верни то, что взял. Клянёмся тебе короной царя Соломона, — всё, что захочешь, дадим тебе, всё, что пожелаешь, исполним.

Услышал Бахтияр эти слова и вышел из-за чинары.

— Если так, — говорит, — принесите мне райских яблок, тогда отдам я платье вашей сестры.

Сказал, — и в тот же миг взвился один голубь в поднебесье. Часа не прошло, а уж вернулся он и принёс в клюве ветку с райскими яблоками.

Взял Бахтияр яблоки, и голубям отдал одежду их сестры.

Потом перекинул кольцо с пальца на палец, и мигом явился перед ним див.

— Ну, садись ко мне на плечи, — говорит див, — да держись покрепче.

И снова полетели они под самыми облаками.

Летели, летели и спустились на землю в том самом месте, откуда поднялись.

Тут рас прощался Бахтияр с дивом и пошёл дальше один.

Три дня и три ночи шёл он и, наконец, увидел стены своего города. Не заходя домой, отправился Бахтияр прямо к царю.

— Будь счастлив, царь! — говорит, — я принёс тебе райских яблок.

Царь смотрит на Бахтияра и глазам своим не верит.

— Ой, ой, вот радость-то какая! — говорит царь. — Бахтияр пришёл! Яблоки райские мне принёс! Вот уж спасибо тебе, друг! Вот уж спасибо!

Это на языке у него такие слова, а в мыслях не то. «Да обрушится кровля на его голову, — думает царь. — Да развернется земля под его ногами! Принёс ведь яблоки, пропади он пропадом!..»

Только думай не думай, а делать нечего — пришлось царю наградить Бахтияра и с миром отпустить домой.

А дома ждала Бахтияра красавица-жена, ждал богатый пир.

Оставим же его за весёлой трапезой вместе с прекрасной Зарнияр-ханум и расскажем о царе.

Весь день ходил царь сам не свой. Наконец, позвал он к себе визиря.

— Визирь, — говорит, — дай мне совет. Что делать? Как быть? Куда бы его послать, чтобы он больше не вернулся?

— Да здравствует царь, — отвечает визирь. — Есть такое место, откуда он не сможет вернуться. Вели ему

принести розу из сада Гюлистана Ирама. А разве он достанет розу из сада Гюлистана Ирама? Не достанет. Ни один смертный дороги туда не находил.

— Ну, спасибо тебе, хорошо ты посоветовал, — сказал царь.

Кое-как дождался он утра и послал за Бахтияром.

— Бахтияр, — говорит, — во всём моём царстве нет второго такого молодца, как ты. Кто, кроме тебя, достал бы мне райские яблоки? Никто. Будь же и на этот раз мне другом, не откажи, принеси мне розу из сада Гюлистана Ирама. Даю тебе сорок дней сроку. А не принесёшь — велю тебе голову отрубить.

Молча выслушал Бахтияр царя и даже слова не сказал. Поклонился и пошёл домой.

Сразу увидела прекрасная Зарнияр-ханум, что невесёлый вернулся Бахтияр от царя.

— Бахтияр, — говорит она ему, — почему ты такой грустный? Разве ты не знаешь, что когда тебе невесело, и мне скучно?

— Как же мне быть весёлым, — говорит Бахтияр, — когда всей жизни осталось мне сорок дней. Царь велел мне принести розу из сада Гюлистана Ирама. А как мне достать эту розу? И где он, этот сад? И есть ли он где-нибудь?

— И это вся твоя беда? — рассмеялась Зарнияр-ханум.

— А разве это не беда? — удивился Бахтияр.

— Ну, так слушай меня хорошенько, Бахтияр, — сказала Зарнияр-ханум. — Знаю я заветный лох, волшебный стих, а кто знает его, тому открыта дорога в сад Гюлистана Ирама. Я скажу тебе этот стих. Ты закроешь глаза и прочтёшь его. Откроешь глаза и в саду Гюлистана Ирама будешь. Там увидишь ты девушек. Какая из них лучше, какая хуже, — никто не скажет. Но одна среди них, как солнце среди звёзд, всех своей красотой затмевает. Зовут её Гюли-гах-гах-ханум, потому что, когда улыбается она, с губ её падают розы. Ты возьми

одну розу и скорей закрой глаза. Потом снова прочти заветный лох, и опять домой вернёшься. Но помни, на красавицу не заглядывайся, не то беда будет.

Тут прошептала она ему на ухо заветные слова, и снова отправился Бахтияр в путь.

Пройдя городские ворота, остановился он, закрыл покрепче глаза и, словно молитву, прочёл волшебный стих. И только сказал последнее слово, — подхватила его какая-то сила, подняла, понесла по воздуху. От удивления Бахтияр даже глаза открыл. Открыл — и в тот же миг ноги его коснулись земли.

Огляделся Бахтияр по сторонам, и сам себе не поверили.

В жизни не видел он такой красоты. Повсюду розы цветут, соловьи свистят, фонтаны журчат. И среди цветов и фонтанов танцуют и поют сорок прелестных девушек.

Видно, бог создал их в чудный день, в чудный час.

Ни один смертный не скажет, кто из них лучше, кто хуже.

Но одна среди них всех своей красотой затмевает. Солнцу поутру скажешь: не поднимайся, — она поднялась, луне в полночь скажешь: не выходи, — она вышла.

Взглянул на неё Бахтияр и с трудом глаза отвёл. Но не удержался, ещё раз взглянул, да так и не мог больше оторвать от неё глаз. Обо всём на свете забыл он: и о розе, и о царе забыл, и откуда пришёл, и зачем пришёл.

Оставим же его теперь в саду Гюлистана Ирама и расскажем о Зарнияр-ханум.

День ждала Зарнияр-ханум мужа, два дня ждала, десять дней ждала, двадцать дней ждала.

Вот уже тридцать девять дней прошло, сороковой наступил, а Бахтияра всё нет.

«Видно, околдовала его Гюли-гах-гах-ханум, — думает Зарнияр, — и не уйти ему теперь самому из сада Гюлистана Ирама».

Закрыла она тут глаза и прочла заветный лох, волшебный стих. Прочла — и в тот же миг очутилась в саду Гюлистана Ирама.

Смотрит — так и есть: Гюли-гах-гах-ханум с девушками хоровод водит, а Бахтияр тут же стоит, глаз от неё отвести не может.

Весело в саду, смеются девушки, смеётся Гюли-гах-гах-ханум, и розы с её губ так дождём и сыплются, всю землю, точно душистым ковром покрыли.

— Иди к нам в хоровод, — зовут девушки Зарнияр-ханум.

— До хоровода ли мне! — отвечает она девушкам, а сама обернулась голубем, Бахтияра превратила в палочку и полетела с ним из сада Гюлистана Ирама. И розу взять не забыла, вместе с палочкой в клюве несёт.

А когда прилетели они домой, опять приняли свой прежний вид — голубь красавицей Зарнияр обернулся, а палочка — Бахтияром.

Едва переступил Бахтияр порог своего дома, как сразу вернулась к нему память.

Стыдно ему стало, что пришёл он с пустыми руками.

— Может, ещё успею я до захода солнца розу принести, — подумал Бахтияр.

Бросился он из дома и уже глаза закрыл, уже первые слова волшебного стиха произнёс, но тут подбежала к нему Зарнияр-ханум, взяла его за руки и говорит:

— Бахтияр! Что задумал ты? Вернись домой! Посмотри, что ждёт тебя дома!

Нехотя вернулся Бахтияр в дом. Посмотрел, — и глазам своим не поверил! — роза из сада Гюлистана Ирама лежит на столе.

— Не теряй времени, Бахтияр, — говорит ему жена. — Бери эту розу и ступай скорей к царю. Уже сороковой день на исходе.

Бахтияр так и сделал — схватил розу и побежал во дворец.

Царь даже глаза раскрыл от удивления.

— Ай, ай, ай! — говорит. — Бахтияр жив-здоров, ко мне пришёл, мне розу принёс! Вот счастье, вот удача!

Обнимает царь Бахтияра, а сам думает: «Вот горе, вот беда! Как же мне от него избавиться?»

И не успел Бахтияр дворец покинуть, снова зовёт царь своего визиря.

— Визирь, — плачет царь, — что же делать? Как быть? Его хоть в преисподнюю пошли, хоть под седьмой слой земли загони, — всё равно живой возвратится. Визирь, дай совет! Иначе разорвётся у меня печень!

Не знает визирь, что и делать. Час думал, два часа думал, и вдруг удариł себя по лбу.

— Придумал! — говорит, — придумал, великий царь! Прикажи Бахтияру, чтобы сходил на тот свет, проводал твоих родителей. Это дело верное, — кто на тот свет отправился, тому на этот свет уж не вернуться.

Очень понравился царю совет визиря. Тотчас послал он за Бахтияром, и когда пришёл тот, сказал ему царь:

— Бахтияр, друг, нужна мне твоя помощь. Давно не видел я батюшку с матушкой, с самой их смерти не видел и очень по ним соскучился. Прошу тебя, друг, сходи на тот свет, проведай, как они живут, здоровы ли, веселы ли? И от меня привет передай.

— Царь, будь справедлив! — взмолился Бахтияр. — Ты невозможного требуешь.

А царь в ответ:

— Слышать ничего не хочу, даю тебе сорок дней сроку, — если сам на тот свет дороги не найдёшь, мой палаch поможет тебе. Так и помни.

Пришёл Бахтияр домой, а Зарнияр-ханум смотрит на него и глазам своим не верит, — будто и он это и не он.

— Эй, Бахтияр, — говорит Зарнияр-ханум, — что это ты словно мертвец какой, только хоронить тебя некому?

— Я и вправду уже мертвец, — говорит Бахтияр, — хоть и не умер ещё. Царь приказал мне отправиться на тот свет, родителей его проведать, весточку от них привести. Как же выполнить мне такое приказание? На тот

свет не найти живому дороги, а мёртвому на этот свет не вернуться.

— Ну, твоей беде помочь можно, — сказала Зарниярханум. — Пойди, скажи царю, — пусть прикажет сложить на площади побольше дров, да облить их хорошенько маслом. Потом взберись на самый верх дровяной горы и вели зажигать костёр. Запылает масло, поднимется кверху густой чёрный дым и скроет тебя от глаз людей. А я тем временем обернусь голубем, тебя превращу в палочку и вынесу из огня целым и невредимым. А что дальше будет, о том не горюй, — увидишь, как я с царём расправлюсь!

У Бахтияра от радости все косточки заплясали.

Пошёл он тотчас к царю и говорит:

— Да здравствует царь! Прикажи, милостивый царь, сложить на площади сорок выюков дров и вылить на них сто бочек масла. А я заберусь на самый верх, и, когда подожгут дрова, огонь меня прямо на небо поднимет, до самого того света донесёт. Только, смотри, не пожалей дров, чтобы сильнее пламя было.

— Да что ты, друг! Разве я пожалею?! — говорит царь. — Ведь для себя стараюсь.

И сейчас же приказал выложить на площади не сорок, а сто выюков дров.

«Пусть, — думает, — даже кости его сгорят, чтобы и следа от него не осталось».

Вот сложили царские слуги посреди площади целую гору из дров. Взобрался на неё Бахтияр и кричит вниз:

— Эй, вы! Зажигайте скорее! Пора мне на тот свет отправляться.

— Да будет лёгким твой путь! — сказал царь и собственными руками поджёг дрова.

Тут же рядом с царём визирь и цырюльник стоят, масло в огонь подливают.

— Наших родителей тоже навестить не забудь, — кричат они Бахтияру. — Наш сыновний привет тоже передай им!

А пламя уже со всех сторон костёр охватило. Запыхались, затрещали, задымились дрова, искры и дым столбом взвились в небо и закрыли Бахтияра от людских глаз.

Тут, не теряя времени, Зарнияр-ханум обернулась голубем, Бахтияра превратила в палочку и целым и невредимым вынесла его из огня.

А царь с визирем и цырюльником целую ночь напролёт не спали — то масла в огонь подбавят, то полено подкинут.

Оставим же их стоящими у костра, а сами пойдём в дом Бахтияра.

До рассвета пировал Бахтияр со своей прекрасной женой. И все тридцать девять дней — день за днём — провели они в веселье и удовольствиях. А когда занялся сороковой день, сказала Зарнияр-ханум такие слова:

— Пусть здравствует царь! Его милостью мы не плохо повеселились. Теперь пришло время и его повеселить. Царь хотел получить весточку от отца. Что ж! Пусть достигнет он желанного.

Взяла она тут свиток и написала на нём вот что:

«Да почернеет твоё лицо, сын наш! Да ослепнут твои глаза! Ты послал Бахтияра навестить нас, а сам прийти поленился. Горе сыну, забывшему своего отца, горе от прыску, забывшему свой род. Пока не поздно, отклони проклятие от своей головы, приди к нам, чтобы могли мы порадоваться, глядя на тебя».

И внизу, точно подпись, вывела имена всех предков царя до седьмого колена.

Потом написала такое же послание визирю. И цырюльника не забыла, ему тоже приглашение на тот свет заготовила.

Все три свитка положила она в сумку Бахтияра и, пока ещё не взошло солнце, повела его на городскую площадь. Там усадила она его посреди пепелища, вела закрыть глаза и рот руками и засыпала его с ног до головы золой.

А дальше вот что было.

Утром, чуть только проснулся царь, позвал он своего визиря и цырюльника, и пошли они на городскую площадь. Там взялись они за лопаты и стали перекапывать золу, что осталось от пожарища, — по сторонам её разбрасывают, по ветру развеивают. Пусть народ видит, что нет больше на земле Бахтияра, пропал он, не вернулся с того света.

Вот копают они золу, копают, до середины кучи уже докопали. И вдруг зашевелилась куча, задвигалась, сама собой осыпаться стала. И из самой середины выскочил Бахтияр. Голова серая, руки серые, весь серый. Отплёвывается, отряхивается, а потом поклонился царю и говорит:

— Да здравствует царь! Ну и торопился же я! Боялся к сроку опоздать, твою милость прогневать. Спасибо тебе, что навстречу мне пошёл, дорогу порасчистил. А приказ твой я выполнил. Батюшку и матушку твоих повидал, твой привет передал. Они хоть и не живы, а здоровы. Дом их в райском саду стоит, выйдешь на крыльце — с одной стороны молочное озеро, с другой — медовая река. Всем они довольны, только вот на тебя в обиде, — да простятся мне эти слова, да не обрушится твой гнев на мою голову.

— А моих родителей видел? — спрашивает визирь.

— Как же, видел, — говорит Бахтияр. — И твоих и цырюльниковых. Они там отцу цареву служат, как вы здесь служите самому царю. Да вот они вам и написали. — И вытащил из сумки три свитка.

Прочёл царь — до самых ушей покраснел.

Прочёл визирь — до корня волос краской залился.

Прочёл цырюльник — даже лысина у него загорелась.

Прочли все трое и друг на друга смотреть стыдятся. Наконец говорит царь:

— Бахтияр, если мне на тот свет итти, сколько дров понадобится?

— И я тоже не прочно родителей проводать, — говорит визирь.

— Да уж и меня с собой возьмите, — говорит цырюльник.

— Ну, на всех вас много дров надо, не менее пятисот выюков, — говорит Бахтияр.

Тут велел царь сложить на площади пятьсот выюков дров. Потом забрался со всем своим семейством, с визирем и цырюльником на самый верх дровяной горы и приказал поджигать дрова сразу с четырёх сторон.

Небывалый огонь поднялся к небу и унёс царя со всем его семейством, с визирем и цырюльником на тот свет.

А народ выбрал Бахтияра своим царём, и стал он царствовать — да так хорошо и справедливо, что все кругом только и говорили: «И чего мы раньше смотрели! Давно бы надо было так!»

Вот и царём стал Бахтияр. И жена у него среди красавиц — первая красавица, и дворец у него самый богатый. Всего он достиг, о чём даже не мечтал. Всё, что и во сне не снилось, наяву сбылось. А сон — не сбылся. И не знает Бахтияр, где искать его, как найти. Ведь стадо овец отдал он за этот сон, да в придачу своё имя.

Только не даром говорят: где ищешь, там не найдёшь, где не ждёшь, там встретишь.

Как-то вечером вернулся Бахтияр из судилища, вошёл в покой своей жены и видит, что спит она крепким сном. Не стал Бахтияр её будить, завернулся в свою царскую мантию, как прежде заворачивался в пастушеский плащ, и лёг на полу. Ноги к подбородку поджал, голову в плечи вобрав и заснул крепким сном.

В полночь Зарнияр-ханум проснулась и видит — спит в её покоях какой-то чужой человек. Подняла она своих служанок, смотрят все на него, не знают, что делать — то ли за стражей бежать, то ли самим пришельца убить.

И вдруг Зарнияр-ханум говорит:

— Ай, аман! Это ведь сам Бахтияр! Я знаю, он раньше был пастухом. Он привык так спать. Ступайте к себе, а я около него посижу, сон его постерегу.

Ушли служанки, а Зарнияр-ханум села возле Бахтияра, сидит, стережёт его сон.

Среди ночи проснулся Бахтияр, посмотрел на Зарнияр-ханум и, словно от яркого света, зажмурился. Потом снова открыл глаза, снова посмотрел на нее, и вдруг как начнёт смеяться!

Не понимает прекрасная Зарнияр-ханум, что это с её мужем сделалось, отчего он так развеселился?

— Бахтияр, — спрашивает, — что с тобой? Почему, глядя на меня, ты не можешь удержаться от смеха?

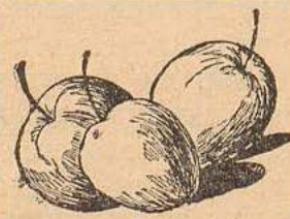
А Бахтияр в ответ:

— Не над тобой я смеюсь. А смеюсь я от радости, потому что исполнился, наконец, сон, который я купил у одного старика. Это не простой был сон. Приснилось ему, что среди ночи взошло солнце и светит над его головой. Люди говорят, что не бывает так, а вот случилось, потому что ты, Зарнияр-ханум, — мое солнце. И знай ещё, что зовут меня не Бахтияр. Имя это я купил вместе с этим сном. А настоящее мое имя — Мелик-Мамед.

Вот и всё.

Бахтияр сон нашёл — сказке конец пришёл.

С неба упало три яблока: одно — мне, другое — тебе, третье — тому, кто сказку рассказал.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Русские сказки

Василиса Прекрасная	3
Поди туда — не знаю куда	12
Иван-царевич и Серый волк	31
Молодильные яблоки	39
Сивка-бурка	55
Царевна-лягушка	61
Кошечай-бессмертный	69
Иван-солдат	76

Украинские сказки

Ветер	89
Три слова	95
Данило-несчастный	97

Белорусские сказки

Асилак и змей	107
Музыка-чародейник	111
Ох.	116

Грузинские сказки

Про бедного сапожника	124
Про царя и его сына	130
Заработанный рубль	132
Рогатый царь	136

Армянские сказки

Анант	141
О змее и Шиваре	152
Охотник Манук	159

Татарские сказки

Соловей	174
Три дочери	178
Джигерджи-печенка	180

Литовские сказки

Мороз и Морозец	189
Два брата и Несчастье	191
Дамарт и пироги	194
Волшебная овечка	197
Почему кот моется после еды.	200

Эстонские сказки	
Щепа и кора	202
Почему вода в море соленая	207
Латышские сказки	
Барин и чорт	214
О злой хозяйке и Чучеле лохматом	217
Абхазские сказки	
Мудрая невеста	223
Джамхух — сын оленя	234
Эвенкские сказки	
Жадный князь	245
Каменная чаша	247
Манго Дарамго	249
Сказка народов Коми	
Лесной человек Яг-морт	254
Алтайская сказка	
Лев и бык	263
Удмуртская сказка	
Жадный купец	268
Адыгейская сказка	
Золотой кувшин	270
Туркменская сказка	
Добрый Умар	275
Ненецкая сказка	
Лосиная голова	283
Киргизская сказка	
Волшебный колодец	285
Нанайская сказка	
Близнецы	293
Азербайджанская сказка	
Бахтияр	298

Цена 8 руб. 20 коп.

МОЛОТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951